

Только правда и ничего кроме
правды.

Клянусь своей треуголкой

Владимир Копылов, esq

Владимир Копылов, esq

**Только правда и ничего кроме
правды. Клянусь своей треуголкой**

«Автор»

2026

Копылов, esq В.

Только правда и ничего кроме правды. Клянусь своей треуголкой /
В. Копылов, esq — «Автор», 2026

Это самая правдивая история походов одного очень известного барона. Молодой, очень известный барон приезжает в Российскую Империю по заданию своего сюзерена - герцога Карла первого Брауншвейгского. Книга рассказывает о приключениях молодого барона на просторах России. В Российской армии он прослужит двенадцать лет. Вот как раз об этом периоде его жизни молчат архивы, но я приоткрою тайну его участия в дворцовых переворотах. В книге присутствуют сексуальные сцены, в пределах пуританского взгляда, а так же сцены баталий и дуэлей 18 века. Книга рассчитана на детей изрядного возраста, ещё не бросивших курить. С целью сохранения морали, детям до 16 лет читать не рекомендуется, но если очень хочется, то можно, но под присмотром родителей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	61
Глава 7	72
Глава 8	83
Глава 9	94
Глава 10	105
Глава 11	116

Владимир Копылов, esq

Только правда и ничего кроме правды. Клянусь своей треуголкой

Глава 1

Ну, здравствуй мытая Россия!

Где-то на просторах Великой Российской империи, в лесах, не доезжая древнего города Изборска, в конце декабря 1737 года замерзал молодой немецкий дворянин. В первый день своего путешествия, санный обоз из нескольких саней и пары всадников, выехал из славного города Риги в сторону старинного города Изборска. Ничто не предвещало, что буквально через пару дней ударит лютой мороз. От этого мороза на лету замерзали птицы, звери попрятались по норам и берлогам, а деревья в лесу трещали как сломанные деревянные заборы. Голодные волки, в свою очередь устроили такой хоровой концерт, что даже бывалые охотники крестились и поминали всех святых, понимая, что при первой же атаки серых хищников на маленький обоз, вряд ли кто выживет.

Бедный немецкий дворянин Карл, несмотря на то, что он был заботливо укутан в какой-то странный тулуп, купленный им в Риге по совету попутчиков из числа местных жителей, не мог более сидеть в седле. Его руки в шерстяных перчатках уже давно замерзли, пальцы скрючились как куриные лапы и не разжимались, намертво держась за поводья. Про ноги вообще речи не шло, добротные кожаные ботфорты уже давно превратились в колодки для ног. Всё, Карл ждал своей смерти от холода, а дворянская гордость и честь, вбитые ему в голову с детства, не давали ему возможности обратиться за помощью к старшему их небольшой кавалькады.

- Барин, а барин, ты там как, жив ещё? – услышал Карл голос одного из возниц. Произнесено всё было на русском языке, который Карл вообще не знал, за исключением нескольких слов и парочки ругательств, подслушанных им в одном постоялом дворе.

- Verdammt, ich friere ein. – И это всё что мог сказать молодой человек, одетый в кургузый тулуп, надвинутую на уши треуголку, из-под полей которой, торчал белый длинный нос, покрытый инеем.

- Братцы, помогите барина с седла снять, а то замерзнет насмерть, - раздался тот же голос, что и интересовался состоянием Карла.

Обоз остановился посередине лесной дороги, крепкие мужские руки, выдернули ноги из стремян и в считанные секунды Карл оказался на руках крепкого русского мужика, держащего молодого человека, как мать дитя во время кормления. Еще через некоторое время, Карл был уложен в сани с провиантом, накрыт очередными тулупами и войлочными рогожами. Принявшие дельное участие в судьбе попутчика возницы, сняли с его ног щегольские ботфорты, ступни ног размяли как тесто и растерли меховыми варежками, после чего обули в безразмерные валенки. Меховыми варежками растерли за одно лицо и баронский нос, после чего из фляги влили в рот отвратного пойла, крепостью как Кёнигсбергская крепость, от которого у молодого дворянина обожгло губы и горло. Воздуха в лёгких не хватало, но Карл прокашлялся и впервые почувствовал, как его глаза вылезли из орбит, а когда он непроизвольно открыл рот вдохнуть воздуха, то тут же получил вторую порцию пойла, которую организм заглотил машинально, обжигая весь пищевод и нутро живота. Однако после второго глотка последовал третий глоток, и горло обожгло ещё раз, но уже не так сильно, а по телу разлилось лёгкое тепло пробираясь в конечности, задубевшими от непривычного мороза. Карл разомлел от выпитого, а крепкие мужские руки уложили Карла на пахнущую лошадином потом попону, сверху нава-

лили тулупов и дерюг. Молодой человек впал в благостное забытье, плавно перешедшее в здоровый сон, на холодке. Так верста за верстой, в относительной теплоте, Карл двигался в сторону постоянного двора в Изборске, где обозу надо было поменять лошадей, отогреться, выспаться и в дальнейшем выдвинуться в сторону Пскова, а там и в Санкт Петербург.

Сопроводительные документы на Карла и рекомендательные письма от его герцога Карла первого Браншвейгского, лежали запечатанные в его дорожной сумке, намертво прикрепленной к его кожаному поясу. У молодого Карла Мюнхгаузена начиналась новая жизнь, возможно при дворе. Возможно, он сделает хорошую военную карьеру и вернется в свой родной город Боденвердер богатым и знаменитым. Вполне возможно, женится на богатой дворянке с солидным приданным, и у него будет много детей и внуков, которым он будет по вечерам сидя у камина, рассказывать о своих военных подвигах. Обыкновенные планы на жизнь, как у всех молодых, не познавших жизнь небогатых дворян.

Под такие приятные размышления Карл потихоньку, под скрип снега, под волчий вой и ласковое укачивание в санях, потихоньку дремал, отдав свою душу и тело на волю Божью.

В этот морозный день, убаюканный и отогретый, слегка покрытый, непонятными ему русскими словами и теплыми тулупами, насильно напоенный страшным лекарством под названием «Первач», пересек старую границу России, молодой Ганноверский дворянин Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, направленный на службу в Российскому Империию.

Его неблизкий путь лежал прямо в Санкт Петербург, в свиту герцога Антона Ульриха, которого он знал ещё с детства. Хоть герцог и был немного старше Карла, но повзрослев, они стали хорошими приятелями и вот теперь Антону потребовалась помощь именно Карла. Антон Ульрих, написал своему брату Карлу первому, заменившего почившего отца - герцога Фердинанда на герцогском престоле письмо, где указал, что нуждается в паже, желательно старым знакомым, которого юный герцог хорошо бы знал. Так как других кандидатур с такими требованиями при дворе Карла первого не было, то вскоре молодой паж, возрастом давно за восемнадцать лет, был незамедлительно снабжён соответствующими грамотами, средствами на дорогу и отправлен в Российскую империю в свиту герцога Антона Ульриха.

Так посапывая и греясь под слоём рогож и тулупов, уже более или менее отогретый, Карл въехал в старинный город Изборск в санях небольшого обоза, а его лошадь бодро перебирала копытами свежевывающий снег, гарцуя за своим седоком. Первое что увидел Карл в Изборске, были снежные горы, высившиеся вдоль дороги. В этих снежных горах имелись прорехи, выкопанные жителями города к своим калиткам, за которыми виднелись деревянные дома, занесенные снегом аж, почти под самую крышу. Глядя снизу, лежа в санях, у Карла складывалось впечатление, что жизнь в домах определяется наличием дыма из трубы, что говорило о том, что в доме кто-то ещё жив и этот кто-то борется как со снегом, так и с холодом. Мороз немного спал, но Карлу всё равно было очень холодно. Хотя его руки немного отогрелись, а ноги, так и вообще чувствовали себя более или менее комфортно, время от времени его пробирала холодная дрожь по всему телу.

Единственное место в городе, где снег расчистили по оконные проёмы, был как раз постоянный двор, куда обоз и завернул после долгой дороги. Ворота постоянного двора, были гостеприимно раскрыты настежь, а снежный покров внутри двора, был усыпан опилками и соломой и, эта дорога вела как раз к коновязи и далее в конюшню. Свирепая псина, размером с зайца, проворно вылезла из какой-то снежной пещеры, вероятно собачей будки, полностью засыпанной снегом, официально облаяла вновь прибывший обоз и так же проворно спряталась от греха подальше в свой сугроб.

Заботливые руки здоровенного мужика, с черной бородой, росшей прямо от хитроватых глаз, бережно извлекли Карла из теплых объятий дерюг и тулупов на холодок, приняли его на руки и, перенесли в теплое помещение постоянного двора. Сопровождался перенос тела кри-

ками этого самого мужика, – Посторонись, барин замерзает, готовьте баню ироды, да шевелитесь вы, бестолочи.

- Что орешь, горластый. Баня давно готова, и парок наведен, и венички пропарены, знай, ложись на полк и молись всем святым, - произнёс из чрева постоянного двора грубый женский голос. - Давай горластый, тащи его в баню на задки, а я вам пока стол соберу и девку с отваром и мёдом пришлю, - пробасил тот же голос.

Так, на руках рослого мужика, Карл оказался в теплом помещении предбанника. Этим же мужиком, он был полностью раздет и разут, вытряхнут из мундира и лосин, полностью лишен нижнего белья и водворен в соседнее помещение. Вот где был самый настоящий, горячий ад, только без чертей со сковородками, но с одним окошком на стене и большим чаном с кипящей водой, обложенный камнями, стоявший посередине помещения, от которых и исходил этот адовый жар.

Что происходило с Карлом потом, он вспоминал всю оставшуюся жизнь. «Я прошел через все муки ада. Меня хлестали ветками с листьями, поливали водой, чем то обмазывали, а потом поливали водой. А затем повторяли всё то же самое во второй раз. Третий раз я помню плохо, пот заливал мне лицо, крепкие руки русских мужиков, меня мяли как тесто, возвращая мою немецкую кровь и плоть к жизни, не только в конечностях. Наверное, когда я молился Всевышнему о прекращении адových мук, он меня слышал. Меня бесцеремонно, под руки, совсем голого, мужики перенесли в прохладную комнату и усадили на прохладную скамью, сидя на которой я почувствовал себя как в раю. Сами же возчики, с криками и гиканьем, никого не стеснясь, полностью голые, с раскрасневшимися от адова жара телами, выскакивали на улицу, на самый мороз, и с разбега прыгали в высокие сугробы. Мало того, при этом они ещё и обтирались снегом, нисколько не страдая от этого, а я в очередной раз падал в обморок от этого веселого зрелища».

Однако, когда уже слабо сопротивлявшегося Карла ввергли в очередной раз в парилку, то его больше никто не бил ветками, не обливал водой, его просто положили на средний полк и оставили в покое и неге, которые он впитывал в себя как морская губка. Карл расслабился, вдыхая ароматы хвои и лиственницы, которые затем сменили запахи каких-то трав и он, отогретый и расслабленный, немного вздремнул.

- Барин, а барин, пора вылезать. Хорошего то понемножку, мы и так тут немного запарились лишку, - пробасил здоровенный мужик, поднимая Карла и ведя его в предбанник, где уже висела его форма, вычищенная и опрятная, а его нижнее бельё было отстирано и сохло на веревке под низким потолком. - Да они тут помешаны на чистоте, постоянно моются в бане, вон и сидят все лица красные и довольные, бороды черные и пышные. Сами мужики здоровые и жилистые, потные, с отметинами на спинах и боках, то ли от порки, то ли от сабель. С такими бывальными мужиками и волков в лесу не страшно, да вообще можно никого не бояться – рассуждал разомлетый Карл.

- Угощайся любезный, - с этими словами, Иван поднес Карлу глиняную кружку с горячим отваром и, как маленькому мальчику вложили в рот ложку с ароматным луговым мёдом.

После чаепития, почувствовав себя заново рожденным, Карл оделся в свою форму, сунул ноги в валенки, накиннул на плечи овчинный тулуп, надвинул на лоб свою треуголку и как малое дитя, был за ручку отведен на постоянный двор к столу, ломившегося от обильной русской еды.

Карл, сам себе честно признался, что такого обилия еды он не видел никогда. Скупая немецкая щедрость, к которой он привык с детства, казалась ему просто стороной жизни в германских землях. Но здесь в России, он впервые был накормлен как породистый жеребец, добрым хозяином. После первой порции капустного супа с мясом и сметаной, с коротким названием – Щи, которые он смолотил, ловко махая деревянной ложкой, он по традиции немного отпрянул от стола, ибо почувствовал, что первый голод был утолен. Один из сопровождающих обоз Рижских купцов по имени Альберт, на немецком языке объяснил ему, что это только

начало трапезы, так, для затравки желудка. Основная же трапеза ещё впереди и ему надо быть готовым по возможности съесть, всё то, что перед ним поставят. А если он не съест, то это будет кровная обида хозяевам дома. - Привыкайте господин барон вкушать простые и вкусные блюда, тут вам не Германия. Тут еда дает силы бороться с теми же морозами, от коих вы чуть не отдали Богу душу – поучал Карла Рижский купец Альберт.

Карл перекрестился по лютерански на православные образа в углу трапезной, про себя прочитал молитву, и с Божьей помощью принялся поглощать куриную ногу, с хрустящей корочкой, запечённую с луком, чесноком и сметаной в большой русской печи. Расправившись с ножкой, Карл элегантно поддев кусок жареной баранины из общего блюда своим кинжалом, положил его себе на деревянную тарелку и, делая вид, что не особо то и голоден, не торопясь принялся его по кусочкам резать и класть себе в рот. Надо отметить, что кроме ложек и ножей никаких приборов на столе не было. Душистый каравай серого хлеба, его попутчики отрезали крупными ломтями, прижимая каравай рукой к груди. Приготовленное мясо, мужики брали прямо с блюда, кто-то управлялся ножом, а кто-то и голыми руками. Пили гости в основном пиво или «Первач» громко чокаясь глиняными кружками. Карлу как самому молодому налили изумительного вишневого компота, который он еле-еле вливал в себя из-за забитого под завязку жующего рта. Рижский купец, поняв страдания Карла, лично налил ему кружку пива, к которому Карл уже успел привыкнуть на родине. Пиво было неплохим, но в сравнении с пивом в пивной его родного города или пива с Рижского рынка, местное пиво явно проигрывало своей слабостью и немного горчило.

Стол был уставлен простыми блюдами с простой крестьянской едой. Прикинув в уме приблизительную стоимость всех этих яств у себя в Германии, Карл пришёл к выводу, что это будет не так уж и дорого, а учитывая, что он находился на окраине империи, то и вообще сущие пустяки или пфенниги. И экономное начало его сущности отступило на второй план, предоставив место чревоугодию. В середине стола дымились только что вынутые из печи с румяными боками, вкусно пахнущие белым хлебом пироги с мясом и расстегаи с рыбой. Мясо дикого кабана, молодого барашка на ребрах с запечённым жирком, а так же печёная в печи курица, были распределены крупными нарубленными кусками по всей площади стола в деревянных или глиняных плошках, чтобы все присутствующие не тянулись через весь стол за понравившимся куском. С хорошо приготовленного мяса, стекал жир на дно этих плошек, и опытные чревоугодики макали в этот жир толстые куски пахучего серого хлеба с ароматной корочкой, и с причмокиванием отправляя этот немудрённый деликатес себе в рот. Но больше его поразило разнообразие различных солений выставленных на столе в высоких мисках. Огурцы и капуста, чеснок и какая-то душистая трава, торчали из глиняных мисок, иногда перевешиваясь через край и, уже из них, мужчины извлекали соленья просто пальцами и, либо сразу отправлялись по назначению в рот, либо аккуратно укладывались в тарелки к остальной еде. Наверное, это был такой небольшой пир местного значения, но тот же купец ему разъяснил, что сегодня суббота, банный день, а после бани в России как следует выпить и закусить – святое дело. Наверное, из экономии, но бутылки и кувшины с алкоголем на столе не стояли, просто две подавальщицы смотрели, у кого из мужиков заканчивался напиток, тому и подливали по самые края, иногда разбрызгивая на стол или на руки пьющего. Это не вызывало какой либо неприязни к девицам, а даже наоборот, мужики как дети радовались и что-то там говорили про «полную чашу в доме». Две девицы старались, как могли угодить гостям, подмигивали, улыбались и смеялись скабрёзным шуточкам, получали шлепки по округлым задницам, спрятаным под кучей юбок, и от этого ещё больше громко хихикали. Ничего нового, в Германии, в славном городе Ганновере в пивных и трактирах всё то же самое, к чему Карл успел привыкнуть на службе у герцога.

Карл был юношей наблюдательным и запоминал, как русские мужики пили «Первач», смачно вливая его в себя одним махом, а потом закусывали солеными огурцами или кваше-

ной капустой. Странно, но за столом он провёл уже довольно длительное время, при этом он поглощал еду, особо и не отставая от товарищей по дальней дороге, а чувства насыщения он как-то и не замечал, оно просто не приходило. – Наверное, это и есть русский дух и русская традиция, которые в него вбили в бане ветками с листьями. Отпишу родным письмо, они и не поверят. Чтобы стать в России своим человеком и не пропасть на её просторах, надо быть избитым ветками, пропариться в бане, а потом сесть за стол с теми, кто тебя нещадно колошматил, выпить с ними «Первача» и петь песни после трёх кружек. Чудеса, да и только, - рассуждал Карл, запивая пивом очередной кусок мяса, вставший поперек горла.

Конечно у себя на родине, он ни в жизнь никогда бы не сел за один стол с кучерами, возчиками, приказчиками и купцами. Потребовал бы себе отдельный чистый стол и попил бы себе пиво со свиной рулькой и тушёной капустой. Но сейчас другой случай. Эти бородатые мужики, спасли его от неминуемой смерти от холода, согрели и довели до города Изборска, отогрели в бане, как он потом узнал, топившейся «по-чёрному». А теперь его обильно кормят, и никто не требует с него платы за еду, которую он поглощает с ними с одного стола.

Рижский купец Альберт, пока Карл допивал своё пиво, договорился с хозяйкой постоялого двора о ночлеге молодого господина. Немного погодя, сидя на лавке, Карл стал клевать носом, а две дородные белокурые девицы с выдающимися формами, просто кровь с молоком, взяли его под белы ручки, и подняли полусонного Карла из-за стола и, практически отнесли его на второй этаж в комнату, где в углу уже было сложено походное имущество Карла, его оружие и дорожные сумки.

В этот раз, под шутки и смешки двух девиц, он во второй раз за день, был бережно извлечён из своей формы, вынут из валенок и так же бережно уложен на топчан с матрасом, пуховой подушкой и постельным бельём. Пуховое одеяло приняло молодого дворянина в свои мягкие объятия, Карл почмокав во сне губами, повернулся на бок и блаженно засопел. Одна из девиц, самая боевая, выпроводила свою подружку за дверь. Закрыла дверь на засов и, потушив свечу, скинула с себя ночную рубашку, быстро запрыгнула под одеяло, крепко прижимаясь к теплому телу Карла. Старый проверенный способ и замечательный повод. Что бы окончательно отогреть человека к нему необходимо прижаться нагой женщине, и тогда он точно не заболит, а холод покинет самые глубокие закоулки тела мужчины.

Карл проснулся утром, прижатый к бревенчатой стене своего номера тёплой спиной спящей белокурой девицы. Бывало, что он просыпался после бурной ноченьки, тогда девицы либо лежали на его плече, либо закинув ногу на ноги Карла, но вот чтобы его впечатали в бревенчатую стену, такое могло быть только в этой стране. Наверное это очередная русская традиция.

В этот предзвездный ночной час, где-то в сарае дико закукарекал петух, и ему сразу ответили его собраты по перу и кукареканью из соседних домов. Утро то оно и есть утро, только вот на дворе ночь непроглядная, а обоз раньше, чем засветло, в дорогу не соберётся. Девица, разменяв третий десяток своей жизни, и будучи опытной работницей придорожного заведения, обнаружив шевеление молодого человека, повернувшись к Карлу своими очень даже приличными формами, обхватила несчастного барона руками за плечи, запечатала его рот сочным и жарким поцелуем. Крепкими руками притянула к себе Карла, который и не думал сопротивляться, при этом жарко шептала ему на ухо такое знакомое ему родное слово – «komm schnell, mein lieber».

Через некоторое время, уставшие они отвалились друг от друга. Девушка, даже не отдохнув, натянула на себя свою ночную рубашку, сочно чмокнула Карла в губы и одев короткие валенки, испарилась за дверь, оставив Карла одного в блаженной неге и мыслях которые роились у него в голове.

А мыслей у него накопилось немало, и пока есть время, он решил немного подумать, вспомнить недавно прошедшие дни, сделать выводы и построить планы на ближайшее время.

Примерно месяц назад, судьба решила, что его вольготная жизнь у престола герцога Карла (1) слишком уж расслабляет молодого барона, которому на роду написано проявлять героизм и плодотворить подвиги во славу отечества. Судьба, в виде письма из России резко изменила свое благодушное направление, и в приказном порядке отправила его в страну, где находился его старый друг детства Антон Ульрих, в Россию. Антон находился в России в качестве супруга одной важной особы, и правящий дом имел на него свои грандиозные планы.

Замок Мюнхгаузенов и замок герцога Фердинанда, находились недалеко друг от друга в окрестностях Ганновера, и когда отец Карла умер, герцог учредил опеку над мальчиком и как добрый сосед взялся за его воспитание, а за одно и за воспитание своего сына Антона, который был старше Карла на пять лет. Поначалу мальчишки сторонились друг друга, но как-то набедокурив, разбив горшки с цветами, они оба оказались на скамье с голыми задницами и каждый получил по пять ударов розгами в качестве наказания и нравоучения. Вот с этих пор они ещё крепче сдружились, и до самого отъезда Антона в Россию. Юноши были - не разлей вода приятели. Несмотря на то, что Карл был младше, он уже к тринадцати годам был практически на голову выше Антона, шире в плечах и сообразительнее. Антон же был немного флегматичен и интересовался больше науками и книгами. А вот Карл больше уделял времени обучению воинским наукам, фехтованию, стрельбой, верховой ездой и всем тем необходимым, что должен знать будущий офицер. Карл и Антон получили домашнее образование, одно из лучших, ибо их учителями были преподаватели Ганноверского университета. Герцог не жалел средств на мальчуганов, по той простой причине, что на самом деле род герцога и род Мюнхгаузенов были дальней роднёй где то в восьмом колене по восходящей линии, а следовательно помогать родне, святой долг каждого немецкого дворянина.

После отъезда Антона в Россию, чтобы Карл не скучал, новый герцог Карл 1, после смерти своего отца герцога Фердинанда, определил его в свою свиту пажом, чтобы этот подрастающий сорванец был при деле и на глазах. Даже десяток розог по баронской заднице, иногда не могли отбить у него охоту пошалить. А так при деле, всегда на глазах, ну и воспитание в духе немецкого рыцарства продолжалось с удвоенным натиском.

В один из вечеров, отдыхающий с друзьями и подружками в пивной «Старая Дева» в самом центре Ганновера, барон стал свидетелем, как младший офицер свиты герцога пытался пробиться к его столику сквозь толпу веселящихся жителей и туман табачного дыма. Веселые девицы потискали молоденького офицера, ухажёры девиц подтолкнули его в бока и силою законов физики, он наконец-то вылетел из толпы прямо к столу барона.

- Господин барон, вас срочно вызывает к себе его светлость, - быстро протараторил посланец Пауль и проглотил слюну, рассматривая расставленные по столу кружки и закуски.

- Пауль, дружище, переведите дух, выпейте с нами немного пива, закусите, чем Бог послал, расскажите поподробнее, что за переполох, к чему такая спешка?

Посланец Пауль присел на край скамьи, получил из рук барона пивную кружку, сделал несколько больших глотков, удовлетворенно крякнул в кулак и начал свой короткий рассказ. – Карл, сегодня пришло письмо от его светлости Антона Ульриха, из России. Когда наш любимый герцог прочитал его, то тут же вызывал меня и срочно отправил искать тебя и срочно доставить тебя во дворец. Больше мне ничего не известно.

- Скажи Пауль, а сколько ты знаешь пивных в городе? – Поинтересовался Карл у Пауля, который присосался к кружке.

- Ну Карл, примерно с десяток точно знаю.

- А почему ты пошел в «Деву», а не в другие пивные?

- А где тебя ещё искать? Весь город знает, что ты тут любишь после занятий пить пиво и не только... - Пауль благоразумно отвернулся от девиц, сидящих за столом.

Карл ухмыльнулся отводу глаз Пауля от трех девушек, скрашивающих их вечер, и в полголоса произнес – Пауль, а начни меня искать с самой дальней пивной в городе, а потом через

час, полтора, найди меня тут, за этим столом, скромно попивающим пиво в одиночестве, и за чтением «Истории Рима»? Как тебе такое предложение?

- Но Карл? Меня же их светлость на гауптвахту отправит.

- Не отправит, дружище, не отправит. Наш герцог, добрейшей души человек, как и его отец, так немного побурчит и всё. И да, присаживайся с нами, пей что хочешь, ешь не стесняйся, а ровно через час мы покинем это Богоугодное заведение.

Ровно через час, барон в сопровождении Пауля выдвинулся из пивной в сторону дворца герцога неся на плече бедного Пауля, который не сдержался на дармовщинку и только благостно пускал слюни, облокотившись на крепкое плечо Карла.

- Долго же ты шел к своему сюзерену, мой мальчик, - начал отчитывать добрейший герцог Карл 1, стоявшего перед ним навтытяжку, Карла. – Где тебя носит, я уже два часа тебя ищу с собаками по всему Ганноверу и окрестностям.

- Ваша светлость, как только Пауль нашел меня, я сразу же предпринял меры к скорейшему прибытию во дворец. Я отказался от скромной кружки пива, быстренько доел вяленый свиной хвостик и вот я тут. Раз вы меня ищите, значит что-то срочное. – При этом Карл покосился на свору охотничьих собак, спокойно лежащих недалеко от камина и судя по сытым мордам, не покидавшим дворец и не искавших Карла по всей Германии.

- Молодец мой мальчик, я всегда знал, что на тебя можно положиться, но сейчас у меня к тебе задание, очень секретное и конфиденциальное. Антон прислал письмо из России, суть его в следующем. У него при дворе не осталось своих людей, а два его пажа Дитрих и Симон были убиты на войне с турками. Всё очень странно Карл. Они не должны были участвовать в боевых действиях, они свита Карл! Но в первой же атаке их срубили турецкие стрелки. Тебе это не кажется странным, мой мальчик? Но в войне сейчас перерыв, армии разошлись на зимние квартиры и боевых действий не ведется. Я хочу направить тебя к Антону, в качестве пажа, как самого молодого дворянина. Пусть все думают, что ты не рыба не мясо, просто очередной прихлебатель во дворце. Но твоя задача охранять Антона и его супругу. А появятся и дети, ты и их должен охранять. Короче для всех ты шут, а для Антона ты щит. Вот такое поведения я от тебя и жду. Остальное он тебе расскажет по твоему приезду в Санкт Петербург. В письме прямо не указано, кто должен заменить несчастных мальчиков, но я понял, что он желает видеть только тебя. Вот такие дела мой мальчик. Ты сам-то, как на это смотришь? Не побоишься один зимой, без охраны ехать в даль далекую?

- Ну что вы, Ваша светлость. Вы же мне как старший брат, а Антон, так и вообще мой брат названный, и тоже старший, он же меня, можно сказать, и воспитывал, вместе с Вами и с вашим отцом, храни Господи его душу.

- Да мой мальчик, в твоё воспитание герцоги Брауншвейгские много вложил сил, - и герцог покосился в угол зала, где раньше стояла бадья с водой, для розог.

Да, дела обстояли именно так, Герцог Фердинанд, а затем и его старший сын, нынешний герцог Карл 1 считали, что воспитание молодых людей должно пройти через порку за различные хулиганства, которые Антон и Карл постоянно совершали, от чего дворец ходил ходуном. И отец его так считал, и дед и прадед. И выросли же воспитанные дворяне, и обучение у них шло как по маслу, и умные же выросли, слава Всевышнему. Так что этот метод воспитания герцог считал правильным и полезным. Честно говоря, вся Германия считала также.

- Мальчик мой, тебе на сборы два дня. На дорогу я тебе дам, грамоты секретарь напишет, лошадь купи в Риге, там они дешевле и с обозом из Риги выдвигайся в Санкт Петербург. А уж там проще простого, найдешь дворец, а там и Антона найдёшь.

- Всё будет сделано в лучшем виде, но есть одна проблема! Я не знаю русского языка! Я сносно говорю на латыни, немного французского, немного шведского, немного польский. Но русского то я не знаю.

- Мальчик мой. Половина Санкт Петербурга говорит на хохдойч, и к тому же русский похож на польский язык. А ты мальчик умный, ты и по дороге выучишь пару слов.

И Карл, конечно запомнил слова, которыми извозчики и мужики крыли своих тощих лошадок на тракте из Риги в Псков. Очень удобных слов, применяемых ко всем неприятностям в жизни.

Уже готовый к новым испытаниям, с набитым животом за завтраком и с набитыми остатками вчерашнего ужина, уложенного в седельную суму, молодой барон Мюнхгаузен, был готов к дальней дороге до города Пскова. Как он и предполагал, за постой с него взяли сущие копейки, или пфенниги, на немецкий манер, мало того, его и на дорогу снабдили провиантом, правда, вчерашним. Передававшая ему на крыльце сумку с провиантом девица, улыбнулась Карлу одними глазами, а он в свою очередь, незаметно вложил в её пухлую и горячую ладошку два талера серебром, как бы за провиант. Надо быть щедрым к девицам, снабжающих тебя перед выездом провиантом. Долгов за собой барон не имел и иметь в будущем не хотел.

Набравшись опыта за предыдущие дни, Карл загрузил свои пожитки на уже оседланную лошадь, привязал её к саням, а сам уселся вместе с возницей в сани и закопал свои ноги в сено, накрыв их войлочной попоной. Одет он был соответственно обстоятельствам. Ноги обуты в валенки, сам он красовался в необъятный тулуп, практически до пят, а вот на голове красовалась его любимая треуголка, надвинутая на самые уши. Вожак обоза, тот самый мужик с черной бородой, попросил Карла зарядить оружие, ежели таковое у него имелось. Барон показал ему два рейтарских пистолета, заряженных дробью, приготовил их к дороге, засунув за пояс, а сверху закинул лапами тулупа, чтобы механизм не замерз на морозе. Свою шпагу и кинжал, он пристроил себе под бок, поближе к рукам, а то мало ли. И на кого стал похож представитель древнего рода? Издалека мужик мужиком, а вблизи видно только аристократический нос и нахально умный взгляд. Только треуголка с серебряным кантом выдавала в нём... Да никого не выдавала, мало ли кто натянет на себя элемент армейского обмундирования. А вот манеры никуда не спрячешь, и старинную фамильную шпагу не спрячешь, правда если её откопать из сена.

Ожидался дневной переход, к вечеру обоз должен был добраться до Пскова, где имелась даже гостиница, для чистой публики, но без бани и без обильного стола, про девушек Рижский купец ничего не рассказал перед отъездом. – Ну и ладно, - подумал Карл, и стал потихоньку убаюкиваться под скрип полозьев по снегу и заунывной песни извозчика.

Как специально, сани подпрыгнули на какой-то снежной кочке, и Карл открыл глаза. Морозный день, но не такой как вчера, он ещё не успел и подмерзнуть, только его нос стал немного белее.

Солнце стояло в зените, освещая розовым светом, необъятные снежные просторы полей, мимо которых проезжал обоз. Стаявший вдалеке лес, с покрытыми снегом хвойными лапами, время от времени приближался к дороге, закрывая её и обоз от поднимающегося в полях морозного ветерка. Этот ветерок поднимал снежную поземку в столбы, гонял эти столбы по полям, а потом разбивал и укладывал только в одном ему известном месте. Через пару верст сомкнутый строем лес, опять расходился в стороны, открывая взору путешественника необъятные просторы России. Тут и там, на снегу петляли следы зайцев, сопровождающихся следами лисиц и волков. Карл с детства ходил на охоту в свите его сиятельства, и мог спокойно читать звериные следы, не только на земле, но и на снегу, где они были более выразительные. Вот и хищные птицы появились над полями, совершая свои охотничьи круги в поисках мелкой живности. Природа жила своей жизнью, ветер поднимал снег, зайцы носились по полям, за зайцами гонялись голодные волки, а сверху на этот спектакль взирали соколы. Карл отметил, что когда лес стоял вдоль дороги, из него часто выпархивали сороки и галдя носились над санями, что было точным доказательством, что из леса за ними наблюдают звери, а может и не звери, но наблюдают. Да, такого раздолья Карл никогда не видел. На родине всё поделено

и размечено, каждый кусочек земли был обработан, а зимой отмечен и распахан на снегоудержание. А тут? Кто хозяин земли, где крестьяне, даже деревень не видать, и съездов в леса и поля тоже нет, диво дивное.

- Иван, а Иван, давай говори – сложил в предложение Карл знакомые слова, обращаясь к извозчику.

- Что говорить то барин, объясни? – ответил возчик. – И я не Иван, я Пётр, - уточнил возчик.

- Учить говорить русский, меня Петр. – дополнил Карл

- Ааа, так бы и сказали барин, это я зараз. Не ты первый, и не ты последний. Вот, например это «Лес», - Пётр кивнул головой в сторону леса. – А вот это «поле», показал он рукой. – А вот это «лошадь», ткнул в лошадиный круп кнутом Пётр.

Так и учил Пётр Карла русскому языку, пока они ехали до днёвки на знакомой поляне. Пётр хвалил своего сообразительного ученика, тот быстро улавливал смысл и довольно сносно повторял за Петром. Учитывая, что Карл немного знал польский язык, и он довольно быстро стал складывать осмысленные предложения, что радовало Петра и сместило его, когда Карл коверкал вроде простые для русского уха слова.

К моменту стоянки они проехали верст, наверное пятнадцать. Под грубые матерки извозчиков, сани стали съезжать на поляну возле дороги, где даже под толстым слоем снега виднелись пеньки и сучки, вбитые в землю для приготовления еды над костром.

Пока распрягали лошадей, проверяли их, а так же осматривали сани с грузом на предмет возможных повреждений, Карл снял со своей лошади седельные сумки и поставил их возле котла, в котором собирались что-то варить.

- Иван, это еда всем. – Снова по русски произнёс Карл.

- Я не Иван, я Николай, барин. Иван наш главный, - и Николай ткнул рукой в здоровенного бородатого мужика, ставшего невольным нянькой для Карла.

- О, Николай благодарю тебя, но еда всем, – уточнил Карл.

- Господин барон, вы скоро будете сносно говорить на русском языке, - обратился к нему Рижский купец Альберт.

- У меня хороший учитель, не то, что в университете, - пошутил улыбнувшись Карл.

- Разница всё-таки есть, - думал Карл, уплетая из миски кашу с мясом. Вчерашним мясом, остатки которого ему собрали в дорогу девицы из постоялого двора. А ведь он даже и не узнал второпях, как их зовут, особенно тут, что разбудила его вместе с петухами. - Жаль, может когда и выясню, - облизывая ложку, подумал юноша.

Обоз отдыхал не долго, возницы проверили сани, сбрую на лошадях, кашевары вытерли снегом котёл и забросили его в сани Карла, осталось только допить чай и можно помолясь продолжить путь в Псков.

В этот момент по дороге из Пскова в сторону стоянки, раздался звон бубенцов, и к стойбищу подкатила карета на полозьях с заиндевевшими окнами на дверях. Этаким зимний вариант кареты. Гербов на карете не было, но саму карету сопровождали двое верховых, добротного одетых по погоде мужчин. Кучер, сидящий на козлах, ловко отработал вожжами и карета въехала на место стоянки, поднимая снежную пыль, карета остановилась рядом с готовившимися съехать на тракт санями. Все мужики тут же поклонились в пояс, сами не зная кому. Так положено, коли барин осчастливил их своим появлением, то и мужичьё, должно осчастливить его своим земным поклоном. Русская традиция. Вот только Альберт в пояс не кланялся, он из другого сословия, он просто склонил голову. А нашего барона это вообще не касалось, он как стоял прямо с кружкой чая в руках, так и продолжал стоять, разглядывая этот архаичный в его краях способ встречи барина, или кого там, кому положено кланяться.

- Ааасвабаади, дорогу, мать твою раз этак, да через коромысло, - громко прокричал один из верховых, показывая плеткой, что карету надо поставить на дальнем краю большой поляны, поближе к подлеску.

Второй же верховой с наглой бородатой рожей, лоснящейся от переедания и редкой бородой, дал лошадке шенкелей и поскакал вдоль обоза лупя плёткой по спинам мужиков из обоза. Увидев юношу, который и не думал кланяться, он улыбнулся щербатым ртом, и замахнулся на Карла своей плёткой. Карл сперва даже опешил, он что не видит, что перед ним дворянин, офицер в треуголке и в мундире. Мужик же видел перед собой деревенский тулуп, валенки и наглый взгляд, который по его скудоумию надо наказать плёткой да по спине, а лучше по наглой морде. Пётр попытался осадить наглого гайдука, крикнув ему, - не тронь его, это ж иноземец, он укладу не ведаёт. Но гайдук уж вошёл в раж и стеганул плетью по плечу Петра, чтобы не мешался, а потом второй раз замахнулся на Карла, немного свисая вбок для удобства удара.

Карл не зря почти десять лет занимался во дворце со старым Фрицем воинским наукам, реакции у него отменные, вот и сейчас, он ловко, несмотря на надетый тулуп, увернулся от удара. Карл быстро выдернул из ножен шпагу, лежащую в санях и, с разворота очертил круг вокруг себя и полоснул шпагой по ноге зарвавшегося гайдука. Тот вскрикнул, забыл про плетку, схватился за ногу и выдал отборные польские ругательства. Карл, в свою очередь, схватил его коня за узду, быстро переместился под головой коня на другую сторону и приложил холодный клинок шпаги к шее седока.

- Слезай с лошади рванина, или я тебя проткну насквозь и ты не попадешь к своей панночке, курва! – Высказал свое предложение на польском языке Карл.

Услышав родную ругательную речь, гайдук спустился с коня, придерживая раненую ногу и сплёвывая на снег, попытался обругать барона. Он, наверное ещё до конца не понял, что в этот момент его жизнь не стоит и копейки, или грошика, ну или пфеннига. В общем дешевле кружки пива в Саксонии.

Инцидент выдался неприятным, для Карла, но для всех остальных свидетелей это был конец света с последствиями.

Из кареты, тут же вылез расфуфыренный по моде десятилетней давности мужчина возрастом под сорок лет и попытался что-то крикнуть Карлу, но наш молодой герой уже стоял рядом, без тулупа, в форме гвардейцев герцогства Брауншвейгского, его сиятельства герцога Карла I, личный паж с эполетами корнета, но в русских валенках.

Мужчина аж подавился словами, выпучил глаза и неподвижно посмотрел на клинок у его лица, а потом медленно повернул голову и посмотрел в чрево кареты.

- Bravo корнет, bravo, - из чрева кареты послышался приятный женский голос на знакомом Карлу польском языке. – И кто же стоит передо мной? Такой бравый и кровожадный? – Задал вопрос тот же голос. А через мгновение из кареты вышла молодая женщина, укутанная в песцовую шубу и в соболиной шапке.

- Разрешите представиться фроляйн, Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгайзен, личный посланник герцога Карла I Брауншвейгского Вольфенбюттельского, следую к его светлости брату Антону Ульриху Брауншвейгскому Вольфенбюттельскому. – отчеканил Карл и как мог расшаркнулся по снегу валенком.

Перед графиней стоял довольно высокий молодой человек, в бело-зеленой форме и в валенках. Молоденький офицер, с красивым открытым лицом, с умными голубыми глазами, которые излучали и мудрость, и лукавство, веселость и строгость одновременно. Всё зависит от того как он наклонит своё лицо, как улыбнётся своими губами, как дернет своим аристократическим, породистым подбородком с небольшой ямочкой. Немного скуластый, щеки уже не юноши, немного впалые и покрасневшие на морозе с легким пушком, слегка покрытым тонким инеем. Завершал образ созданный природой на радость женщинам красивый слегка длинный нос с лёгкой горбинкой, от которого женщины будут без ума, это точно.

- Графиня Наталья Лещинская, следуя домой в Варшаву, - ответствовала графиня и протянула Карлу руку, наблюдая, как барон среагирует на её титулы. – Да он далеко пойдёт при дворе, этот юноша с такими-то данными, - подумала про себя, улыбнувшись Карлу Наталья.

Ну, тут уж Карл не оплошал, дворцовый этикет ему вбивали розгами, и он галантно принял руку графини имитируя поцелуй ручки. Он попытался что-то сказать, но графиня опередила его: - Я всё видела барон, вы в своём праве, можете просить от меня любую компенсацию, за столь неприятный инцидент, а своего человека я накажу своими силами, и думаю, мы будем в расчете.

- Всё, что я могу попросить у вас, ваша сиятельство, так это ещё раз приложиться к вашей очаровательной ручке, - выдал на одном дыхании Карл.

- А вы льстец Карл, далеко пойдёте, особенно при дворе, - улыбнулась графиня, а подумала, - что и немного нахал, и протянула свою ручку для поцелуя ещё раз.

- Я просто поражен в самое сердце вашей добротой графиня, - и Карл нежно взял ручку графини и как заправский ловелас легонько коснулся их своими холодными губами. Вызвав у самой графини внутренний восторг чувств, от того, что где-то на окраине империи, в лесу, а не на балу, её ручку лобзает молодой корнет. Да все подружки умрут от зависти, от такого романтизма. Да ещё и с пролитием крови, шпагами и прочим, что она сама ещё придумает по дороге домой. Наверное, полгода, вся Варшава и Краков будут обсуждать её маленький гопапсе, на лесной дороге под Псковом.

- Мой дорогой Карл, я не могу просто так отпустить вас без подарка. Как в старые добрые времена, я дарю вам коня вот этого дуболома, в честь вашей победы и нашей встречи.

Карл хотел отказаться от такого щедрого подарка, но внутренняя прирожденная экономность взяла верх. К тому же он же не выпросил себе коня, он попросил всего лишь поцелуй ручки графини, а уже она сама решила преподнести ему подарок. И он с благодарной улыбкой как бы щелкнул каблуками валенок, и сделал короткий уставной поклон, чем и посмешил графиню.

Обоз освободил дорогу карете, выехал на тракт и покатыл в сторону Пскова, намереваясь до вечера добраться до города, где их путь с бароном и закончиться. А там он найдёт новый обоз ил пристроиться кому в компанию и доберется до Санкт Петербурга.

Но одна проблема не давала ему покоя, что делать с этим конём, на котором он сейчас восседал.

- Думаете, как быть со столь драгоценным подарком, господин барон? – Поинтересовался Альберт

- Да вот так и думаю, куда мне две лошади, получается, что я зря деньги тратил в Риге.

- Всё идёт, как положено, мой друг. Вы посланник герцога, едите в столицу и невместно столь ответственному человеку как вы ехать на одной лошади. Меняйте их время от времени, пусть вторая будет заводная лошадь. Это очень престижно как для вас, так и для вашего герцога. Здесь в России в основном встречают по одежке, а провожают по уму. А уж вам сам Бог велел иметь вторую лошадь. Вы лучше придумайте им имена. И не забывайте, что это подарок графини, и я смею заметить очень дорогой подарок. И ещё одна русская мудрость – Даренному коню в зубы не смотрят.

Карл посмотрел на семенящую сзади кобылку из Риги и назвал её просто Графиня. Своего коня, на котором он ехал, он так же без затей назвал Графом. Решив этот вопрос, он прищпорил Графа и прогнал его вдоль обоза, вперед назад пару раз чтобы конь не замерз медленно следуя за санями, после чего опять водрузился в сани. Графиня умная лошадка, проделала такой же путь, но один раз, она берегла свои силы и шла за санями разглядывая Карла своими умными и большими глазами.

До ушей Карла долетел звон церковных колоколов, собирающий прихожан на вечернюю службу, лошадки поддали скорости, а мужики перекрестились, впереди был Псков.

Глава 2

2. Вишнёвая настойка

Ближе к вечеру, над занесёнными снегом полями и лесами, полился мелодичный малиновый звон, уходящий в самую глубокую чашу темной стены многовекового леса и растворяясь среди буреломов, вырываясь на редкие полянки, пугая мелкую живность и настораживая крупных животных. Этот не останавливаемый несколько веков перезвон древних колоколов на церквях и на колокольнях монастыря возвещал о начале вечерней службы, разнося свой малиновый звон на несколько вёрст в округе. Но для Карла это был праздничный перезвон, возвещавший всех жителей города, о том, что им выпала великая честь лицезреть, как только что, через ворота Крепостной стены, по Рижскому тракту, в город въехал не кто ни будь, а сам, молодой барон Карл Мюнхгаузен. Правда, Карл ехал не на белом коне, а в санях, закопанный в сене, но зато с двумя лошадками, весело бегущими бок о бок за его розвальнями. На самом деле это был Рождественский перезвон. Буквально два дня назад в Российской Империи отметили Рождество Христово, и Карл подъезжал к Пскову, как раз на Рождественские святки и под всемирный колокольный звон.

Не было никаких молодых девушек, организованно встречавших кортеж посланника герцога, не было весёлых девиц, кидавших свои чепчики в небо, не было цветов, поднесённых молодому воину, а было много снега, холод, полосатый шлагбаум за воротами с полосатой же будкой, сколоченной из досок, рядом с которой стоял солдат с ружьём. Вот он как раз и удостоился чести первым лицезреть, въезжающего на санях Карла. То, что это солдат можно было догадаться только по ружью, стоявшему у правой ноги. В остальном, этот солдат был похож на самого барона, закутанный в овчинный тулуп, с высоким воротником, полностью закрыв служивого от пронизывающего мороза и колючего ветра. Из под тулупа солдата, торчали носки необъемных серых валенок. Завершал образ бравого воина надвинутая на самые брови солдатская треуголка и мясистый красный нос с щербинками, и усталыми глазами, смотревшие на Карла с изучающим прищуром.

В момент созерцания бравого воина, незаметно, не скрепя снегом со спины к саням барона подошёл офицер поста, немного покашлял для приличия, и прямо смотря в спину привставшего в санях Карла произнес: - Попрошу Вас представиться и предъявить подорожную грамоту. – Карл обернулся на немного простуженный тихий голос, развёл руки в стороны, показывая, что не понимает о чём речь.

- Предъявите бумаги на проезд по территории Российской империи, пожалуйста. – Повторил офицер, немного более строгим голосом.

Будучи сообразительным молодым человеком, и догадавшись, что с него требует офицер, Карл слез с саней, запутавшись в полах необъятного тулупа, и чуть не упал обратно в сено и выругавшись на немецком языке, полез в кожаную сумку, висевшую на поясе.

- Мой папирен, гер офицер, - и Карл протянул офицеру сложенную в несколько раз потертую бумагу.

- Пройдёмте со мной с караулку, там и разберемся, битте, - с этими словами, офицер взял у Карла бумагу, и развернувшись махнул ему рукой показывая, что ему необходимо следовать за ним.

В теплом караульном помещении, разделенным на две части тонкой перегородкой, топилась обыкновенная голландская печь, над которой сушились портянки, перчатки и ещё какие-то предметы солдатского обмундирования. Запахи стояли, кислые, казарменные, включающие в себя перемешанные благовония сырых портянок, крепкого табака, жира, кожи сапог и ещё какой-то кислятины, которые длинный нос Карла не смог определить. В общем, как во всех

казармах, всех армий мира. Вдоль стены стояли пирамиды с оружием, ружьями и тесаками нижних чинов, а сами нижние чины, расположившись на полатах в составе трёх лиц подремывали, привалившись к стене. И что самое интересное, когда вошёл офицер, никто даже не проснулся и не попытался встать и поприветствовать своего начальника воинским приветствием или коротким докладом.

Но офицер никакого внимания на это злостное нарушение дисциплины и устава не обратил и, пройдя вперед, пригласил Карла в другой отсек, где стоял колченогий стул, топчан с суконным одеялом и стол с подсвечником на две свечи, освещавших, только небольшой пятючок вокруг подсвечника.

- Поручик Псковского гренадёрского полка, Поддубный Сергей Всеславович, начальник пограничного поста в городе Пскове, - представился поручик и, сняв треуголку, повесил её на гвоздь в стене.

- Барон Карл Мюнхгаузен, - представился Карл и козырнул двумя пальцами к правому полю своей треуголки.

- Располагайтесь ваше благородие, присаживайтесь, а я пока изучу ваши бумаги, занесу в книгу и вы свободны.

- Да, да, гер поручик, ордунг прежде всего.

- Снимайте свой тулупчик, ваше благородие, а то упаритесь, - и поручик Поддубный кивнул на гвоздь в стене.

Тулупчик отправился висеть на гвоздь, треуголка туда же, и перед поручиком оказался офицер в немецкой форме, правда немного помятой, но свежей и выстиранной.

- Так, так, так, - забубнил, читая бумагу поручик, - значит вы барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен?

- Да гер поручик.

- Вы следуете в Санкт-Петербург?

- Да, гер поручик.

Вот в принципе и всё, весь опрос не занял и более половины минуты, но порядок надо соблюдать. Получив ответы, поручик обмакнул перо в чернильницу и стал в толстой, наполовину заполненной книге писать то, что было указано в подорожной грамоте, выданной Карлу в Риге на русском языке, ибо его грамота на немецком языке согласно законам Российской империи на территории той же империи не действовали.

- Где вы будете ночевать господин барон?

- Я не знаю, может в гостинице или на постоялом дворе, - с удовольствием вспомнил Изборский постоялый двор Карл. - А может кто примет на постой, я заплачу.

- Постоялые дворы сейчас все заняты из-за метели и мороза, да и мало их осталось после пожара, гостиниц тут никогда и не было, а в монастырь, в паломнические покои, как еретика, вас и на порог не пустят, уж больно у них отец настоятель строг. Можно конечно на постой определить, но я боюсь как бы наши блохи и клопы не бросились бы на Вас, попробовать немецкой кровушки. В городе много приезжих, у нас сейчас Рождественские гуляния, и пока они не окончатся, никто не поедет в столицу, да и путь надо новый проложить, всё замело, даже вешек не видать.

- Но что же мне делать, не ночевать же на улице в такой холод.

- Вот, барон, я как дворянин дворянину, вам и предлагаю погостить у меня в доме, пока мороз не спадёт и не про тропят новый санный путь на север. Как вам такое предложение?

- Мне как-то неудобно, гер поручик, вы же меня видите в первый раз в жизни. Ну, только если из дворянского гостеприимства.

- Вот именно господин барон, а то вы чуть не замёрзли в лесах под Псковом, этак у всех Германцев войдёт в привычку замерзать в России в декабре.

- Ну конечно я согласен погостить у Вас гер поручик.

- Сергей Всеславович меня зовут, и давайте без чинов. Хорошо?

- А я Карл, просто Карл, камрад Сергей. – В свою очередь представился Карл, пожимая крепкую мозолистую руку Сергея, при этом прекрасно понимая, что второе имя Всеславович, он не выговорит никогда, хоть пытай.

Сергей выглянул за дверь, и крикнул уже ставшему замерзать вознице – Петруха, вези вещи барона ко мне домой, скажи Сильвестру, что бы разгрузил багаж и лошадок обиходил, у меня сегодня гость дорогой. А потом свободен.

- Будь спокоен, ваш благородь, всё сделаем в лучшем виде.

- Ну, Карл, как приедем домой, по старой русской традиции, необходимо нам принять по рюмашке, за знакомство.

- «Первач»? - уточнил Карл и вздрогнул, от воспоминаний.

- Нет Карл, настоечка, вишнёвая на водочке, моя супруга Наталья делала, просто божественная настоечка, а вишенку я сам собирал в своём саду. – Немного откинув голову назад и слегка закатив глаза от удовольствия, смаковал ещё не принятую на широкую грудь настойку, Сергей. После чего похлопал Карла по плечу, надвинул ему на голову его треуголку, тулуп и вывел на мороз.

Так, в этот вечер, в книге прибывших в город Псков, в строке номер 2146 появилась запись – «Карл Мюнххаусен, дворянин из Ганновера, при двух конях, следует в С. Петербурх на службу. 27 декабря 1737 года от Р.Х. Росту оный Карл Мюнххаусен высокого, возраста 18 лет, оружие по статусу оного имеется»

Дом Сергея стоял в паре кварталов от места службы, недалеко от берега реки Великой, что протекала вдоль города, но ходить пешком, поручику Поддубному невместно, а уж тем более и с дорогим гостем, земляком Его высочества герцога Антона Ульриха. А по сему, поручик бесцеремонно уселся на одни из саней обоза, посадил рядом с собой Карла и двинул кулаком в спину возницы, - подкинь до дома, мил человек.

Мил человек и подкинул, аж до ворот усадьбы.

Скинув свою епанчу на руки старому слуге Сильвестру, облачившись в тёплые домашние тапочки, Сергей проследил, чтобы Сильвестр принял у Карла тулуп и тёплый плащ, который грел только в Германии. А после того как и Карл обулся в теплые тапочки, и стал похож не на офицера свиты герцога, а на простого доброго бюргера в теплой домашней обстановке. Хозяин дома одобрительно крикнул и предложил Карлу следовать за собой, ведя гостя из прихожей в гостиную, где гудела печка обложенная белыми изразцовыми плитками, с голубым рисунком изображающего стоящего оленя. Посередине большой круглый стол, накрытый белой кружевной скатертью, с уже разложенными столовыми приборами и расставленными тарелками, ровно на три персоны. Всё это освещалось несколькими десятком свечей в канделябрах, расставленным тут и там на мебели комнаты. В общем, света хватало.

- Натальи, душа моя, встречай мужа со службы и гостя дорогого, - прокричал в комнаты Сергей.

Через некоторое время, по лестнице, что вела на второй этаж, мягко ступая по слегка скрипящим ступенькам, и слегка, одними пальцами, держась ручкой за лакированные перила, в гостиную спустилась хозяйка этого скромного офицерского дома в два этажа и шесть окон по фасаду.

Подойдя к супругу, Наталья чмокнула Сергея в обе щёчки и, улыбнувшись своей очаровательной улыбкой, протянула свою изящную ручку Карлу.

Перед Карлом стояла пара сердечно любящих, друг друга человека. Сергей нежно обнимал тонкую талию своей супруги, а Наталья прижалась к супругу правым плечом и внимательно разглядывала Карла.

Поручик Поддубный, был обладателем кряжистой фигурой, чуть выше среднего роста, но на пол головы ниже Карла. Зеленый офицерский камзол, был обтянут вокруг тела Сергея,

подчеркивая его широкую грудь, крепкие, совсем не дворянские руки, с выпирающими из-под сукна мышцами, привыкшими к тяжёлой ратной работе. Лицо Сергия, простое, слегка округлое, с чуть припухлыми губами, прямым носом и с очень умными глубоко посаженными глазами. Весь его вид говорил, что он сам привык принимать сложные решения, отвечать за свои поступки и отстаивать свою точку зрения. Его военная форма не была новой, он же не тёрся на паркетах дворцов или в гвардии, он служил не за страх, а за совесть, начав свою военную карьеру ещё во времена Петра первого.

А вот Наталья, была полной противоположностью мужу. Невысокая, стройная женщина среднего возраста, с красивым, типично славянским открытым лицом, но несущего на себе печать благородства, многих предков бояр и дворян. Об этом, говорил её высокий лоб и слегка изогнутые дугой брови, из-под которых, на мир взирали миндалевидные глаза с лёгкой грустинкой, и небольшими морщинками по углам глаз. Красивый прямой носик и пухлые губки, пленили когда-то молодого Сергия и не отпускали его всю оставшуюся жизнь.

Они были разные, он крепкий как молодой дуб офицер, а она как стройная березка прижималась к своему природному защитнику. И эта противоположность и была их единением, и ничто не могло их оторвать друг от друга. Такова природа бытия счастливых людей, полюбивших однажды друг друга, да и на всю жизнь.

- Ну что же мы стоим, - произнесла Наталья, - Серж, покажи Карлу комнату, пусть он разберет свои вещи, приведёт себя в порядок с дальней дороги и, через полчаса мы ждём вас к столу, Карл. – Уже обратилась к Карлу хозяйка дома.

Карлу досталась теплая комната с окном, на первом этаже дома. В комнате стояла скромная кровать и темный шкаф для одежды, возле которого были сложены пожитки Карла. Справа от входа, напротив кровати стояло письменное бюро, над которым висела полка с книгами на разных языках. А напротив входа стояла скромная тахта, покрытая цветастым покрывалом, с парочкой небольших подушек с кисточками по углам. Составлял компанию тахте, небольшой круглый столик на кривых резных ножках, на столе возвышался подсвечник на серебряном подносе. Всё убранство комнаты было скромным, но обставлено со вкусом, явно женским.

- Вот Карл, это комната моего сына Николая, она в твоём распоряжении, живи, сколько хочешь, ты нас нисколько не стеснишь.

- Сергей, мне же в Санкт-Петербург надо и как можно быстрее.

- Карл, ты в России, у нас сейчас праздники, а потом будет Новый год, и как завещал Император Пётр первый, отмечать мы его будем весело и с размахом, так что никто никуда не поедет, раньше первой декады января. Вот так-то Карл, отдыхай, отогревайся и отъедайся. Наталья у меня женщина строгая, так что давай, приводи себя в порядок и к столу, Сильвестр тебя проводит в столовую, а завтра я покажу тебе и дом и город, точнее то, что от него осталось после пожара.

Карл, уже видевший русский хлебосольный стол, на этот раз немного удивился, обнаружив на столе только столовую посуду, приборы и лёгкие закуски, разложенные по фарфоровым тарелочкам, не много, но очень аппетитно, от вида которых Карл сразу вспомнил экономный стол во дворце герцога. Стол был накрыт на трёх человек, всё скромно и патриархально. Сергей занял своё место во главе стола, Наталья справа от мужа, ну а Карлу досталось место по левую руку от хозяина дома. Как только хозяева и гость расселись на мягких стульях, Сильвестр разлил по рюмкам светло рубиновый напиток, от которого шел аромат спелой вишни, будоражащий своим летним ароматом, чувствительный к запахам нос барона и вызывающий у него непреодолимую тягу употребить сей напиток, даже не закусывая.

- А вот и наша настоечка на вишне Карл, - уточнил Сергей, беря рюмку на тонкой ножке. – Я её называю «Моя вишнёвочка», я сам её собирал в саду, ягодка к ягодке, сам её перебирал и мыл. Сам заливал водочкой, но не простой, а нашей, местной, из монастыря. Наталья строго следила, чтобы я раньше времени её не пробовал. Ровно полгода она стояла в погребке, наби-

раясь с силами к Рождеству. И вот в Рождество мы её и попробовали на разговенье. Просто изумительная настоечка, Карл. Угощайся Христа ради.

Карл, взял в руки свою рюмку и выслушал короткий тост Сергея.

- Ну, за знакомство Карл, - произнёс короткий мужской тост хозяин, чокнулся с супругой, потом с Карлом и, не торопясь короткими глотками, смакуя каждую каплю, осушил свою рюмочку.

Отсутствие горячего, на столе компенсировалось расторопностью Сильвестра, который подкладывал в тарелки сотрапезников картошечку, нежнейшую телятину в соусе и подливал морс в фужеры каждому едоку. А вот свою настойку, хозяин разливал сам, никому не доверяя хрустальный графин с драгоценной жидкостью.

Надо отметить, что Сергей неплохо говорил на немецком языке, Наталья же в свою очередь, общаясь с Карлом, вообще казалась ему жительницей Берлина, так отменно она владела родным для Карла языком. Некоторые слова, и Сергей и Наталья говорили на русском языке, объясняя Карлу их сущность и перевод, так что Карл в очередной раз постигал Великий и могучий, под великолепный ужин.

После ужина, Сергей предложил Карлу выкурить по трубке, но Карл честно ему признался, что он не курит, но компанию составит, ибо запах хорошего табака ему не претит. Наталья же, как понятливая жена, сославшись на свои некие женские обязанности, покинула маленький мужской клуб и ушла в свои покои.

Карл в уютной обстановке совсем расслабился и находясь в прекрасном состоянии рассказывал Сергию о своей жизни в Германии, о том, что совсем не помнит своего отца, рано покинувший этот мир, о своей многочисленной семье, о своём старинном роде, ведущий своё начало со времен крестовых походов. Потом он поведал, что герцог взял его к себе на воспитание и воспитывал вместе со своими сыновьями Карлом и Антоном в строгости и справедливости.

- Так вы что Карл и розгами по седалищу получали? – Задал вопрос Сергей.

- И неоднократно Сергей, неоднократно. – Ответствовал Карл.

- И я получал от отца вожжами по спине и по заднице, - в свою очередь откровенничал Сергей, - и ничего, вон в люди вышли, - ухмыльнулся Сергей, машинально почесав спину, отведывавшая в своё время отцовского воспитания.

Тут Карл задал вопрос, который вероятно и не стоило бы задавать, но слово не воробей.

- Сергей, а ваш сын Николай, наверное, тоже служит в армии, как и вы?

- Карл, мой сын Николай Поддубный, подпоручик Новгородского гренадёрского полка, погиб летом этого года под Очаковым, сражённый турецкой пулей, когда он повел в атаку свой плутог.

- Извините Сергей, я не знал, примите мои соболезнования.

- Не извиняйтесь Карл, это война, а на ней бывает, что и убивают. – Сергей протёр платком предательски навернувшуюся слезу и тихо продолжил, - всякий русский солдат, Карл, как и всякий другой, знает, что его могут убить на войне, но надеется, что его минует чаша сия. Вот не минула эта участь моего Коленку и ничего тут не поделаешь, он присягал трону и не нарушил присяги, погиб в бою, сразу, не мучившись. И похоронили его там же, лето же было. Мне, конечно, однополчане отписали где место захоронения, будет время выберусь, поклонюсь его могилке. Вот такие, дорогой Карл дела. А теперь ступай отдыхать, ты с дороги устал наверняка, а я ещё посижу, покурю, подумаю.

С тяжёлыми думами, Карл направился в свою комнату, а точнее в бывшую комнату Николая, которая волей судьбы, стала его временным пристанищем в Пскове. Лёжа на кровати, он предался любимому занятию, а именно думать разные думы, что, как известно не вредно.

Ещё примерно месяц назад, он жил как у Христа за пазухой под крылом самого герцога Карла. И были у него свои планы на жизнь – немного погулять, поднакопить денежек. Непре-

менно, удачно жениться, на богатой невесте, с приличным приданным, быть рядом с герцогом в его немногочисленной свите. Живи себе и радуйся. Как-то он попытался отпроситься у герцога на очередную войну в Австрийскую армию, которая вела боевые действия с турками, но Карл Карла не отпустил. Вот интересный каламбур, Карл Карла не отпустил на войну, а вот в Россию выгнал сразу же. А что тут думать, разберусь на месте, может Антон меня отпустит в армию, на войну с турками. Точно, так и надо будет сделать. Могут, конечно, и убить, вон как сына Сергия, хороший был человек, плутонгом командовал, повел свой отряд в атаку, наплевав на вражеский огонь. Что он чувствовал стоя впереди строя, подняв над головой свою шпагу? Да, Николай точно был геройский парнем, а дальше уже судьба решит. Вот и решила эта судьба, что Николай сейчас в чертогах райских в окружении святых взирает на нас. Так чего я думаю то, всё в руках Господа, надо будет погибнуть на войне, погибну обязательно. А если не погибну, значит на то воля Божья, думаю, что у Господа на меня имеются свои важные планы, которые мне не известны. Вон на войну в Европу меня не отпустили, а в Россию отправили, как будто мной из пушки выстрелили, и полетел я, полетел, прямо в Россию. И вот я тут, чуть не околел в дороге, но меня отогрели, чуть с голода в лесу не помер, так откормили, ночевать было негде, так и тут Сергей приютил. Всё, решено, не буду противиться судьбе, пусть всё идёт, как идёт, и пусть получится всё то, что получится, ну с Божьей помощью конечно. - Вот с такими мыслями он и заснул в доме поручика Поддубного.

Следующие дни, пролетели для Карла как калейдоскоп, с каждым вздохом он принимал в себя энергию России. И надо отметить, что Русская земля отнеслась к Карлу доброжелательно. С утра он с Сергием на лошадях объехали Псков, посетили Псковский монастырь, где Сергей поставил свечки, пообщался с монахами, и помог Карлу так же поставить свечки за своё здоровье и здоровье своих родных и близких. Карл придя к выводу, что он идёт по Божьему указанию, не замедлил воспользоваться возможностью и поставил свечки ко всем иконам, где это было возможно. Монахи смотрели на это действие с улыбкой, не каждый день увидишь лютеранина, ставившего свечки перед православными иконами и крестившимся на свой лютеранский манер. Раз Господь допустил, значит так и надо, зачем лезть в его планы.

Сам город Псков, представлял из себя, печальное зрелище, с видами города погорельца. После пожара, произошедшего чуть ли не много лет назад, кое-что конечно восстановили, но Карл видел и целый квартал пожарища, занесённого снегом, и только печные трубы свидетельствовали, что в этом месте, когда то кипела жизнь. Но несмотря ни на что, народ потихоньку восстанавливался, не только в строительстве, но и в духовном плане. Рыночная площадь Пскова свидетельствовала, что народ на святки будет гулять на широкую ногу, или во всю широту русской души, загадкой для всех иностранцев, всех времен и народов.

И вот, наступил Новый 1738 год, за день до этого дня, в столовой появилась ёлка, которую украшали всей семьёй Поддубных и приютившимся к ним Карлом. Звездочки из бумаги, разноцветные гирлянды из стекла, шарики похожие на снежки из папье-маше, заняли свои места на лапах зеленой красавицы, которую привёз из леса Сильвестр. А к вечеру во дворе раздался шум и гам и, на крыльцо дома поднялась девушка, разодетая в меха и припорошенная снегом, державшая под ручку молодого человека. Это к маме и папе приехала доченька Елизавета, со своим молодым мужем отмечать Новый год. Карл присматривался к юной женщине, и пришёл к выводу, что она полная копия своей мамы, Натальи, только моложе. Судя по всему, Елизавета, как раз и была папина дочка, которую Сергей баловал с детства, при этом воспитывая сына, как и положено в эти времена в строгости, готовя его к воинской службе. Ну и соответственно праздник прошёл на широкую ногу, с весельем, песнями и играми, в коих Карл знал толк с детства. После полуночи празднование переместилось на улицу, где Сильвестр с Сергием запускали шутихи, которые искрились на морозе и, падали шипя в снег.

- Так вот как сторел Псков, - подумал про себя Карл, - и всё по указу Императора, всё по закону. Ну и порядочки.

Там же на улице, выпили и полюбившейся Карлу вишнёвой настойки, которая была такая приятная на вкус, что закусывать её и не требовалось. А в самый разгар веселья, в ворота усадьбы стали стучать и что-то кричать, гудеть и свистеть, что-то требуя от хозяев.

- Слава тебе Господи, колядки пожаловали, - перекрестивший произнёс Сергей. – Наталья, неси угощение, будем вкусоностями делиться.

Наталья с Елизаветой бросились в дом, под завывания и песни из-за забора и вскоре вернулись с подносом полным пирогов, пирожных и ещё какой-то закуски со стола. В свою очередь, Сильвестр открыл калитку и впустил во двор группу молодёжи в одетых на изнанку тулупах, со смешными масками на лице, которые гудели в какие-то свистелки и дуделки, пели какие-то песни и выделывали лихие коленца в диком танце так, что Карл подумал, что это буйные помешанные со всего города собрались вместе. Однако, Сергей и Наталья, стали складывать в подставленные мешки еду и что-то там шутить с молодежью. Получив желаемое, группа скоморохов вдруг опять загудела с удвоенной силой, заорала громкими голосами какие-то непонятные звуки и, подпрыгивая и гикая, дружно вывалились за ворота и поскакали дальше по улице, оглашая всю округу, о своём приближении.

- Вот Карл, колядкам обязательно надо что-то дать со стола, чтобы следующий год был удачный и зажиточный, а у вас есть такой обычай? – Поинтересовался Сергей у Карла.

- Может и есть такой обычай, но честно говоря, я не видел, что бы перед замком герцога кто-то плясал и гудел в дудки. Охрана бы давно их дубинками бы отходила по спинам и отправила восвояси, а может, и вообще посадили бы в башню под замок за нарушение морали и нравственности.

- Скучно вы живёте там у себя в Германии, Карл.

- Да, скучновато, зато по закону, - улыбнулся Карл.

А на следующий день, Елизавета с супругом уехали обратно в дом супруга на другой конец Пскова, А Сергей предложил Карлу посмотреть русскую народную забаву, что будет разворачиваться на льду реки Великой.

На льду реки, стояли две группы мужчин, одетых в рубашки и с меховыми варежками на руках, они что-то кричали, махали руками, кто-то отходил, кто-то приходил, всё было в каком-то непонятном хаотичном движении. А вокруг этой группы стояли жители города, активно что-то крича и так же размахивая руками. Вдоль толпы бегали продавцы лоточники и что-то продавали зрителям, скорее всего какие-то вкусоности.

- Вот Карл, смотри, - сидя в седле и показывая рукой на толпу заговорил Сергей. – Это русская народная забава, именуемая Кулачный бой, это когда стенка на стенку мужчин бьются по правилам, кто остался на ногах тот и победил. Пойдём, посмотрим, что там и как.

По мере приближения к толпе, мужики снимали шапки и кланялись Сергию и Карлу, а Сергей некоторым отвечал кивком головы, а некоторых то и вообще игнорировал.

- Ваше благородие, Сергей Всеславович, не выдержали, приехали на потеху или как, поучаствовать желаете? – Спросил у Сергия солидный мужчина с бородой, одетый в волчью шубу.

- А, Борис Матвеевич, рад видеть тебя, - ответил Сергей, - нет уж, стар я уже стал, для таких развлечений, я вот гостя дорогого привез на потеху посмотреть, а он из Германии, у них там такого раздолья не имеется. А что это вы не начинаете?

- Дык, у середняков нет одного человека и найти не могут, вот и носятся, ищут.

- Карл, не хочешь поучаствовать в русской потехе? – обратился к барону Сергей.

- Можно и поучаствовать, а что нужно делать-то? – Заинтересовался предложением Карл.

- Да особо и ничего-то делать и не надо, стой себе на краю строя во втором ряду, да и руками помахивай, а наши мужики сильные, тебя и прикроют, а там и победушка уже наша будет. – Объяснил Борис Матвеевич.

- Просто великолепно, поучаствую я в потехе, - дал согласие Карл.

Дрался же он раньше в пивнушках города со студентами, как раз стенка на стенку, но по своим правилам, немного отличавшихся от русских правил. Почему бы не помахать кулаками, да и герцога тут нет, никто не будет выговаривать, что пажу герцога не пристало драться с какими-то затрапезными студентами.

Карла быстро раздели до рубашки, одели на руки меховые варежки и, поставили во второй ряд, на правый фланг городских мужиков, против заречных мужиков. Правила ему объяснил Сергей, они были простые и понятные. Больше конечно Карл переживал за свой нос. Но драться то он умел с детства, старый Фриц в замке учил его не только махать шпагой, но и руками бить в нужные места, только без варежек.

Бой начался с мелких пацанов, зачинщиков, потом обе стенки всколыхнулись и пошли на сближение, а потом всё завертелось и закружилось. Странно, но мороз уже не чувствовался, кровь ударила жаром по всему телу, сердце застучало, предвещая хорошую потеху. Карл, стоя во втором ряду, пытался кого-то ударить, кто-то его пытался сбить с ног, где свои, где чужие? Он запомнил только парней стоявших с ним рядом, а остальное все перемешалось в один большой клубок. Кто-то падал, получив удар в лоб, кто-то сам вставал на одно колено, показывая, что он не боец. Так энергетика бой проникла в Карла, закрутила его, отбросила все сомнения, а он то бросался в бой, отвешивая точные удары, то уворачивался от несущихся в его аристократический нос кулаков, несколько раз зазевавшись, получил увесистые плюхи по уху. Карл был на голову выше некоторых бойцов и иногда видел картину боя, из которой он делал вывод, что городские мужики жмут, и скоро будет победа.

Карлу казалось, что он стоит на берегу моря и ему в лицо светит солнце, а брызги воды приятно охлаждают его загорелое лицо. Он проморгался от воды, очнувшись от созерцания морского пейзажа, а как оказалось, от того, что ему в лицо Сергей кидает снег и что-то ему говорит, но что говорит Сергей, Карл не слышит. Лицо Сергия улыбалось, солнце за его плечом светило Карлу прямо в глаза, голова его немного гудела, но в основном ничего не пострадало, не считая того, что тут и там по телу где-то, что-то болело.

- Карл вы победили! - Как сквозь вату услышал он Сергия, - ты молодец Карл, знатно дрался, правда тебя с ног сшибли, но ничего Карл, до свадьбы всё заживёт как на собаке.

- Какая свадьба, какие собаки, он что, не в себе, что ли от радости, - перекатывал в голове слова Сергия, Карл.

Наконец Карла усадили на рогожку, укутали очередным в его жизни тулупом, и поднесли флягу к губам, вливая в него жидкость. Карл от этой жидкости поперхнулся, потом закашлялся, потом его глаза привычно вылезли из орбит, и он вскочил на ноги, отмахиваясь от добродетелей, пытавшихся его напоить знакомой ему отравой.

- Шайзе, - вырвалось у Карла, это же опять «Первач», они что, меня уморить хотят?

- Ну, слава тебе Господи, очухался парень, - услышал Карл голос Бориса Матвеевича, стоявшего рядом с Сергием, с флягой наполненной «Первачом».

Горожане ликовали и радовались победе своих бойцов, девушки бросались на добро молодцев, целовали их и уводили к торговым рядам, где поили теплым сбитнем. Но на Карла никто не бросался, только какая-то собака обнюхала его ботфорты и побежала к торговым рядам, где ей, скорее всего, обломиться какая ни будь косточка.

- Скажи Сергей, а может это невместно для дворянской чести драться с мужиками стенка на стенку?

- Ну Карл, во первых, как у нас говорят, после драки кулаками не машут, а во вторых сам Царь Петр любил иной раз кулачищами помахать, и некоторые приближённые его, то же любили кулаками помахать на льду. Да и я, честно сказать, тоже тут на льду кровушку проливал в юности, и свою и чужую, так что не переживай, это настоящая русская традиция.

- Да, но я же не русский, я немец, я из Саксонии.

- А какая тебе разница, может ты тут приживёшься, женишься на русской красавице, а там глядишь и русским духом пропитаешься, да и осядешь в России, где-нибудь в поместье под Москвой. Вон кстати, Борис Матвеевич, товарищ городничего, из старого дворянского рода, тоже со мной в стенке стоял в юности. Так что дорогой Карл, ты только опыта набрался, и хорошего опыта, поверь мне.

Наталья только ахнула, прикрыв рот ладошкой, - Серж, ты что, Карла в стенку поставил? Он же ещё молодой. – Рассматривая опухшее ухо барона и синяки на скулах и шишку на лбу Карла, возмутилась хозяйка дома.

- Молодой то молодой, видела бы ты, как он кулачищами махал, как мельница крыльями, если бы стоял в первом ряду, брешь бы пробил в строю у заречных, а так фланг сдержал, правда, в лоб схватил плюху и поплыл малость.

- Как же ты мог, Серж, у него всё лицо скоро посинеет. Карл, мальчик мой идём со мной, я тебе примочки поставлю, а то будешь похож на глобус, тут зеленое, там синее, да и голова круглая, опухшая. – С этими словами, Наталья, как мать, взяла Карла за руку и отвела его в комнату, где через некоторое время образовались тазик с водой, склянки и банки с мазями и примочками, которые Сергей и Сильвестр таскали со скоростью самого быстрого оленя, не смея перечить хозяйке. А лицо Карла покрывалось наклейками, липкими мазями и менялось в цвете, как тот самый глобус, о котором говорила Наталья.

В одно прекрасное зимнее утро, под присмотром поднимающегося солнца, Карл был разбужен уханием и аханием, которые доносились со двора дома. Не в силах совладать со своим любопытством, он выглянул в окно своей комнаты и заметил на улице какое-то движение сопровождавшееся не членораздельными звуками. Накинув на себя полушубок, он в одних кальсонах и валенках выбежал на крыльцо, немало удивившись картине, которую увидел во дворе.

Сергей и Сильвестр стоя по пояс голые в середине двора, хватали руками свежесвыпавший снег и обтирались им с самым довольным видом, растирая снежные комки по груди, животу и шее быстрыми хаотичными движениями. От этих самоубийственных действий, по мнению Карла, Сергей и Сильвестр то ли от удовольствия, то ли от холода кричали – Уххх бля, эххх едрить, аххх твою в коромысло, - и так по кругу с новыми порциями снега.

- Да они чокнулись, - пронеслась мысль в голове Карла, а сам крикнул мужчинам, - вы что, головой ударились, вы же заболете.

- Ааа, Карл проснулся, смотри ка Сева, Карл решил к нам присоединиться, - Сергей быстро подскочил к Карлу, скинул с него полушубок и пригласил попробовать, - давай Карл снимай рубаху и будем тебя закаливать, по нашему, по Псковски.

Карл решил, раз уж эти пожилые вроде как мужики обтираются снегом, то и с него, то и него не убудет.

Снявши рубаху, он схватил рукой жменью снега и стал им обтираться, начиная с живота. Его тело обожгло холодом и он закричал, что-то своё родное немецкое, которое со стороны звучало как, - аааа, донер ветер...., аааа твою..., аааа лять, но лучше он стал переносить обжигающий холод, только тогда, когда ухнул, ахнул, да и крикнул как мужики в обозе, - эх, едрить твою в коромысло, ух, едрить тебя в качель...

Но тут, его словно ошпарило кипятком, в тот момент, когда Сергей, незаметно подкрался к Карлу со спины и, стал натирать ему спину снегом, от чего Карл не смог даже выговорить ни одного слова, дыхание совсем спёрло, и в очередной раз его глаза полезли из орбит. Но тут же закричал и сам Сергей, ибо в отместку за мучения Карла, Сильвестр стал втирать снег в спину Сергия. Но вероятно Сергей привык к таким забавам, и голос у него не сперло, и он заорал благим матом, обновив знания Карла новыми русскими словами.

Натешившись во дворе со снегом, Сергей двинул кулаком в плечо Карла и со смехом произнёс, - молодец Карл, выдержал закалку, а теперь в баню греться, здоровье поправлять.

Баня у Поддубного была не чета, бане в Изборске, просторная, духовитая, парилка с каменкой, стоявшей у стены, полки в парилке были укрыты покрывалами, куда и уселись раздетые мужчины, оберегая свои седалища от горячих досок. Так получилось, что Карл сидел в парилке в своей треуголке, забыв её снять, так как Сергей с Сильвестром надели войлочные колпаки, а теперь сидели и потели телом в жаркой парилке.

- Сергей, а зачем вы снегом обтирались, это же страшно противно и, наверное вредно для организма.

- Ничего подобного Карл, обтирание снегом, есть суть закаливания русского солдата с древних времён. Тело закаляется и солдат становится крепок телом и духом.

- Но так же можно замёрзнуть, Сергей, умереть от переохлаждения.

- А вот и нет, если всё делать правильно, то сам увидишь, что вскоре ты не будешь чувствовать холода, твоё тело укрепится, а все хвори, будут обходить тебя стороной, и ты будешь здоровый и крепкий как дуб. Вот и мы Поддубные, всегда закаливались, укрепляя тело и дух, и потомки наши будут крепкими и здоровыми. Вот такие дела. А сейчас, друг мой Карл, мы пойдём опять в снег нырять, продолжать нашу закалку.

Отвалившись на теплую стену раздевалки, обшитую сосновой доской, и попивая чай, Карл, прибывая в какой-то возвышенной расслабленности, пришёл к выводу, что в Германии народ строгий и чопорный, от того, что не ходит по субботам в баню, не париться в парилке дубовым веником и не прыгает задницей, прямо в глубокий в сугроб. Теперь он полностью был на стороне возниц, которые в Изборской бане утоптали своими телами снег вокруг бани постоянного двора.

- Ну как тебе Карл, по душе ли правильное закаливание. – Поинтересовался Сергей.

- Это просто праздник души и тела какой-то Сергей, вон посмотри на Сильвестра, он уже посапывает от удовольствия.

- А я не сплю, - поморгал глазами Сильвестр, - если ваше благородие хотя бы полгода так попарятся, то через год будете сосульки зимой грызть с удовольствием.

- Но летом то снега нет, или в России он есть, - поинтересовался Карл.

- В некоторых местах на Северах, лето всего три месяца в году. Но если ты заметил, то бани стоят в основном вдоль рек и ручьев, чтобы летом из бани, да голышом, да и в ручей. Моя же банька, далековато от реки, но у меня есть небольшая купальня, вот там мы и охлаждаемся летом.

- Умом русских не понять. Сергей. Всё-то у вас как-то не так, в Европе так не живут.

- Так в Европе и места мало для бань. Вот тебе скоро в столицу ехать, а расстояние от Пскова до Санкт Петербурга знаешь сколько? Триста вёрст. Это, тебе неделю ехать, как почти половину Германии проехать поперёк. Вот как то вот. А теперь други мои, пока мой генерал фельдмаршал не видит, давайте по рюмочке вишнёвой настоечки. Не выпить русскому солдату после бани – великий грех!

- Ну что мальчики, попарились? – Поинтересовалась Наталья у Карла и Сергея, когда они расселись за обеденным столом. – Я надеюсь, Сергей, ты нашего гостя не заморил холодом и жаром?

- Нет душа моя, наш Карл, крепкий парень и очень перспективный, всё выдержал, и лёд и пламень, так что будет из него толк в армии, если придворные интриги не выбьют его из колеи.

- Что такое колея, Сергей? – Поинтересовался Карл, подцепив вилкой небольшой груздь.

- Лето придёт, дорогой Карл и узнаешь, - ответил Сергей.

Собирали Карла в дорогу, как говорится всем миром. Накануне, расстроенным голосом, придя со службы, Сергей сообщил, что приехали первые сани по тракту, путь открыли, и пора тебе Карл, выдвигаться по месту будущей службы.

- Так друг мой, а скидывай ка ты свою форму на рыбьем меху, а то несмотря на закалку в бане, ты в дороге околеешь. Мы тебя оденем, как положено русскому дворянину, путешеству-

ющего зимой. А ну ка Сева, обратился он к Сильвестру, принеси ка нам сюда зимние вещи из чулана.

Через час, благодаря опытному глазу Натальи, перед её светлыми очами предстал Карл, одетый в суконные широкие шаровары, на ногах красовались белые валенки, подшитые кожаными стельками, а на плечах висела светлая бекеша на овчине, с пуговицами на правую сторону, запахивающуюся почти до самого бока. Вот так семейство Поддубных собрало в дорогу случайного гостя, волею судеб, оказавшегося на просторах России и ставшего им не только дорогим гостем, но практически родным человеком.

- Завтра рано утром, от городской управы поедет почтовый возок в Санкт Петербург, кроме почты и двух человек пассажиров никого не будет, я тебе конечно заказал место, но мой тебе совет Карл, езжай часть пути верхом, часть в возке, дай лошадам размяться, а то они почти две недели простояли. Да Карл, проверь оружие вечером, перезаряди, смажь свою шпагу маслом и повесь перед выездом на бок. Вещи свои уложи в возке, там есть место, вот так то. – Грустно закончил Сергей.

Поднявшись с петухами вместе со всем семейством, Карл был хорошо накормлен, одет в новые одежды и со всем семейством вышел на крыльцо, где стояли Граф и Графиня, откормленные, вычищенные и осёдланные. Ехать предстояло на Графе, ибо Графиня была загружена баулами Карла и сидором с едой в дорогу. Объемно, но не тяжело, так что основная работа будет у Графа.

- Ну что Карл, давай прощаться что ли, - произнёс Сергей и крепко, по мужски, обнял Карла и расцеловал его трижды. Передав Карла по очереди Наталье, которая, на оборот, скромно, по женский чмокнула Карла в лоб.

- Ну, спасибо вам за всё, не поминайте лихом, может ещё и увидимся, - произнёс Карл и пошёл по утреннему скрипучему снегу к перебиравшему ногами Графу.

Карл в один взмах ноги, вскочил в седло. Граф с непривычки присел на задние ноги, всхрапнул, но под твёрдой рукой выполнил команду и стал разворачиваться в сторону открытых Сильвестром ворот, предчувствуя дальнюю дорогу, всхрапнул и заржал, призывая за собой Графиню.

Сильвестр стоя у ворот, перекрестил Карла в удаляющуюся по улице спину, ставшего его лучшим учеником в русском фольклоре, пробормотав себе под нос, - Храни тебя Господь, Карл.

Сергей и Наталья смотрели на уезжавшего со двора Карла, у обоих в уголках глаз сверкнули слёзы, так же как и Сильвестр они каждый по своему перекрестили спину Карла, Сергей пробормотал, - Спаси Христос, раба божьего Карла. А Наталья в свою очередь, тихонько шмыгнула носом, вытерла платочком глаза и мысленно попросила Святого Николая присмотреть за Карлушей.

Только что, они проводили молодого немецкого дворянина, очень похожего на их Коленьку, только Карл был худее, выше и немного с длинным носом, но такой же весёлый, боевитый и бесстрашный

Глава 3

3. Молоко волчицы.

Ехать в столицу предстояло по большому почтовому тракту, проложенного ещё по указу Петра первого, через несколько старинных городов, немного удлинняя путь и время в дороге. Это обстоятельство барона порадовало, однако и выполнить приказ герцога Карла, надо было как можно быстрее, необходимо быстрее предстать перед собственной персоной друга детства, Антоном Ульрихом.

Устроившись как бы в почтовую кибитку, на самом деле Карл, следуя за сзади, исполнял роль охранника, ибо был он вооружен до зубов, а верхом на коне, так и вообще очень опасен.

- Какая интересная страна, от города до города день пути по лесу, который неизвестно где начинается и неизвестно где кончается. Холод такой, что по лесу стоит треск деревьев, разрываемых от мороза. Даже мой нос и тот мёрзнет, хотя я замотал голову шарфом, хорошо, что такие замечательные люди, как семейство поручика Поддубного, попались мне на пути. Но у каждой медали есть и вторая сторона, более приятная. Раз тут такие дремучие леса, то и охота тут должна быть великолепной, с хорошими трофеями, будет, о чём в Германии рассказать, ведь никто не поверит что тут такие расстояния и дремучие леса. У нас в Германии, например, выехал из города, а через час стоит уже другой город. Живности мало, загоняют для герцогской охоты заранее, а медведи, так вообще практически перевелись. В лес, даже за дровами, не сунешься без разрешения барона или графа, а тут, хоть живи в лесу, и тебя никто никогда не найдёт. – Думал Карл, рассматривая окрестности, которые преодолевал их маленький караван.

Немного привыкнув к непредсказуемой и неизведанной Российской природе, с её холодами и просторами, совсем как «Терра инкогнито», Карл уже не боялся холодов, глубокого снега, диких животных, пристально следящих за почтовой кибиткой из леса, а самое главное, он перестал испытывать отчуждённость к русским людям. Проведя в голове некую параллель, он пришёл к выводу, что чем холоднее климат в стране, тем добрее люди, которых он встретил в России. – Надо будет подкинуть идею, какому ни будь умнику, пусть подумает над такой удивительной метаморфозой. – Подумал Карл, обозревая окрестности.

Как сказал ямщик, когда они выезжали из Пскова, первая остановка будет вечером, в городке Гдов, где на почтовой станции они отдохнут, сменить лошадей, поедят, что Бог послал, а с утра опять в путь. Отъехав примерно несколько вёрст от Пскова, барон расслышал сквозь ветер в ушах, перезвон колокольчика и стук копыт, как хриловатый голос ямщике затянул какую-то заунывную песню.

- Как звать то тебе певец? – Поинтересовался Карл, подскакав к передку кибитки и перебив заунывные мелодии, немолодого ямщика.

- Дык Иваном родители крестили, ваше благородь.

- О чём твоя песня Иван?

- Да ни о чём, барин, о жизни нашей ямщитской в основном, о морозе, о любви, о смертушке моей пою.

- А скажи ка мне Иван, пистоль какой или фузея у тебя имеется? Чем ты будешь отбиваться, от волков, например?

- А мне это, как его, мушкетон выдали в дорогу, вон в ящике под сидением лежит. Ежели волк, какой нападёт, я картечью то и пальну. Грохоту будет изрядно, а вот толку нет. Они же стаей могут напасть, один отвлекает, самый вертлявый, а другие могут и на лошадь напасть. Тут мне и конец настанет, пассажиры и почта то внутри кибитки, они могут и отбиться или помощь дожидаться, а я если успею, то на крышу могу залезть. Перезаряжать то мушкетон целая морока, но с ним как-то спокойнее. А так я в основном всем святым молось, авось и пронесёт. Вот и пою я о своей жизнишки.

- Не переживай Иван, я тоже вооружён, отобьёмся в случае чего, от волков.

- Волки это что, собака лесная, злая и голодная, а есть зверь по опаснее. Лихие люди могут на нас напасть, засаду на дороге устроить, вот от них не отобьёшься, всех порешат и свидетелей не оставят.

От философских мыслей ямщика, у Карла, аж мурашки по спине пробежали, но он не показав вида своего лёгкого замешательства, произнёс – Ничего Иван, у меня ещё шпага имеется, пистолы рейтарские и кулаками я могу помахать от души.

- Вот то-то я и смотрю, ваше благородие, лик то мне ваш знаком. Уж не вы ли за Псковских на льду кулачищами махали? Здорово вы свою стенку держали, ух и носов вы по сворачивали и ушей отбили у заречных, любо дорого было видеть как искры из глаз сыпались, чуть сено не подпалили. Эх ма. Хорошо, меня моя старуха удержала, не усидел бы я, точно полез бы в свалку за тумачами.

- Ох, Иван, да ты ещё заводной дядька, тебе дай волю...

- Это точно, барин, мы же Пскопские, заводные, - и Иван улыбнулся своим мыслям в свою седую бороду.

Так, ведя светские разговоры с Иваном, они подъехали к какой-то деревеньке, где на самой кромке дороги стоял крестьянин в каком-то драном зипуне, и приветливо махал ямщику рукой.

- Что случилось Савелий? – Обратился Иван к мужику, стоявшему на обочине санного тракта, - остановив кибитку, как раз напротив мужика.

- Пособи Ваня, - ответил мужик, - хряка вот наемдни зарезали, с кумом. Сало у меня свежее, мясистое, с чесночком, а мы вот и сидим с кумом в шинке, отмечаем сие событие, да и праздники отгуливаем, а деньги, сам понимаешь, кончились, вот незадача. Ну так, мы и решили шматок свежего сала продать, мобуть кому нужно? – И мужик с интересом посмотрел на Карла, как на вероятного покупателя.

- А что барин, купи у него салца то немного. – Предложил Иван.

Поняв с пятое на десятое, о том, что тут на обочине образовался торг, Карл подъехал к мужику и, свесившись с седла, произнёс, - покажи что есть.

Савелий раскопал снег рядом с собой и вытащил на свет Божий мешок, от которого на всю округу запахло чесноком. После чего явил к взору Карла, свежий шматок сала, длиной с локоть и шириной с ладонь, с тонкими прожилками розового мяса сверху и толстыми полосами мяса у самой кожуры, густо посыпанный солью и с вкраплением ноготков чеснока. От запаха и вида сала, которое Карл знал как шпик, у него потекли слюнки во рту, и появился знакомый с детства вкус, будораживший немного проголодавшегося Карла. Конечно, во дворце герцога подавали к столу шпик, но тонко нарезанный и не такой духовитый, да и то не часто.

- Всего за два гривенника отдам, - назвал свою цену Савелий.

Сколько Карл не ломал голову, а правильно перевести деньги в России на Германские номиналы так и не смог, потом плюнул на эти потуги и, найдя в своём кошеле десятку пфеннигов и пару крейцеров, отсыпал их в руку Савелия.

Савелий, рассмотрев монеты на своей ладони, тут же засунул их себе за пазуху своего чуда зипуна, и вручил мешок с салом Карлу. Придорожный торг был завершён и высокие стороны разошлись по своим делам. Савелий, смешно поднимая ноги, пошёл в свою деревню, увязая опорками в глубоком снегу, а Карл поднёс сало к носу, ещё раз под ухмыляющийся взгляд Ивана, понюхал его и, достав кинжал отрезал два, совсем не немецкого стандарта куска, один себе, другой Ивану.

- Поешь Иван, поешь, это очень хороший шпик, - и Карл передал кусок Ивану, и сам положил ароматный и холодный продукт себе в рот, блаженно закатив глаза, - гут, зер гут.

- Чавось, барин?

Двое пассажиров, утомлённо и мирно спали в почтовой кибитке и запах сала до них не долетел.

- Ну вот, ещё одно подтверждение моей теории. Мужик вырастил хрюшку, с кумом заколол его, приготовил сала и пошёл в шинок отмечать сие великое событие, а деньги кончились. И что нужно сделать? Правильно, продать плоды своего труда. Главное чтобы они всё сало не пропили, а то жена его самого на сало пустит, хотя нет, он худой, этот Савелий, скорее на холодец. – И Карл сам себе улыбнулся, своим вроде и логическим выводам, да уж больно мрачным.

Иван опять затянул песню, про замерзающего ямщика, пощелкивая кнутом, а Карл пересел на Графиню, пусть разомнётся лошадка. Граф же в свою очередь, радуясь, что можно часть своих обязанностей переложить на смиренную лошадку, встал на дыбы, радостно заржал и, проскакав вперед, резво развернулся и пристроился к гарцующему на Графине Карлу.

Когда над лесом стало темнеть и солнце стало закатываться за кромку леса, впереди из-за поворота показались очертания старой крепости, с гостеприимно раскрытыми воротами, куда напрямик и вёл санный путь, прямо в темное чрево крепости города Гдова, где им предстояло переночевать на постоялом дворе при почтовой станции. Опять постоялый двор, опять ночь приближается, что ждёт Карла? Повторение Изборска или что-то другое, ибо на воротах никакого воинского поста он не обнаружил. Только сторож, мужчина небольшого роста, очищал снег по следу закрытия ворот, нанесенного санями и ногами жителей города за целый день.

Двумя пассажирами и невольными попутчиками Карла, так и проспавшими остановку на покупку сала, оказались коллежский секретарь Артемий Пыжиков и коллежский регистратор Алексей Чижиков, бывшие в Пскове по делам своей Камер коллегии в городе Пскове. Оба чиновника не отличались друг от друга, разве что только возрастом и выражением лица, несущего на себе печать ответственности за порученное дело. Если Пыжиков, олицетворял своим видом, всю глубину государственной ответственности, своего небольшого, но важного поста в коллегии, то Чижиков, будучи, как и Пыжиков облачён в казённый форменный сюртук, имел вид весёлый и наплевательский на порученное задание и глубину его ответственности. Его ранг в табеле о рангах был так мал, а денежное довольствие такое скудное, что он не видел в себе творческих сил, как Пыжиков, показывать свою значимость на посторонних людях.

Судя по всему, командировочное содержание двух чиновников подходило к концу, а может и совсем практически иссякло. В силу таких обстоятельств, оба чиновника довольствовались гречневой кашей и чаем с куском хлеба, в трактире при почтовой станции.

Заняв одну из гостевых комнат трактира, Карл уложив свой багаж в углу комнаты, внимательно рассмотрел узелок, собранный в дорогу, рачительной хозяйкой дома Поддубных, в котором обнаружил и пироги и вареную картошку, и жареную курицу, скукожившуюся на холоде. Не скукожилось только сало, ибо известно, что холодок салу только на пользу. Видя скудный ужин своих попутчиков, Карл имея доброе сердце, решил угостить своих попутчиков имеющеюся у него снедью.

Покончив с поклажей, барон вышел в общий зал и сел, с разрешения сотрапезников, за длинный стол, где ужинали служители коллегии.

- Господа не будут против если я, присяду к вашей компании и угощу русской едой, доставшейся мне по случаю, - поинтересовался Карл у служащих.

Такой наивный вроде бы вопрос, поставил Пыжикова в затруднительное положение, ведь в основном кому-то что-то надо именно от него, начиная от начальства, с которым, как известно не спорят, кончая Чижикова, который вечно что-то клянчит у него. А тут, молодой улыбающийся офицер, предлагает ему угоститься его же едой. Проглотив очередную ложку гречки с луком, он непроизвольно кивнул головой, в знак согласия.

Карл выложил из мешка еду и по старой Ганноверской привычке, щелкнул пальцами, подняв правую руку вверх, подзывая подавальщика.

Вероятно, этот жест был знаком службе из трактира, и тот материализовался в ту же секунду, скороговоркой произнеся. - Что господам угодно?

- Разогреть и подать нам, и пиво на троих, - дал распоряжение Карл.

Пиво было так себе, кислило немного, но пить можно. Пыжиков, конечно же, себя сдерживал, но было видно что он был отменно голоден. Он, как самый старший за столом, соблюдая этикет, не торопясь поедая курицу и картофель, запивая всю еду пивом. Чижиков же наплевав на всякий этикет, в две руки запихивал себе в рот еду, бестолково пытаясь её прожевать и запить пивом. Так бывает, иногда и государственным служащим фартит в дороге.

Карл же в свою очередь не торопясь кушал еду, наблюдая за тем, как насыщались попутчики. Ибо известно с давних времён, что Бог велел делиться, о чём каждое воскресенье напоминал падре в кирхе Ганновера, посматривая на ящик для пожертвований.

Когда Пыжиков более или менее насытился, он поинтересовался, кому он обязан столь щедрым угощением.

- Карл Мюнхгаузен, Саксонский дворянин, следуя в столицу по делам службы. – Представился Карл.

Попутчики тоже представились, первым Пыжиков представил себя, и он же, как старший по чину представил и Чижикова. Вот так за кружкой пива и псковским пирожком они и познакомились.

Неплохо отужинав, Пыжиков закурил трубку, естественно сперва, предложив составить компанию Карлу, который отказался курить, да и не курил он вовсе, после чего они завели светские разговоры о делах службы и жизни в столице. Из этих разговоров Карл многое подчерпнул для себя лично, так как ему предстояло жить в России, неизвестно сколько. Пспрашивал Карл и про двор царицы, узнав, что нравы там свободные, очень много его земляков подъедаются у престола, да и в армии их тоже не мало. Конкретно же про двор, Пыжиков рассказать не мог, ибо это не его ранг шляться по дворцовым паркетам, - «Да и рылом не вышел», - лаконично объяснил Пыжиков. Чижиков же, раскрасневшись от обильной еды, только поддакивал и кивал, ибо ему вообще не по чину, даже думать о дворцовых делах. Но вот по части городских сплетен, он был в курсе всех событий. Так же выяснилось, что они родственники, Пыжиков родной дядя Чижикова, и живут они в одной квартире, что намного дешевле, если бы снимали квартиры, отдельно друг от друга. Это сестра Пыжикова, упростила Артемия, приютить своего сыночка Алексея, недоросля, еле-еле, окончившего уездную гимназию. Однако Чижиков, будучи весёлого характера, скрашивал служебные серые будни Пыжикова, выполняя мелкие поручения дяди, освобождая его от мелких обязанностей. Так они жили практически душа в душу и вот так они и служили в Камер-коллегии, проверяя время от времени на выезде таможенные сборы и пошлины в пограничных районах империи.

Уже перед отходом ко сну, Пыжиков посетовал, что негоже такому бравому барону ехать верхом, когда в почтовой кибитке и троим места будет много, да и собеседник Карл отменный, а до окончания путешествия ещё несколько дней, и умным людям есть о чём поговорить в дороге.

Практически весь следующий день, до самой Нарвы, Карл проехал, греясь под медвежьими шкурами, ведя разговоры с Артемием, который, не смотря на свой не высокий статус в коллегии, оказался довольно живым собеседником, поведывавший Карлу о делах в империи на поприще финансов и податей, устройства государственного аппарата и прочего, что должен знать уважающий себя дворянин. Карл же тренировался с ним в знании русского языка, иногда доводя его до животных коликот от смеха, в связи с произношением некоторых слов Карлом. После посещения Нарвы, они уже были практически приятелями, которые беспечно беседовали о том, о сём, при этом Артемий по мере возможности поправлял Карла в русских словесных оборотах. А вот некоторым оборотам, которых не печатают в газетах, Карл научился

сам, Артемий же в свою очередь отметил, что в некоторых случаях, барона вовсе и не отличить от русского человека, так смачно он иногда переплетал кружева народного фольклора.

Проведя целый день в разговорах с Артемием и Алексеем, развалившись на мешках с государственной почтой, Карл получил общее представление о делах в империи. Получалось, что он практически ехал к своим землякам, которые занимали важные посты при императрице Анне Иоанновне, так что его карьера могла быть удачной, а ему грезились солидные денежные вознаграждения, почет и чины при дворе. Правда с одним условием, если он останется жив, а то колесовать или посадить на кол, кого ни будь из вельмож, могут за проступок против короны, есть такая старинная русская традиция, как уверил Артемий, чём ввёл Карла в некоторый ступор о возможном начале или конце своей карьеры. От услышанного, будущий придворный, перекрестился и мысленно попросил Всевышнего уберечь его от напастей.

Перед отъездом из Нарвы, когда Карл собирался опять составить компанию чиновникам, ямщик Иван, сообщил, что местные мужики ему по секрету сообщили, что в лесу, примерно в десяти верстах от города, завелись волки. И не просто волки, а волки которые пришли из северных лесов, большие, голодные и бесстрашные. И как говоритья от греха подальше, надо бы вооружиться, а Карлу лучше пересесть на коня и приготовить свои рейтарские пистолеты, во избежание так сказать. Как оказалось у запасливого Артемия тоже были пистолеты, обыкновенные, офицерские, которые он с помощью Алексея зарядил и сделал такое выражение лица, ну просто героическое, что если бы его увидели волки, то они бы даже не решились бы напасть на них в зимнем лесу. Самое главное, не допустить, чтобы серые хищники поранили ямщицких казённых лошадей, иначе их уже ничего не спасёт, а так есть шанс, что лошадки вывезут до ближайшей деревни.

Конечно, Карл частенько ходил на охоту, и волков видел, так что он и не особо и испугался, но то что волки сами по себе большие, это вводило его в сомнения в возможности отбиться. Он прекрасно помнил своё участие в охоте на волков в лесах герцога. Так собаки серые с драной шкурой и поджатыми хвостами. Но то Германия, а тут Россия, здесь и волки наверное другие. Ну, чему быть, того не миновать, и Карл возглавил маленький отряд на своём Графе, а замыкала этот отряд естественно Графиня, привязанная к возку и бодро шествующая за ним.

Приближался полдень, солнце уже стояло в зените, немного согревая своими лучами спину седока, но морозный воздух всё равно охлаждал тело Карла, проникая под одежду через маленькие щели. Граф шел, рысью уминая снег перед парой, запряжённой в возок, показывая казённым безмянным лошадам, что он тут главный, он предводитель их лошадиного отряда, и от этой само значимости, он иногда прибавлял ход, заставляя Ивана подстёгивать кнутом по крупу своих лошадок, дабы не отставали «скотинки окаянные». Карл восседая в седле, уже привычно двигался в такт лошади, осматривая окрестности. Но что было осматривать? Кругом лежал снег, искрившийся на солнце, посылая миллион отраженных лучиков солнца в глаза созерцателя природы, заставляя его щуриться и утирать выступающие слёзы, так что он иногда опускал голову и смотрел только впереди ушей своего коня, где была тень, от него самого, и снег не отражал морозное солнце. Проще говоря, время от времени он вообще ничего не видел дальше лошадиных ушей, полагаясь на чутьё лошади на диких зверей. Внезапно, Граф запрял ушами, несколько раз всхрапнул, ему ответила Графиня таким же храпом перешедший в боязливое ржание, что могло обозначать только одно, где-то неподалёку находился дикий зверь, которого лошади и учуяли. Карл натянул поводья и поднял левую руку вверх, показывая Ивану, что где-то впереди опасность. Караван немедленно остановился, колокольчик на дуге одиноко звякнул и умолк. Иван привстал со своего сиденья, пытаясь рассмотреть причину остановки впереди скачущего Карла. Примерно в пятидесяти сажнях перед Карлом, который удерживал нервничающего Графа, стояла причина их внезапной остановки. Точнее три причины. Посередине накатанной полозьями и утоптаннми копытами дороги стояли, низко опустив головы

три огромных серых волка. Даже издали, они казались как молодые телята. Серые, с белыми подпалинами с рваными ушами и серыми в шрамах мордами, все трое скалились, рыча и показывая желтые клыки с которых медленно капала слюна, замерзая, и стекая, практически заледневшей на холоде, но всё ещё тягучей, прямо на снежный наст перед опущенными мордами. Жёлтые глаза были сужены до маленьких щелок, ибо солнце светило им прямо в глаза. Было ощущение, что это монголы вернулись зимой на Русь грабить караваны и убивать всё живое.

Иван медленно перекрестился, уткнув свои персты в запотевший лоб и медленно осеняя себя крестным знаменем. Лево́й рукой ямщик нашарил под сидением свой мушкетон, и слегка подрагивающими руками извлёк оружие на свет Божий, понимая, что если он промахнётся, то не умрёт в степи от мороза, как в своей песне, а падёт под клыками, серых разбойников.

Карл, быстро придя в себя от столь не ласковой встречи на лесной дороге, так же медленно вытащил из седельной кобуры пистолет и взвёл курок. Стрелять с такого расстояния конечно можно, но совершенно нет гарантии, что попадёшь точно в цель, хоть целей всего три, а у Карла только два пистолета и шпага. Что в принципе уравнивало его шансы на победу, но он не знал, сколько волков вышло на разбой и не сидят ли они в лесу и ждут своего часа, что бы расправиться с караваном и нажраться баронской плоти.

- Что встали волки позорные? – Крикнул волкам на немецком языке Карл. – Нападайте, псы трусливые. Едрить вас в коромысло, через колено, мои будущие шубы и шапки, - уже на русском языке, выдал тираду прямо в морды волкам Карл.

Волки, услышав человеческий голос, удивлённо подняли головы, никогда ещё человек не угрожал им, кричали да, бывало, правда, перед смертью, но чтобы так в наглую, обложить их, это было впервые. Конечно, они ничего не поняли, но вот интонация человека говорила, что сегодняшний их бой будет трудным, может даже и последним, но и куш на кону стоял очень большой, можно долгое время сидеть в лесу и всей стаей глотать кости. Одновременно, все трое, они бросились в атаку на всадника, приближаясь к своей законной добыче, первый волк, бежал посередине, пригнув голову вырвался вперёд, намереваясь вцепиться лошади в горло снизу и вырвать кусок тёплой плоти, два его подельника по разбою должны были напасть на человека с двух сторон, свалить его и загрызть, а потом была очередь двух лошадей и возницы, остальным волкам надо было напасть на привязанную к возку лошадку. Прекрасный план для стаи северных волков, закалённых в тайге и тундре, прошедших длинный путь в поисках еды. И эта еда, приближалась к ним, гарцуя на коне.

Карл, разгадал незамысловатый план представителей псовых, ведь перед ним не войска Ганнибала при Каннах, но и у него был свой план, и он должен был сработать, главное чтобы оружие не подвело, да и конь не испугался бы выстрелов, а на всё остальное Воля Божья.

Карл резко наклонился вправо и нагнулся немного вперед под шею Графа, и произвел выстрел в открывшийся бок, левого от него волка. Пуля была немаленького калибра и попала волку точно в левый бок, точно в середину тела, и серого, просто выбросило на обочину в сугроб, где он через некоторое время и сдох. Бросив поводья, вставшего как вкопанного Графа, Карл левой рукой, вытащил второй пистолет и провернул такой же трюк с волком, нападавшим по центру, перегнувшись влево, Карл произвёл второй выстрел, и выпущенная им пуля попала в мощную грудину самого большого зверя. Ударная сила пули, слегка приподняла его над землёй, а потом мощная инерция тела и скорости, бросила матерого, мордой в снег недалеко от Графа. Третий волк, изменил траекторию, уходя влево запрыгивая на сугроб, и уже с небольшой высоты, бросился на человека справа, намереваясь своими клыками разорвать ногу седока, ведь не смотря на смерть подельников, атаку то никто не отменял.

Холодная сталь обожгла язык хищника, не успевая даже прилипнуть к горячему языку, он от боли зажмурил глаза, судорожно захрипел, сталь попала ему в гортань, разрубила стенки пищевода, захрустела по позвоночнику и разрубив кости, вышла кровавой молнией из холки зверя, попортив густой мех и окрасив его бело-серый цвет в ярко рубиновый до самого хво-

ста. Смерть от удара шпагой удачно попавшей в пасть хищника была мгновенной. Мастера и Золингена умели ковать свои клинки с давних времён.

Именно в этот момент, бабахнул выстрел мушкетона Ивана, грохот был такой, как будто выстрелили из пушки. Это ямщик разрядил своё оружие сразу в двух зверюг, но размерами и статью поменьше, которые намеревались напасть на него, выскочив из леса с левой стороны дороги. Картечь, выпущенная с близкого расстояния просто разорвала одного зверюгу, чуть ли не пополам, а второго смертельно ранила в бок, от чего он завалился на правый бок, истекая кровью и дёргаясь в конвульсиях. В следующий миг, ямщик, мастерски щёлкнув своим кнутом, ударил полуживого волка по морде и вероятнее всего оглушил мощным ударом, от чего подранок перестал дёргаться и затих. Но праздновать победу ещё было рано.

Краем глаза, Карл заметил движение позади кибитки, и тут же раздалось ржание Графини, привязанной к кибитке. Немедленно развернув Графа, он пришпорил коня, стараясь успеть к лошадке, и уберечь её не только от зверей, но и от нервного шока.

Со стороны леса, раскрыв красные пасти и скаля клыки бежали в атаку ещё три волка, намереваясь напасть на Графиню. В этот момент в окно кибитки высунулись две руки с пистолетами, держащий их за стволы.

- Держи Карл! – Прокричал Артемий.

Карл, схватил пистолеты с уже взведёнными курками, сжал бока Графа ногами и слегка дал шенкелей. Не придумывая ничего лучше, он так же выстрелил сначала в правого, потом в левого молодого волка. Молодые волки, получив по пуле в грудь, растянулись на санном следе, хрипя и орошая свежей кровью снег вокруг себя. После выстрелов, он откинул пистолеты и вытащив шпагу попытался проткнуть волка насквозь в серый бок. Но волк как-то крутанулся в полёте, и лезвие шпаги только слегка оцарапало шкуру, вспоров вставшую дыбом шерсть на спине у волка. Лесной хищник, пролетев небольшое расстояние, выпустив длинные кривые когти, вцепился лапами в круп Графини, от чего та дико заржала, дёрнула задней ногой и попыталась встать на дыбы от боли, но у неё не получилось, так как она была привязана к кибитке. Эти телодвижения не позволили волку вцепиться зубами в лошадиную плоть, чертя кровавые борозды на лошадиной ноге, серый хищник, щёлкая зубами, падал вниз. И тут Графиня инстинктивно лягнула правой ногой, поставив точку в борьбе за свою жизнь. Волк получил мощнейший удар в голову подкованным копытом, и с визгом отлетел на несколько саженей, упав спиной в снег и умолкнув, раскинув мощные лапы в стороны. Из рта тяжело дышащего зверя вытекала кровь, морда волка, была разбита ударом копыта лошадки так, как будто кузнечный молот ударил в переносицу, разбив лоб и повредив глазницы животного. Лежа в луже крови, волк как-то странно, из последних сил заскулил и заплакал. Да, Карл увидел слёзы в глазах волка, они каплями стекали вместе с кровью из разбитых глаз образуя темные дорожки на морде, обесцвечивая капли красной крови, стекая на снег уже розовыми волчьими слезами, растекаясь возле разбитой головы, небольшими пятнами на снегу. Спрыгнув с коня, юноша, расстегнул ворот одежды, и пошёл смотреть на дело рук своих.

Волки оказались мощные, с большими головами, размерами они были действительно большими, немного не дотягивали до телят. Мощные грудные клетки, клыки в оскаленных пастьях были размером с мизинец, морды и уши порванные, лапы широкие и сильные, а когти как ятаганы. От волчьих тел шёл пар, но постепенно холод брал своё, пар исчезал, а может это были волчьи души, отлетавшие в свои волчьи небеса на судилище для волков. Кровь покрылась ледяной коркой, и постепенно засыпалась снегом.

Карл не видел никогда такого зрелища, но что его больше всего поразило, так это то, что это был не волк! Это была молодая волчица, лежащая на снегу, с нелепо раскинутыми в стороны лапами и набухшими розовыми сосками, на которых замерзали на холоде капли молока, в виде маленьких бусинок, блестящих на солнце. Волчица несколько раз дёрнулась и затихла, выдавив из лёгких, полу-стон, полу-плачь.

- А сука то, кормящая. Она как вышло-то. Голод то не тётка, в бой она пошла за волчат то своих, - услышал Карл за спиной, голос ямщика.

- Отбились, слава тебе Господи, - это уже произнёс Артемий, вылезая из кибитки вместе с бледным как мел Алексеем.

- Да, жестокая была охота, - медленно проговорил Карл, опускаясь на колено перед волчицей. – Что теперь делать то Иван? – Поинтересовался Карл у ямщика.

- Дык, как что, ваше благородие, добьём подранков, доведём трофеи до деревни, а там мужики, знают что делать, всё в прибытке останемся. Вот вам на шубу или волчью подкладку на плащ, или господину Пыжикову на шапку, все столичные господа обзавидуются. - Закончил нравоучения Иван.

- Надо посмотреть, где их логово, там же щенки остались, помрут же на холоде то. Я пойду в лес, посмотрю по следам, - нашёл себе работу Карл.

В этот раз человек в очередной раз победил природу, это была не охота человека на зверя, это была отчаянная, из последних сил охота волка на человека и на его лошадей. Карл осмотрел место битвы, где ямщик добивал подранков ударом ножа в грудину зверя. Артемий и Алексей ходили и смотрели на трупы убитых зверей, о чём то серьёзно между собой переговариваясь, где-то нагибаясь перед волчьим телом, а где-то просто носком валенка толкая тела в бок. В этот момент Карл обратил внимание на храпящую Графиню.

- Ну что девочка моя, и тебе досталось, - Карл посмотрел на кровавые полосы на ноге Графини. Взяв комок снега в руку, он протёр ей ногу и обнаружил три неглубоких шрама спускающихся от крупа к колену. Они немного кровили, но судя по всему, не были критичны для лошади. Взяв лошадку под уздцы, и повернув лошадиную морду к себе, он увидел уже лошадиные слезы, так же дорожками, спускающимися на скулу лошади.

- Ну что ты девочка, всё закончилось, - поглаживая по морде и похлопывая по шее, заговорил с Графиней Карл. – Тебе наверное больно, майне кляйне, потерпи немножко, сейчас Иван поможет тебе, - продолжил Карл обтирая своей варежкой, лошадиную морду. – А ты молодец, - похлопывая по шее, продолжил юноша, - одним ударом зверюгу на тот свет отправила. – Продолжил успокаивать Графиню Карл. А потом он заговорил на ухо, уже успокоившейся лошади. – Вы с Графом вообще-то хорошая пара. Как считаешь? И вообще, ты у меня красавица и умница, приедем в столицу, тебе все лошадки позавидуют, это я тебе обещаю.

В этот момент, юный лошадиный сводник, получил тычок в спину от Графа, который лбом ткнул Карла, мол, и про меня не забывай. Карл обернулся, похлопал коня по шее и с ухмылкой сказал прямо в лицо, - И тебе тоже позавидуют дружище. Клянусь своей треуголкой!

Иван оказался сообразительным и хозяйственным мужчиной, пока барон, общался с лошадьми, обещая им кущи райские на этом свете, он быстро упаковал волчьи трупы в мешки, завязал им горловины и закинул на крышу кибитки, привязав их веревкой к крыше, чтобы не попадали от тряски в дороге. После чего, ямщик обиходил, раненую ножку Графини, при этом философски заявив, что до свадьбы заживёт. Чем ввёл мыслительный процесс Карла в ступор. До чьей свадьбы? Моей? Лошадиной? Или моей и лошадиной одновременно? Ох уж эти русские поговорки, любого немца в могилу отправят от несварения мозгов.

Однако у Карла было одно маленькое дело, надо было найти щенков волчицы, и постараться их спасти. Дав шенкелей Графу, он поехал по волчьим следам, и уже через некоторое время услышал со стороны подлеска писк, сбиваемый ветром. Но следы и направление он определил, а с высоты седока, обнаружил лёжку, где на вытоптанном лапами снегу, жались друг к другу четыре меховых комочка, которые уже покрылись лёгким снежным покровом. Волчата, прижавшиеся друг к другу, были размером с маленьких собачьих щенят, но с толстым и лапами и почти круглыми щенячьими глазами, с удивлением смотрящих на Карла. Собрав щенков в охапку и засунув их себе за пазуху, своего овчинного полушубка, Карл вернулся к кибитке, где уже всё было готово к продолжению пути.

Заботу о щенках взял на себя Алексей, кормя их молоком из загашников Ивана, обмакивая кусочки хлеба в молоко и скармливая эти кусочки тянущимся к его рукам волчат. Делал он это опытной рукой с детской улыбкой на лице. Просто у себя в небольшом поместье, он с деревенскими мальчишками, таким же образом кормил щенков, собаки охранявшей двор усадьбы. Кличка у этой собаки была простой и не совсем понятной для крестьян и дворовых людей, - Пальма. Что такое пальма, кроме Сашеньки не знал никто, и от этого ему было смешно.

Сидя в кибитке, и зарядив на всякий случай свои и Артемия пистолеты, а так же мушкетон Ивана, Карл, укрытый шкурами думал о том, что такое превратности судьбы. Например, Алексей выкармливает щенят волчицы, которая час назад, пыталась сожрать этого самого кормильца. Волчата, которые волей судьбы, должны были замерзнуть в кустах, но теперь едут в теплой кибитке, а их мать и вероятнее всего и отец, пытавшиеся организовать обед из лошадей и людей, теперь едут на крыше кибитки в мешке, и вероятнее всего будут согревать людей своим хорошим зимним мехом.

- Вот куда меня мой герцог заслал? Всё тут не по правилам. Волки должны сидеть в лесу и охотиться на зайцев, люди собираются и охотятся на волков. Но тут в России, волки нападают на вооружённый обоз, волчица кормящая мать, возглавляет охоту на людей. Люди убивают врагов рода человеческого и тут же сидят и кормят волчат. Да, твою же мать, куда я еду? Бедный, бедный, Антон. Бедный, бедный, я. Бедная, бедная Саксония, как же я без тебя? Одна надежда у бедного, бедного Карла, - на, привычный сердцу ордунг. Какой же я кретин! Идиот, довер ветер, у меня же есть чем снять усталость, - вдруг прервал свои философствования Карл.

- Господа, а не отметить ли нам нашу маленькую победу? – Спросил Карл у попутчиков.

- Карл, а у вас ещё есть чем? – Живо переспросил Артемий.

- Вишнёвая наливка, поручика Поддубного, дареная мне в дорогу от чистого сердца. – Уточнил Карл.

Так, коротая вишнёвой наливкой время в пути, Карл и Артемий по стопочке, а Алексей по пол стопочки, не торопясь отмечали успешный бой, закусывая нескончаемым куском баронского сала с хлебом. Опять завели разговоры, но уже не просто как попутчики, а как солдаты, оставшиеся в живых, после кровавого боя. Конечно же, сунули в окошко и Ивану стопочку, соратник всё же, двоих застрелил одним выстрелом. После того как была осушена фляга, разговоры потихоньку свернулись. Артемий закурил свою трубку, а Карл с Алексеем занялись своими делами, Карл прикорнул, укутавшись в меха, а Алексей опять занялся кормёжкой, вечно голодных щенят. Иван завёл свою песню, про мороз и ямщика, при этом уже сомневаясь, что смерть от мороза, это просто один из вариантов конца, его буйной жизнью.

Посапывая под шкурами, Карл проспал до самой почтовой станции, в конце концов ему составил компанию и Артемий, выкуривший трубку ароматного табака. Алексей же обернув щенят в свою епанчу, пригрел их своим телом, а те мирно посапывали, и не подозревая, что жизнь их изменилась коренным образом, благодаря доброму сердцу одного немецкого барона, сопящего всего в метре от них.

На почтовой станции, Иван рассказал о нападении волчьей стаи, а после того как он скинул на снег двора мешки с телами волков, убедив, что он не брешет как сивый мерин, станционного зрителя и редких пассажиров с ямщиками, его акции резко поползли вверх, в глазах начальства и коллег по ремеслу. Его пассажиры уже заняли места за столом в трактире, намереваясь повечерять, чем им Бог послал. Хозяин трактира, принявший самое живое участие в толпе слушателей, узнав, что имеются волчьи щенки, тут же предложил маленькой команде продать ему этих щенков за приличные деньги.

- Эээ, нет, так дело не пойдёт, ты представляешь, сколько мы перетерпели, когда отбивались от стаи, - отвечал Артемий. – Господин барон стрелял и шпагой махал, я с Сашкой пистолеты заряжал, ты не представляешь, мы уже с жизнью прощались, а ты рупь с полтиной, да рупь с полтиной.

- Да, сколько же вы хотите батюшка? – Поинтересовался трактирщик.
- Десять рублёв! Не меньше. – Предложил Артемий.
- Пять рублёв! – Крикнул трактирщик.
- Шесть серебром и ужин от пуза, да в дорогу собрать завтра. – Выторговал Артемий.
- По рукам! – Протянул руку трактирщик.
- По рукам! – Артемий и трактирщик ударили по рукам, щенята переместились в уже готовую корзинку и исчезли в глубине трактира.

- Вот так-то Карл, сейчас мы поужинаем от пуза, - похлопал себя по животу Артемий, - а завтра, мы будем целый день кушать, что нам соберут с собой. Так что благодаря нашей смелости и твоей удачи Карл, мы будем сыты, довольны и нос в табаке. После чего отсыпал Карлу по справедливости три серебряные монеты, себе оставил две, а Алексею достался один рубль. С него и этого хватит, субординацию надо соблюдать.

На глазах у Карла, стол был немедленно застелен скатертью, и... повторился Изборск, но немного в экономном виде. Бани и подавальщиц тоже не было, зато Карл впервые попробовал борща со сметаной и мясом. Отведал белорыбицу, и о чудо, оказалось, что в трактире было немного вина, всего пару кувшинов, но Карлу и Артемию это вполне хватило, Алексей довольствовался пивом, а вино он не уважал, уж очень оно на его вкус кислое. Вино было Бессарабским, как убеждал трактирщик, проезжие купцы продали ему бочонок, но вот его тут никто не пьёт, в основном казенную водку, да пиво, а то и всё вместе в одной кружке. В общем, ценителей, кроме Карла и Артемия в трактире не водилось. Но и Карл не злоупотреблял, предложив наполнить его флягу вином в дорогу, взамен вишневого наливки, выпитой в кибитке «За победу».

Прямо перед отходом ко сну, к ним подсел Иван, которому то же плеснули вина, и предложил оставить волчьи трупы местному скорняку, который выделает прекрасные меха из шкуры волков, но правда либо за деньги, либо за одну шкуру, уж больно они хорошие ворсистые и чистые. И если господа хорошие согласятся, то через недели две, он очередным рейсом привезёт их в Санкт Петербург на квартиру к Артемию, а уж господин барон, сам за ними явится, если ему будет надобно. Господа соратники согласились, ведь у них мехов то и не было никогда, а теперь будут, на зависть сослуживцам. А дамы так и вообще любят, когда у мужчины или плащ или шинель подбиты волчьим мехом, да воротник серебрится. Значит мужчина зажиточный, дела его в порядке, денюжки водятся, может и ей какая лиса перепадёт на воротник, а то и может и шубейка с муфточкой. Так что мех они во дворце мех, везде глаз радует.

Утром следующего дня, компанию истребителей волков, составил пехотный прапорщик, возвращающийся в столицу после праздников проведённых в родном поместье. Молодой человек, среднего роста, с румянцем на простом конопатом лице и чуть курносый носом, с выбивающимися из-под треуголки светло русыми вихрами, стоял рядом с кибиткой, загружая в неё свои пожитки. Прапорщик был вооружён пехотной шпагой и пистолетом за офицерским шарфом, опоясывающего его талию, поверх зеленого кафтана. Укутан он был в офицерскую епанчу, а поверх был наброшен тулуп, чтобы не замерзнуть в кибитке.

Видя перед собой Карла, одетого не по форме, но в форменной треуголке, прапорщик приложил два пальца к своей треуголке и представился строго по уставному, - прапорщик Ершов.

- Корнет Мюнхгаузен, - ответил Карл и отдал честь прапорщику.

Прапорщик не верил своим глазам, перед ним стоял молодой парень, в полушубке, в суконных шароварах, в валеных бурках, но с треуголкой на голове. Опоясанный широким кожаным поясом с боевой длинной шпагой и тонким кинжалом за спиной.

- А вы точно состоите на службе, корнет? – Засомневался прапорщик Ершов.

- Корнет гвардии, герцога Браншвейгского, Карла первого, барон Карл Мюнхгаузен, к вашим услугам прапорщик Ершов.

- Это правда? - Ещё раз не веря, поинтересовался прапорщик Ершов.
- Клянусь своей треуголкой, господин прапорщик, - и Карл подмигнул Ершову, развернулся и пошёл к Графу, продолжать свой путь.

Глава 4

4. Кибитка мертвецов.

В этот день погода стояла просто чудесная, судя по всему мороз отступил, на небесах шалил лёгкий ветерок, надувая облака, иногда пряча за их бесформенные контуры зимнее солнце. Снег перестал сверкать как на морозе, становясь плотнее и влажнее, налипая на полозьях кибитки, и отваливаясь на кочках длинными пластами, от чего кибитка шла плавно и быстрее, а не дёргалась на дороге, заставляя Ивана регулировать ход всей упряжки, с помощью кнута и какой-то матери.

Карлу не было известно, чем в кибитке занимались Пыжиков с Чижиковым. Скорее всего, оба государственных служащих досыпали утренние сны, развалившись на лавках и государственной почте. В свою очередь, новые попутчики, Карл с Ершовым, бодрствуя не свежем воздухе, гарцевали на лошадях позади кибитки, замыкая маленькую процессию.

Не меняя традиции, выработанной во время путешествия по бескрайним просторам России, а больше конечно из-за жалости к женскому роду лошадиных, Карл оседлал своего Графа. Видя немного грустный взгляд попутчика, он тут же любезно предложил Павлу, так представился прапорщик Ершов, естественно Графиню, так как по стати Павел Ершов был поменьше нового приятеля, да и по легче, что Графиню вполне устраивало, не смотря на лёгкое ранение.

Попутчики, созерцая заднюю стенку кибитки, и вынужденно слушая репертуар Ивана, перемежавшегося с руганью и щелчками кнута, вели свои мужские разговоры.

- Пауль, - так на немецкий манер именовал Павла, Карл. – А тебе приходилось участвовать в баталиях?

- А как же бывало Карл. Однажды, я даже командовал, правда, только в одной баталии. В Бессарабии наш полк прикрывал форсирование реки, и мой plutonг постреливал по противоположному берегу, не давая туркам скинуть наш авангард в воду. Благодаря поддержке, наш полк переправился на другой берег, и даже какую-то деревню взяли. Правда потом всё застопорилось, оказалось, что на турецком берегу чума свирепствовала, еле ноги оттуда унесли. Вот после этого, полк отвели на зимние квартиры, а меня отправили в отпуск, как бы на излечение. Правда, я и сам не знаю от чего, но думаю что от греха подальше, вдруг я какую лихоманку в той деревне подхватил. Но Бог миловал, кроме мозолей на пятках ничего не заработал. Да и яблок зеленых объелся, так, что при отступлении все кусты были моими. Вот командование меня и отправило в поместье. Здоровье поправлять.

- А страшно тебе было?

- Было, Карл, было. Но и врагам тоже страшно было. Но со мной мои ребята, с ними сам чёрт не брат. Так этот мой страх испарился сразу же, как только мы грянули «Урааа», а у турок полное смятение, вот страху мы на них нагнали. Побежали басурмане, а мы их догнали и в штыки. После этого, у меня никакого страха то и нет. Вот такие дела Карл.

Так ведя около светские беседы, коротая время в пути, Карл и Павел, много поведали друг другу о себе и о своей службе. Карл обогатил себя знаниями о Русской армии, а Павел с интересом внимал, повествования о тёплой и непринуждённой жизни в свите герцога.

Ближе к полудню, со стороны Балтийского моря, потянул западный ветерок, своими порывами полностью закрывший солнце на небе и высыпав на путешественников заряды мокрого и колючего снега. Иван, не слезая с козел своей кибитки, предложил молодым офицерам спрятаться в чреве своего транспортного средства, переждав там непогоду, чем и воспользовались офицеры, во время короткой остановки на совершение древнего мужского обряда – оправиться в дальней дороге, прямо на обочину и в подветренную сторону.

- Эх, в такой замечательной компании мы едем господа, - обратился ко всем Артемий, - сейчас бы в картишки перекинуться, да вот жаль, что и карт у нас нет, и денег в обрез.

- Карты это хорошо, - ответил ему Карл, - да вот только и старый герцог и молодой выбил у меня охоту к карточным играм, и не просто выбили, а розгами по седалищу, на всю жизнь я запомнил. Дабы эти нравоучения мне и Антону хорошо запомнились, герцог Фердинанд преподал нам один урок. Однажды, к нам в замок был доставлен из герцогской темницы, один карточный шулер, который два дня мне и Антону, показывал способы жульничества в карточных играх. После этого я и не играю вовсе, мне нет интереса, я же в теории могу любого обыграть, даже карточного шулера. Вот такой талант у меня в картах. С тех пор я и не играю. Вот в шахматы играть мне нравится, я конечно не сильный игрок, но в ничью с хорошим игроком партию могу свести.

Треск сломанного дерева и разбойничий свист, оборвали светскую беседу попутчиков, послышались мужские грубые голоса на дороге, после чего Иван крикнул в переднее окошко. – Грабят ироды, - и тут же его же голос ойкнул и оборвался, послышался грубый мужской матерок и шлепок по телу. К нему присоединились другие голоса и радостные мужские грубые крики, и заливчатый свист вновь повторился, дикий, резкий и совсем рядом. Лошади заржали, привязанные к кибитке, нервно и громко, призывая к помощи своего хозяина.

- Кажется, сейчас нас будут немножечко грабить и бить, - сделал вывод Алексей, прижимаясь от страха к Артемию.

- Да что же такое творится, то волки нас сожрать хотят, то тати ограбить. А вот хрен им на подносе, это уже ни в какие ворота не лезет. – Пробормотал Артемий, вытаскивая из саквояжа пару своих пистолетов, уже заряженных и готовых к бою.

- К бою господа, - приказал Ершов, взводя курок у своего офицерского пистолета и вынимая шпагу из ножен. У Карла было два пистолета, ещё пара у Артемия, да и две шпаги у офицеров. Итого пять пистолетов и две шпаги, были тут же приготовлены к бою.

- Как откроют дверь, первый выстрел, твой Пауль, пистолет скинь, Артемий приготовь свои, а Алекс заряжать будет. Второй и третий выстрел мой, и я скидываю свои пистолеты, и в рукопашную, покажем этой деревенщине, как наши шпаги кровь пьют. Артемий и Алексей будете со своим оружием в резерве. – Быстро отдал распоряжение Карл.

Дверь резко распахнулась. В дверном проёме, практически полностью закрывая его своим телом, стоял высокий бородатый мужик, одетый в какой-то рваный полушубок с ржавым тесаком в руке. Павел, недолго думая, практический в упор выстрелил в разбойника, выпущенная пуля попала мужику точно в грудь, вмяв в месте попадания полушубок так, что полетели ошметки одежды, и вышла из спины, разворотив тому позвоночник и вырвав куски овчины, осколки костей и плоти в брызнувшем фонтане крови. Дым от сторевшего пороха заполнил внутренности кибитки, вызывая слезы и кашель. Выпрыгнув на улицу, на свежий воздух, опустившись своими бурками на тело поверженного разбойника, Карл увидел стоявших наготове разбойников, с тесаками в руках. Сколько их было, он не считал но, как и договаривались, он выстрелил в ближайших мужиков, ничем не отличавшихся от посмевшегося открыть дверцу разбойника. Ещё двое романтиков с большой дороги, увидев фиаско своего промысла на этой самой большой дороге, повалились в снег от метких выстрелов Карла, окрашивая снег вокруг себя в красную кашу. Выхватив шпагу, Карл и пристроившийся к нему по левую руку, Павел, бросились к оставшимся бандитам, готовясь заколоть супостатов. Однако дальнейшие действия разбойников, заставили Карла и Павла немного умерить свой пыл. Оставшиеся два мужика, упали на колени и, сорвав с головы шапки, заголосили грубыми голосами, срываясь чуть ли не на скулёж. – Пощади барин, не душегубы мы, бес попутал на разбой идти. – заголосил рябой мужик.

- Это всё Васька, кузнец наш, - тыкая рукой с зажатой в пальцах руке, на труп самого первого убитого указал второй мужик. – Это он нас подбил, говорил, змей, что запугаем ямщика, мешки государевы выпотрошим, деньги возьмём, да и отпустим его с миром.

- Ну что ироды рода человеческого, - приложив к горлу рябого мужику шпагу, прошипел Павел, - три грешника на вашей совести. Сами себе приговор подписали, дурни.

- Не погуби барин, жрать то, совсем нечего в деревне, неурожай у нас, управляющий скотина, всё выгреб из подпола, а на отхожий промысел не отпускает, пока недоимки не отдадим, вот и пошли мы на дорогу. Мы же никого и пальцем не тронули, так ямщику оплеуху отвесили. – Заныл о своей жизни рябой.

- Ага, и с тесаком на православных полез, тоже от недоимок, - перебил мужика Павел.

- Это всё Васька кузнец, а нас так, только ножички, хлебушек порезать, да по хозяйству, - простонал второй мужик.

- А ну ка, душегубы убирайте ель с дороги, ишь чего выдумали, - раздавая пинков пленным, Артемий повёл их под прицелом убирать поваленное дерево.

- Надо становому пристава сообщить, про разбой, - авторитетно заявил Артемий, после того как мужики освободили путь, - пусть разбирается с этими головорезами.

- Да, надо властям сообщить, про смертоубийство, - подтвердил Павел.

- Далеко ли до города нам осталось? – Поинтересовался Карл. Однако, закончить свой вопрос, он не смог, почувствовав тошноту. К горлу, подкатил из нутра организма ком, а потом из него, прямо на снег, возле тел убелённых им же разбойников, вылетел его завтрак и лёгкий перекус, съеденный в дороге. – Шайзе, - отплевался Карл и утёрся снегом. Убил человека он в первый раз в жизни, одно утешение для его совести, что он защищался от нападения.

- Такое бывает с непривычки, на вот хлебни маленько, - и Артемий, протянул Карлу флягу с вином.

- Верст пятнадцать, ваше благородие, - раздался из сугроба с противоположной стороны обочины, голос Ивана.

- А ты каналья, почто не стрелял, у тебя же мушкет есть? – Задал вопрос ямщику Артемий, убирая ополовиненную Карлом флягу.

- Дык, ваше благородие, мне энтот супостат, как мне по уху треснул, так я и слетел с козел-то, даже вякнуть не успел, только вас успел предупредить, - потирая ставшую синеть щёку проговорил ямщик.

- Предупредил, предупредил, - передразнил его Павел, пряча шпагу в ножны.

- Ну и куда их теперь девать, душегубов? – Спросил Карл, тоже пряча свою шпагу в ножны.

- На съезжую их надо отвезти, - выдал умную мысль Иван.

- Да где тут твоя съезжая? – Сплюнул в сердцах Артемий.

- Да как где, в городе конечно, в Ямбурге, мы туда как раз и должны приехать, - уточнил Иван.

Вечером этого же дня, городской, стоявший у въезда в город, в прямом смысле ошеломлен от увиденной апокалиптической картины, представившейся его бдительному взору. К городской заставе, медленно из темноты, подъезжала Почтовая кибитка, к крыше которой привязаны три замёрзших трупа, чьи одеревеневшие конечности, били по стенкам в такт хода лошадей. За ней медленно ехали два всадника, почти как мертвецы с включенными бородами, припорошенные снегом. Молчаливые всадники, сидевшие в седлах, были привязанные к седлам своих лошадей. А лошади в свою очередь плелись привязанные за кибиткой. Прямо экипаж нечистого на полозьях, а не государева почтовая кибитка.

- Свят, свят, свят, изыди нечистая, - перекрестился караульный у шлагбаума, выпучив глаза на пришествие темных сил.

- Что уставился служивый, давай старшего сюда зови и пристава высвистывай, вам душегубов с большой дороги привезли, - раздался из открытой дверцы суровый командирский голос Павла.

Спать Карл отправился только после полуночи, когда, нижние полицейские чины, составили опросные листы, по прошедшим событиям.

- Что с мужиками то будет? - Поинтересовался барон у пристава.

- Да ничего особенного, сначала в крепость их на хлеб и воду, а через неделю суд определяет их на каторгу лет на десять, делов-то. – Ответствовал пристав. – А что у вас в Германии, за такие дела, как наказывают? – Поинтересовался полицейский.

- Да, в общем-то, и ничего особенного. Вешают, без суда и дознания, прямо на месте нападения на ближайшем суку.

- Сурово там у вас.

- Так уже, наверное, лет сто никто не нападает. Всех ещё дедушка нашего герцога перевешал, а больше охотников и нет с тех пор. Ордунг! – Произнёс Карл с поднятым вверх указательным пальцем.

- Ааа, тогда понятно. – Понятливо кивнул головой, полицейский пристав города Ямбурга.

- Ну что господа, пора прощаться, до дома нам с Алексеем тут совсем ничего, а вам господин барон, я предлагаю переночевать у нас, а поутру, вы займётесь своими делами. – Обратился Артемий к попутчикам.

- Честь имею господа, - отдал воинское приветствие своим, уже друзьям, Павел. - Я ведь служу в лейб-гвардии Семеновском полку, так что в случае чего, всегда меня можете меня найти в трактире «У Капеллана», что в Семенцах.

Раскланявшись и обнявшись на прощание, бывшие попутчики, а ныне друзья, которые пережили два нападения, и удачно отбившись, к своему прибытку, разъехались по своим квартирам. Кроме Карла, который был приглашен в гости к Пыжикову с Чижиковым на ночлег.

Жили дядя с племянником на окраине города, на Преображенской улице, где недалеко от их дома располагались казармы Преображенского полка. До службы идти полчаса нормальным шагом, так что их квартира в доходном доме, была удобна во всех отношениях. Две комнаты на третьем этаже, в сером здании, парадная лестница с отшлифованными перилами, что, по мнению Карла вполне себе походила на черную лестницу замка не только герцога, но и его собственного. Но как говорится, дарёному коню в зубы не смотрят. Вот своих лошадок, одна из которых подарок, барон определил в конюшню, пристроенную на задках дома, всего то за десять копеек за ночь.

Надо отметить, что квартира имела ещё и кухню с голландской печкой, на которой можно было готовить, если уж совсем, местные трактиры надоедят. На кухне кроме стола и трёх стульев стоял небольшой диванчик, на котором можно было бы прекрасно переночевать. Но Артемий сразу определил, так как Карл парень не маленький, спать он будет на кровати Алексея, а Алексей, как радушный хозяин, может и на диванчике поспать. Ему не впервой принимать гостей, благо завтра на службу в коллегии и не надо, воскресенье всё же. А вот другу Карлу, надо будет поспешать во дворец, ибо дело его важное и государственное.

Перекусив на ночь, чаем и тем, что Бог послал, Карл за многие дни пути уснул, с чувством практически выполненного долга, однако осталась одна маленькая деталь, которую он на свежую голову и решит. А сейчас, отбой корнету гвардии герцога Карла. Утро вечера мудренее.

- Артемий, дружище, подскажи, пожалуйста, где я могу в баню сходить, - поинтересовался утром воскресного дня Карл уплетая, яичницу с салом.

Надо отметить, что яйца были куплены Алексеем утром, сразу дюжину. Сало же было баронским, нарезанное на сковородку и отдельно на хлеб к чаю. Скромно, сытно и вкусно, и всё на одной сковородке, стоявшей посередине стола. Двое государственных людей и гость столицы, уплетали яичницу, махая вилками и наплевав на этикет, уничтожили кулинарное творение Алексея, а потом все вместе долизали сковородку кусочками хлеба. Всё чинно и благородно, как и положено в лучших домах Санкт Петербурга.

- В баню дорогой Карл, в России матушке, издревле ходят по субботам. Но я так думаю, что для тебя будет сделано исключение. Всё равно, сейчас весь город на утренней службе. Так что попробуем договориться. А то действительно негоже во дворец немывтым заявляться, и не дай Боже с блохами какими под мышками. – Поучал специалист по налогам и сборам молодого корнета.

В соседнем дворе, такого же доходного дома, но для унтеров Преображенского полка, быстро пошли на встречу молоденькому, но всё же офицеру, и через час Карл парился в бане со своими друзьями, получая удовольствие от веников и ушатов холодной воды на голову, остужая свое молодое и крепкое тело.

Ближе к обеду, на который он не стал оставаться, ибо рассчитывал трапезничать при дворе и не салом с чаем. Корнет вывел своих лошадок, вскочил в седло отдохнувшего Графа и не торопясь потрусил в сторону набережной Невы, где по утверждению друзей и была его цель столь длинного и опасного путешествия.

Ехать ему предстояло, по уверению Артемия не долго, по Гороховой улице, аж до самого конца, а там справа и будет Зимний дворец, конец его пути.

- Карл, прошу тебя, не иди во дворец со стороны набережной, там только для очень высоких господ, ты лучше со стороны Гороховой на пост подъезжай, там тебя и пропустят, - наставлял Артемий.

Под колокольный перезвон, возвещающий об окончании воскресной службы, под изредка проклюнувшиеся солнечные лучи, сквозь свинцовые балтийские тучи, к месту службы ехал, гордо восседая на Графе, барон Мюнхгаузен. Его рыжая Графиня, как и положено даме, на полкорпуса ехала позади Графа, как всегда флегматично посматривая по сторонам.

На высоком статном гнедом жеребце, с белой проточиной на морде, Карл гордо восседал и рассматривал город и жителей, которые в свою очередь с интересом глазели на него и его лошадок. Взор молодого офицера был немного суров, но в уголках губ не скрывалась ухмылка. Высокие ботфорты плотно обжимали бока Графа, белые лосины были прикрыты офицерским чёрным плащом на «рыбьем меху». Плащи спускаясь как водопад с широких плеч Карла, спускался вниз, частично прикрывая круп коня. Свой бело-зеленый мундир, он полностью укрыл этим плащом, ибо на улице был далека не май месяц, а начало февраля. Ну никак барон не мог упустить возможность пощеголять своей треуголкой, с тонким золотым галуном и красным плюмажем, специально им прикрепленным перед самым выездом с конюшни. Молодые девушки, в сопровождении мамаш и сестёр, скромно улыбались молодому человеку, а Карл, в свою очередь подмигивал им, но так, что бы старшие члены семьи этого не заметили. Шаловливая молодость в форме, всегда интересовала молодых девушек, да и не только молодых, особенно из проезжавших мимо карет. Город жил своей жизнью не до конца разговевшись после поста и праздников. Снег лежал на мостовой тонким слоем, иногда на углах переулков виднелись сугробы, накиданные от дверей лавок и трактиров, которые ещё не успели вывезти. Уже во всю работали лавки и трактиры, возле которых уже собирались жители, в основном мужского пола, полицейские чины деловито осматривали свои участки, здороваясь с подопечными жителями. Некоторые счастливики из полицейских, с хороших чистых кварталов, не стеснясь, получали воскресный рубль от зажиточных жителей в знак уважения, столь трудной службы, ну и праздника естественно. Мальчишки, приодетые по случаю воскресной службы, в праздничные одежды, уставшие стоять на церковной службе, носились с весёлыми криками по улице, шныряя между прохожими. И тут же получая вдогонку, лёгкие подзатыльники, от которых у некоторых слетали шапки, а вдогонку, им сыпались ещё и кары небесные, от богобоязненных старушек, только что вышедших из храма. Всё как в Германии, только размах действия более широкий, как всё в России.

На улице было много военных, как рядовых чинов, так и офицеров, так же вышедших с воскресной службы. Если рядовые и унтеры отдавали честь Карлу, то офицеры только кивали,

но у Карла рука бы не отсохла отдавать честь офицерскому сословию, вполне вероятно кто-то мог быть в будущем его командиром или сослуживцем. Это в Ганновере, его знала вся герцогская гвардия как облупленного, но тут, в Санкт Петербурге, его знал только Антон, проживающий со своей невестой Анной в Зимнем дворце, на правах жениха.

Так рассматривая маленькую часть города, Карл прибыл к окончанию своего путешествия, повернув вправо к тыловой части дворца, который он сразу же узнал по описанию Артемия. На заднем дворе дворца, обнесённого невысокой чугунной оградой стояли несколько строений и ворота с полосатой караульной будкой, возле которой дежурили два солдата и судя по всему фельдфебель, пожилой солдат с бакенбардами и лихо закрученными усами. Этот караул открывал и закрывал ворота, экипажам и каретам, время от времени, проезжавших во дворец или выезжавших из него. Некоторым каретам, караульные отдавали воинское приветствие, вытягиваясь по стойке смирно.

Вот к этому фельдфебелю и направил своего Графа Карл.

- Позови ка любезный своего офицера – обратился Карл к караульному.

Караульный солдат, достал из-под епанчи свисток и три раза свистнул в него. Буквально через минуту из теплой караулки вышел высокий офицер в зеленом камзоле, не смотря на холодок.

- Помощник Начальника дворцового караула, подпоручик Герст. Что вам угодно сударь, - представился офицер.

- Барон Карл Мюнхгаузен, посланник герцога Карла Брауншвейгского прибыл по приглашению его светлости герцога Антона Ульриха Брауншвейгского. Вот моя подорожная, прошу, - Карл передал в руки подпоручика документ и отдал честь, не слезая с коня.

Подпоручик Герст, не стал изучать документы на улице, а взяв их у Карла, вернулся в караульное помещение, откуда уже через две минуты выбежал солдатик вестовой, и побежал в сторону ближайшей двери дворца.

Ещё через пять минут, запыхавшийся солдатик вернулся в караулку.

- Дружище! Карл! Как же я ждал тебя, - Антон крепко обнял Карла, постучал его по спине, расцеловал в обе щёки, слегка прослезился, а потом легонько приложил кулаком в грудь барона. – Как же ты вырос дружище, уже выше меня. А поживешь тут и выше замковой башни будешь. Как мне тебя не хватало. Ты же помнишь Дитриха и Симона, которые уехали со мной, так вот погибли они в прошлогоднюю компанию, - Антон перекрестился на лютеранский манер и быстро прошептал молитву, - У меня теперь нет ни одного пажа из Германии. Как ты во время дружище. Теперь с твоим приездом у меня хоть будет с кем поговорить, кому довериться. Я же тут практически один. Ладно, Карл, об этом мы с тобой потом поговорим. А пока, пойдём, перекусим с дорожки.

Да, практически за пять лет, что они не виделись, оба изменились, и оба в лучшую сторону. Карл стал выше Антона практически на целую голову, хоть и был младше Антона на пять лет. А вот Антон, не только подрос, но и стал стройнее. Когда он приехал в Санкт Петербург, он был немного полноватым, с добрым юношеским лицом, с пухлыми губами. Но за время жизни при дворе, он вытянулся, стал шире в кости, и вид имел, если не атлетический, но очень близко к тому. Крепкие мускулы, широкая спина, это были плоды его занятия атлетикой и воинскими упражнениями. Постоянное посещение манежа, фехтование и стрельба не только изменили его тело, но и дух. И эти изменения отразились на его лице, пропала припухлость в щеках, черты лица заострились, взгляд стал строже, но вот припухлость в губах никуда не исчезла, что делало его лицо привлекательным особенно для женщин, искушенных в различных амурах. А ещё он будучи при дворе, увлёкся охотой, что несомненно повлияло на его мировоззрение. Но что бы быть настоящим охотником, надо крепко сидеть в седле, иметь крепкие нервы и руки, а ещё знать повадки зверей. Благо при дворе было много специалистов в этом деле, так он ещё и сам постигал теоретическую часть в библиотеке дворца, а практическую в полях и лесах губернии.

Его невеста Анна Леопольдовна, увидев Антона впервые и фыркнув, сообщила своим фрейлинам, что этот мальчик увалень, и ничего интересного в нём нет. А этот увалень за несколько лет превратил сам себя во вполне интересного мужчину, да к тому же ещё и очень умного, так как по его просьбе, императрица Анна Иоанновна выделила ему учителей по наукам, которые отмечали его острый ум и проницательность.

Карл с Антоном проходили через анфиладу комнат и залом дворца, украшенных гобеленами, картинами, статуэтками античных героев, но в основном, конечно же, героинь, соблазнительно бесстыжих, представлявшие на обозрение свои округлые женские прелести. По этим залам и коридорам Карл был приведён в покои Антона, а точнее в его кабинет. - Придётся изучать эти лабиринты, иначе тут можно и заблудиться, - подумал Карл, пока когда шёл в кабинет Антона. А теперь он в этом ещё раз убедился, представляя как просто можно заплутать, тут, во дворце.

- Тут есть комната для адъютантов и посыльных, тебе надлежит находиться там. Это по правилам дворца. Но так получилось Карл, что ты мне нужен всегда. Поэтому по утрам ты будешь приходить во дворец и ждать меня возле кабинета, но я попробую организовать тебе небольшую комнатку недалеко от моих покоев. Чтобы ты мог переночевать во дворце, мало ли ты мне понадобишься среди ночи.

- Среди ночи?

- Карл, я тут никому не доверяю, все следят за всеми, пишут доносы и рапорта, все пытаются сместить друг друга, ради места в свите или места при дворе. Стронников у меня тут практически нет, но кое-то входит в мою партию, и ты теперь тоже Карл.

- Антон, какая партия? Ты же мне как брат старший, я тут и нахожусь, что бы ты жил как в семье.

- Я знал Карл, всегда знал, что ты хоть и младший брат, но всегда прикроешь мне спину.

- Антон, это даже не обсуждается.

- А вот и моя гостиная Карл, сейчас ты узнаешь, что такое русское хлебосольное гостеприимство.

Карл только ухмыльнулся словам Антона, что такое русское гостеприимство он ощутил на себе в полном объёме ещё по дороге в столицу.

Стол уже был накрыт, но удивился Карл только, разнообразию еды выставленной на широком и длинном столе. К её обилию он уже привык, пока ехал в столицу. Обед проходил скромно и со вкусом. Карл не стесняясь, попытался наложить себе мяса и дичи, но был очень корректно предупреждён лакеем, стоявшим за его спиной, лёгким покашливанием.

- Что изволите ваше благородие? Вы только вилочкой покажите, ежели вам будет трудно назвать блюдо. – Раздался за спиной голос лакея в ливрее, мужчины среднего возраста.

- Да всего по немножко, пожалуй, начиная с кабанчика и уточки, - сделал заказ глотая слюнки Карл. – И немного вина красного.

- Сухого или сладкого? – Уточнил лакей.

- Сухого вина налейте уважаемый, но только один бокал, будь любезен, - уточнил Карл.

Разговор двух друзей продолжился в кабинете Антона.

- Я тебе привез письмо от брата и матушки, Антон. Вот оно. – И Карл вытащил из-за пазухи мундира, толстый помятый конверт, опечатанный печатью его светлости герцога Карла. Как и приказал твой брат, передаю его тебе из рук в руки.

Антон, сидя за письменным столом, красного дерева, размерами не меньше чем столовый стол в гостиной, долго читал письмо из дома, потом снова его перечитал, сделал какие-то пометки пером прямо на письме, потом немного посидел молча глядя в окно, после чего встал, подошёл к камину и бросил письмо в огонь. Дождался, когда огонь полностью поглотит бумагу, пошуровал кочергой пепел бумаги в углях, убедившись, что письмо окончательно исчезло и, повернувшись к удивлённому Карлу, печально произнёс, - Вот так-то Карл, тут никому нельзя

доверять. Если бы я его не сжег, вполне вероятно, завтра бы его читал бы начальник Тайной канцелярии.

- Что, Антон, так всё плохо?

- Ну не так всё и плохо, у меня тоже есть сторонники, но их мало. После прошлогодней компании с Турками, у меня появилось много знакомых из числа офицеров гвардейских полков, с которыми мы турка били. Ты с ними ещё познакомишься, но пока самый близкий для меня это ты, Карл. Кстати, вот тебе немного денег на житьё в столице, - Антон достал из письменного стола кошель с серебром и золотом, и перекинул его Карлу, который тот ловко поймал одной рукой и взвесил на ладони.

- Ого, да тут немало будет, Антон.

- Так и расходы тебе предстоят тоже немаленькие, тебе надо новую форму пошить, квартиру снять, недалеко от дворца. Конечно, трапезничать будешь только со мной, здесь во дворце. Ещё со временем, запишем тебя, в какой ни будь полк, что бы ты мог получать жалование из казны как офицер. Ах да, тебе надо будет присвоить воинское звание, а то корнет, это даже для России слишком мало. А для двора, так и вообще, что-то на вроде принеси, подай, пошёл вон. На сегодня у меня ещё дела Карл, а завтра к десяти утра приезжай во дворец, пропуск у тебя будет постоянный, а сегодня найди квартиру и обустраивайся в городе. Дворецкий проводит тебя, а завтра мы с тобой обо всём поговорим.

- Как скажешь Антон, всё сделаю, но хотелось бы и на ужин попасть, уж больно вкусно во дворце готовят.

- Не сегодня Карл, вот представлю тебя двору и свите её величества, так и будешь со мной трапезничать с утра до вечера, хоть на кухне живи. Мой маленький обжора.

Вечером того же воскресного дня, начальник тайной канцелярии граф Андрей Иванович Ушаков, слушал доклад своего агента, о том, что к Антону Ульриху, прибыл посланник от герцога Карла, барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен. Как удалось установить, сей молодой человек, прибыл в свиту Антона Ульриха в качестве пажа, взамен двух погибших в летней компании, 1837 года. Они вместе, пообедали, после чего уединились в кабинете, где вели беседу на немецком языке, при этом, Мюнхгаузен передал письмо принцу Антону, а тот по прочтении оногo письма, уничтожил письмо в камине, после чего отпустил его из дворца на устройство личных дел.

- Да уж, надо будет присмотреться к этому барону, уж больно они близки между собой. Это может помешать подвести к Антону своего человека, или сразу двух. – Думал очередную думу, после доклада Андрей Иванович. Взяв письменный доклад своего агента, он положил его в папку с тесёмками и не стал убирать в шкаф, а положил в стол. Чтобы всегда, новая папка была под рукой, а то мало ли.

Тем временем, года граф Ушаков интересовался Карлом, сам новый житель города Санкт Петербурга, обустроивал себе свое новое жилище.

После разговора с Антоном, он был проведён лакеем коридорами дворца на крыльцо, что было в левом крыле дворца. Выйдя на улицу, он обратил внимание, что его лошадки прижавшись, друг к другу, мирно жевали овёс из подвешенных к их мордам торб. Один из караульных стряхивал веником с их спин снег и лопатой убирал свежие яблоки его лошадок. Поблагодарив за заботу караульного, Карл запрыгнул в седло и пшагом поехал к воротам, где подпоручик Герст, сделал запись в журнале посетителей дворца ; «Корнет Мюнххаузен, посланник герцога Карла, прибыл в час по полудни, отбыл в три часа, при двух конях». Подпоручику Герсту Андрею, не сложно было писать на русском языке, ибо он был из второго поколения служивых воинских людей, пришедших в русскую армию, ещё во времена императора Петра первого из Пруссии. Но с Карлом он говорил всё же на русском языке, хоть и прекрасно знал родной хохдойч. Однако на службе, положено говорить на русском языке, а на родном немецком, они

ещё поговорят, постоянный пропуск на Карла Мюнхгаузена лежал перед ним, и его следовало занести в особую книгу посетителей – постоянных.

Выбрать квартиру Карлу следовало недалеко от дворца, но не дорого, хоть он и снабжён очень приличными деньгами. Природная внутренняя экономность, не давала Карлу обратиться к любому человеку, его могли бы и обмануть, обсчитать, а он в городе никого не знает, кроме Пыжикова. Может вернуться к нему, вдруг он поможет, чай теперь они не чужие люди. Пустив коня рысью, по уже знакомой улице Гороховой, Карл поехал в то место города, откуда и приехал, но уже просто за помощью.

- Карл! Тебя не приняли во дворец, - удивился Артемий, увидев Карла на пороге своего дома.

- Да нет Артемий, всё в порядке, приняли, накормили, даже кабинет выделили, на службу к десяти утра теперь ходить буду, прямо как и ты с Алексеем. – И Карл рассказал ему о том, что ему надо снять себе квартирку или дом, недалеко от дворца и желательно не дорого.

Вот хорошо иметь друзей, как говорит Артемий – «Не имей сто рублей, а имей сто рублей», - мысленно рассуждал Карл обустраиваясь в новом доме на набережной Фонтанке в доме под номером два.

Выслушав о нуждах молодого немецкого друга, многоопытный Артемий предложил посмотреть дом его коллеги по департаменту, переведенному в Москву. Вопросами с домом решал управляющий, живущий в соседнем доме, куда и направились товарищи, восседая на лошадках.

Управляющий обрадовался новому жильцу с рекомендациями, и недолго думая, снял с себя бремя заботы о доме, всего за пять рублей в месяц, в придачу с конюхом и кухаркой, всего за три рубля в месяц. Посчитав наличные деньги, с помощью Артемия, он был приятно удивлён тем фактом, что в кошеле находились средства, почти на год жизни в этом доме. Если так дальше и пойдут дела, то он со временем сможет прикупить себе и домик по больше и нанять служанку по моложе.

Домик ему достался, конечно же не по чину, вот майору в самый раз, а молодому корнету, не по средствам, но репутацию Карла спасло наличие начальства в виде принца Антона и солидные денежные средства. Дом был о двух этажах, с конюшней и сараем, а главное со своим колодцем и небольшой банькой. Комнаты Карла как хозяина, были на втором этаже, а на первом жила прислуга, располагалась небольшая кухня со столовой и с прихожей. Второй этаж, спальня, с окнами в тихий дворик и видами на церковь и беседку во дворе. Небольшой кабинет, и гостиная комната со столом на шесть персон с комодом, парой кресел и зеркала в половину роста человека. Окна выходили на набережную и с видом на Летний дворец. Очень хорошее место, до места службы рукой подать.

Как оказалось, кухарка и конюх, пожилые муж и жена, служившие ещё при старом хозяине с момента постройки дома после пожара, когда выгорело половина города. Вот теперь они обрели нового хозяина, хоть временно, но зато молодого, и к тому же при дворе. Вот будет-то пересудов на рынке с торговками.

Разгрузив свои пожитки и баулы, Карл с Артемием решили поужинать в новом доме и «Обмыть углы», как пояснил Артемий, что это русская традиция. Выдав конюху Федору рубль на покупки, его отправили в ближайшую лавку за закусками и вином. Кухарка Авдотья же, пошла ставить самовар, и готовить небольшой ужин из покупок Федора. Рассевшись за столом в гостиной, Карл и Артемий выпили по бокалу вина и закусили его свежей бужениной. После чего, вместе принялись более детально осматривать дом, где на первом этаже обнаружили в кладовке много полезных для хозяйства предметов в том числе и две удочки с леской из конского волоса.

Потом они провели Графа и Графиню, уже обихоженных, и ужинающих свежим овсом.

- А жизнь то удалась, Карл. Вон как тебе фартит. И в дороге от волков отбилась, и от бандитов. Чуть не замерз в лесу, а вот теперь ты живешь в доме с прислугой, с жалованием от двора и будешь каждый день видеть императрицу.

- Всё это конечно замечательно Артемий, но думается мне, что недругов я заведу быстрее, чем друзей. Кто я в их глазах? Просто пришлый выскочка, тут надо держать ухо в остро.

- Да Карл ты прав. Ну, давай ещё по бокалу, а то завтра на службу и тебе и мне.

Вторую ночь в Санкт-Петербурге, Карл провёл в собственной постели, под пуховым одеялом с надеждами на светлое будущее. Заснул он немного поворочавшись, привыкая в соломенному матрасу. Но вот проснулся он не от петухов как в Изборске, а от колокольного звона, призывавшего прихожан на утреннюю службу ровно в семь утра. Спрыгнув в одних кальсонах на холодный пол, молодой барон запрыгнул в валенки и побежал до ветру. Сделав свои дела, он, взяв уже в привычку, обтирание утренним снегом, схватив руками снег, и вскрикнув от холода, так громко, что окрестные вороны закаркали, ругая нарушителя патриархальной тишины. Лошадки, тоже поприветствовали его ржанием и захрумкали сеном. Город отходил от сна и готовился к новому дню.

- Что вы делаете? Ваше благородие, вы же замерзните. – Упрекнул Карла Федор, увидев его утреннее обтирание снегом, а по его мнению самоистязание.

- Эх, Фёдор, Фёдор, в жизни должно быть место подвигу. Вот я каждый раз пересиливаю себя и таким образом закаляю организм.

- Это по утрам-то, подвиг, барин?

- Утром самое время для подвига, Фёдор. Совершил что-то героическое утром и весь день свободен, занимайся делами насущными. А сейчас переодеться и завтракать, а ты кобылку приготовь, надо Графиню выгулять.

Поднявшись в свою комнату, Карл переоделся в отглаженную с вечера форму, после чего прошёл в кабинет и, усевшись за стол, взял перо, что осталось от прежнего хозяина и обмакнув его в чернильницу сделал запись в своём дневнике, который он не вёл с тех пор как только въехал в Россию. Этот дневник посоветовал ему вести герцог, объясняя это тем, что потом, он в старости сможет перечитывать свои воспоминания, да и для истории герцогства это полезное занятие. Всё-таки он будущий военный и иногда надо обращаться к своим записям. Ведь, как известно, что повторение это мать учения. Вот с некоторых пор барон вёл дневник, куда записывал интересные события из своей жизни.

«Вот я наконец доехал до Санкт-Петербурга, испытал по дороге все мыслимые и немыслимые радости и невзгоды. Россия, это страна, которая не имеет начала и конца, за то время пока я ехал от Риги до столицы, я бы, наверное проехал два раза всю Германию. Вся страна засыпана снегом по самую макушку, им можно торговать с жаркими странами. Ведут войну с Турками, которым, наверное, в стране снега не хватает.

Я чуть было не замерз на лесной дороге, меня чуть не съели огромные волки, меня хотели ограбить разбойники. Я получил в подарок отличного коня. В Изборске я познал радости жизни, и не только в бане. В Пскове я прожил почти две недели у незнакомого мне поручика Поддубного, который принял меня как родного. Судьба посылает мне испытания, а потом компенсирует все невзгоды знакомством с душевными людьми, которые плечом к плечу помогают отбиться от разбойников, а впоследствии, мы едим из одного котла и делимся салом и хлебом, как солдаты в походе.

Вчера я убедился, что я действительно нужен Антону, он тут практически один и скучает по родине.

Сегодня я иду на службу во дворец в первый раз. Что день грядущий мне готовит? Надеюсь, всё будет хорошо. Итак, я приехал покорять Санкт-Петербург, как Д'Артаньян Париж. И всё у меня будет просто замечательно. Клянусь своей треуголкой»

Не торопясь, позавтракав, Карл придирчиво осмотрел себя в зеркале, поправил свою треуголку и вышел во двор. Графиня ожидала его, помахивая хвостом и переминаясь с ноги на ногу в нетерпении перед поездкой. Ей самой хотелось размяться по утренней дорожке. В кои то веке, ей достался молодой и добрый хозяин, не охаживающий её круп плеткой.

Оседлав лошадку, Карл поскакал в сторону Зимнего дворца. К месту своей новой службы, до которой он добирался практически полтора месяца.

Глава 5

5. Взгляд императрицы.

Сидя на роскошном диване, у кабинета Антона, в правом крыле дворца, в ожидании его появления, или хотя бы каких либо распоряжений на свой счёт, молодой паж, с интересом рассматривал окружающую обстановку, и пришел к выводу, что в замке герцога, всё-таки немного аскетичнее. Тут же во дворце, куда ни кинь взгляд, везде стояла мягкая мебель, тяжелые бардовые портьеры с кистями, прикрывали большие окна, на стенах висели картины в дорогих золочёных рамах, одноногие столики, стоявшие по углам, составляли дорогой интерьер дворца. Но особо он отметил паркет, блестящий в лучах солнца пробивающихся между портьер и отражающихся от паркета зайчиками на стене.

«Ну, конечно же, в России столько леса, что паркетом можно не только дворец устелить, но и все улицы в Санкт-Петербурге» - Думал экономный Карл, шаркая по полу носком ботфорта, выясняя, на сколько, этот паркет скользкий. Сегодня, лакей вёл его по дворцу к месту службы, к кабинету Антона, аккуратно ступая своими туфлями по натёртому до блеска паркету. Карл, в свою очередь, следуя за ним, пару раз чуть не поскользнулся на поворотах, что вызывала только ухмылку у провожатого.

- Ваше благородие, будьте осторожны, а то со стороны кажется, что вы как корова на льду. – Посетовал Карлу лакей.

- Ничего страшного, лучше так, как корова, чем как слон в посудной лавке, я же не придворный шаркун по паркету, - не полез за словом в карман Карл.

Кроме Карла, перед кабинетом, вертелось ещё несколько человек, которые не стремились знакомиться с молодым человеком, собираясь небольшими группками. Часть из них были в форме, а часть в гражданском платье, но из дорогих тканей, в которых могли щеголять в Германии только очень состоятельные дворяне. Практически у всех на голове были одеты парики, густо посыпанные пудрой. Мысленно Карл усмехнулся, что молодые вроде бы люди, носят парики. Но что они могут скрывать под париками? Лысины, так ещё вроде бы рановато. Вероятнее всего, сей модный аксессуар не даёт умным мыслям и идеям из головы, вырваться наружу и тревожить высокие особы. А может и наоборот, служит щитом от чужих умных мыслей, чтобы они не тревожили умную головушку. А так в одно ухо влетело, в другое вылетело, не задержалось в голове, ну и замечательно. Вот такая вот придворная стратегия мышления. Сам же Карл парика не носил, ибо имел волосы густые, вьющиеся, почти до плеч, притягивая женские взгляды.

Ровно в десять утра, двери кабинета открылись, и важный лакей, вышедший в коридор, важно провозгласил, - Карла Мюнхгаузена просят пройти к его сиятельству. – Тут же образовалась тишина, и все присутствующие перестали что-то обсуждать и обратили свои взгляды на вставшего и готового войти в кабинет Карла. Обычно этот лакей приглашал всех сразу пройти к принцу, и они галдящей толпой, стараясь пролезть первыми, втискивались в дверной проём. Где в покоях Антона уже стоял накрытый небольшой стол с закусками и вином, специально для свиты, которая, могла перекусить с его сиятельством.

- Проходи Карл, если хочешь, можешь немного перекусить, - Показал на отдельный столик Антон.

- Спасибо, но меня сегодня утром моя кухарка кашей накормила и яичницей, так что я пока воздержусь.

- Сегодня у меня по плану до обеда, посещение манежа и фехтование, и ты составишь мне компанию.

- А кто это в коридоре, твоя свита?

- Это не, сколько свита, сколько присмотр за мной, надеюсь, я хоть сегодня от них отдохну.

Антон позвонил в колокольчик и передал указание своему дворецкому, который материализовался в течении нескольких мгновений. – Передай господам, что я их жду после обеда, а пока они могут заниматься своими делами, и ещё, как только я уеду, пусть перекусят, чем бог послал, - кивнул на столик Антон.

В манеже, который находился недалеко от дворца, они с Антоном сделали несколько кругов, погоняли лошадок через невысокие препятствия, после чего спешили и приготовились к учебному фехтованию, выбрав себе из стойки по затупленной шпаге. В этот момент к ним подошёл, офицер и, отсалютовав им своей шпагой, поприветствовал Антона и Карла.

- А кто этот молодой юноша, ваша светлость, - поинтересовался офицер.

- Знакомьтесь господин поручик, это мой новый паж барон Карл Мюнхгаузен, - представил Карла Антон.

- Поручик лейб-гвардии Семеновского полка, Андрей Владимирович Павленков, с этого момента, Карл, я и ваш учитель фехтования. Отриньте то, чему вас учили раньше, я преподаю боевое применение шпаги, без всяких финтифлюшек и танцевальных придворных вывертов. А сейчас, прошу встать в стойку...

После первого занятия, продолжавшегося более двух часов, у молодого фехтовальщика болели руки и ноги. Предплечья посинели от ударов учебным оружием, которые он пропустил, просто не успевая отбивать удары, наносимые поручиком. После занятия, еле передвигая ноги, он плёлся за Антоном, выглядевшим бодрячком. Взбираясь на Графа, Карл подумал, что он попал в гладиаторскую школу в древнем Риме, так гонял его и Антона по манежу поручик Павленков, постоянно приговаривая, - тяжело в учении, будет легче в бою. Турок ждать не будет. Запомните молодые люди, на войне главное скорость, манёвр и умение. Крути головой во все стороны, ищи врага, маневрируй, бей, когда он не ждет. Вот чему я вас учу с помощью фехтования.

При этом Антон уже проявил себя при взятии Очакова, имел высокие награды и по званию был выше поручика Павленкова, в том же кстати полку. Да и вообще Антон выглядел бодрячком, нисколько не устал, да и по рукам и телу получил во много раз меньше чем Карл, и при этом получил несколько скромных похвал за умение владеть шпагой. В отличии от Карла, прошедшего школу фехтования у старого Фрица в замке герцога, Антон занимается с поручиком уже долгое время и имеет право на похвалу. Для себя барон сделал вывод, что то, чему он учился у Фрица, хорошо для придворного в Европе, но сегодня для него открылись умения выживать в бою с очень умелыми бойцами, цель которых убить его. - Ну уж нет, я ещё молодой, у меня много дел в жизни, надо учиться у поручика, будет что внукам рассказать, кстати.

Ну что же, всё ещё впереди и у него, благо рост и длина рук, плюс молодость, могут сделать из него неплохого рубаку. Впереди ещё тренировки на конях с саблями, развивать умение драться верхом. Корнет он или не корнет, в самом деле?

Так проходили дни за днями, ничего не происходило, Карл с Антоном ездили на манеж, где тренировались с поручиком. Кстати поручик отметил прогресс у Карл, а Карл отметил, что он меньше стал использовать мазь для облегчения боли, которую ему принесла Авдотья. День Карла как пажа, проходил своим чередом, он утром приезжал к Антону, после чего они вдвоем ехали на манеж, а после тренировок, ставших более интенсивными, они возвращались во дворец, где в комнате Карла, уже стоял кувшин и вычурный белый тазик с Амурами, для обмывания. После чего, если не было никаких распоряжений от Антона, он был свободен на все четыре стороны до завтрашнего дня. Но иногда, он получал небольшие распоряжения, что-то куда-то отнести, в основном записки, получить ответ, доставить Антону и опять ждать распоряжений. Но вот обедать он всегда оставался с Антоном. Сразу после манежа и лёгких водных процедур, они с Антоном трапезничали в его столовой, расположенной за одной из две-

рей его кабинета. Но куда же деваться от свиты, которые только и ждали, что бы пообедать с его светлостью. Вот во время обеда, Карл и пришёл к выводу, что свита при принце Антоне, существует для того, что бы передавать различные дворцовые сплетни, под бокал вина. Новости подносились под свиную отбивную, а столичные слухи под десерт. Больше ни для чего свита и не нужна, но без свиты здесь в России, принцу невместно. Русская традиция. Поняв эту самую русскую традицию, Карл тоже решил не отставать от общества и за обедом налегал на еду, благо после тренировок он был голоден как тот волк, что его чуть не загрыз на дороге. За одно, на ужин у себя дома Карл пил только чай из самовара, по старой русской традиции из глубокого блюдечка, слегка подувая на горячий чай и держа блюдец тремя пальцами двух рук. Если чай остывал, или была нужда взять сушку из вазочки, то он держал блюдец уже пятью пальцами одной руки. Вторую руку он использовал для того, чтобы брать сушки из вазочки и макать их в блюдечко и, посасывая запечённый глянцеваый бочок, запивая ароматным чаем и потихоньку грызть их, как его Граф с Графиней, которые тоже полюбили сушки и получали их в качестве вкусняшек.

- Хорошая у меня служба, Авдотья, ничего не делаю, обедать изволю во дворце с принцем и свитой, ужинаю вот чаем с сушками или пирожками, - поведал Авдотье свои впечатления от жизни в столице Карл.

- Слава тебе Господи, Карлуша, - так величала Карла, Авдотья. – Только что-то, много мази ты на себя извёл, не все ещё синяки и ссадины то, сошли от твоих тренировок. Да и бросай ты эти снежные процедуры. Вон меня соседи уже спрашивают, не тронулся ли ты головой, когда каждый день снегом обтираешься. Хорошо, что уже не орешь, а только по матушке кроешь сам себя. Я то, всем говорю, что это у вас в Германии традиция такая, что бы в России не замерзнуть.

- Молодец Авдотья, своего сюзерена надо всегда представлять в лучшем виде.

- Какого ещё «сратюзлена», ты Карлуша, тут умными иноземными словами не выражайся, я женщина тёмная и иноземных языков не ведаю. Фирштейн?

- С такими темными навыками, ты скоро на немецком заговоришь. Вот дед Федор то, уже – «доннер ветер» ляпнул, когда дрова для печки рассыпал на пороге. – Ухмыльнулся Карл знаниям прислуги немецкого языка.

- С кем поведёшься, от того и наберёшься, Карлуша. Доедай пирожок и марш спать, завтра тебе опять с утра снегом обтираться.

«Хороший мне барин достался, молодой красивый, а главное умный. По-русски говорит, правда как немец со слободы, но вот ругается он по-русски, как наши.» - Думала Авдотья, засыпая под боком у храпящего Федора.

Её Императорское величество, императрица Анна Иоанновна, слушала доклад графа Ушакова о делах в империи и в столице. Заговоров против неё и её фаворита Эрнста, не было, или не нашли пока, в губерниях же, относительно спокойно. Так, иногда мужики с голодухи, выходят на большую дорогу, но их быстро находят и в кандалы. Но это дела их господ, а не её величества.

- Повтори Андрей Иванович, что-то я задумалась, про разбой на почтовом тракте в столицу.

- Имеется факт разбоя и душегубства, Ваше величество. Примерно месяц назад, в полицейский участок Ямбурга, были доставлены два разбойника из местных крепостных. При дознании было выяснено, что они занимались разбоем на тракте несколько раз, имелись даже и факты смертоубийства. Всё тщательно проверили и нашли тела убиенных. Нашли так же и казну шайки. Есть подозрения, что их помещик и отправлял их вместо отхожего промысла, на промысел на большой дороге, от того и денег в казне шайки то и не было совсем.

- А как же главарь молчит, что ли?

- Молчит матушка, молчит и ничего не говорит. Его уже убитым доставили в город, только двое выжили, вот они и говорят всё как есть на духу.

- Молодцы Ямбуржские, шайку выловили и под суд, наградить бы по твоей линии, как считаешь Андрей Иванович.

- Так это и не они выловили, матушка, они только дознание провели со всей строгостью.

- А кто же их шайку то разгромил и доставил в участок?

- Вы не поверите матушка, это новый паж принца Антона, Семёновский поручик отпуски и два чиновника из Санкт-Петербурга.

- Ладно, гвардеец, он присягу давал, но паж, и два чиновника живота не жалея шайку разгромили, да двоих в полон взяли? Это надо отметить, как считаешь, Андрей Иванович.

- В основном это гвардеец Ершов и паж принца - барон Мюнхгаузен, из пистолетов стреляли и шпагами махали, а чиновники на подхвате были.

- Вот и наградить их надо, за сей подвиг. Чиновникам на ранг выше с премией в пять рублей, а вот офицеру и пажу, по табакерке с моим портретом и по двадцать рублей премии. Кстати, а как там этот паж службу несёт, что тебе известно.

- Да матушка, приходит сей отрок с утра, позавтракает, чем бог послал в гостиную у принца, как и все, а после с Антоном на манеж фехтовать и на лошадаках барьеры брать. Ни с кем не общается, после обеда домой на Фонтанку, где читает книги, чай пьёт с баранками, да и ругается по-русски. Иногда на прогулки ездит в немецкую слободу, в кирху там ходит по воскресеньям. Иногда в пивной там кружку выпьет и дальше гулять. Пока вот даже слухов о нём в Свете нет. Хотя вот интересная информация имеется. Он матушка по утрам снегом обтирается, раньше кричал на всю улицу, а теперь тихо материться.

- А зачем ему снегом обтираться?

- Говорит, что он утром подвиг совершает, а потом весь день свободен.

- Сколько ему лет то? Звание, имеет какое?

- Скоро восемнадцать будет, матушка. И звания он небольшого, всего лишь корнет гвардии герцога Карла.

- Посмотри, может его, такого буйного пристроить, куда в полк? Пусть в Русской армии служит, раз у него подвиги по утрам, - улыбнулась Анна Иоанновна, своей свежей идее.

- Обязательно пристроим матушка, пусть только восемнадцать лет стукнет, сразу в армию и определим.

Вся Россия была на посту, но только на Великом и строгом посту, в ожидании разговения на Пасху в светлую седмицу. По этому поводу, завтраки и обеды у Антона были постными и без мяса, но вот рыбка присутствовала в любом виде. Вот где Карл и приунылся поесть различные рыбные блюда. Закуски из копчёной рыбы, рыба жареная, рыба варёная, кусками выложенная отдельно от рыбного супа, рыба фаршированная с гречкой и жареным луком, рыба заливная и прочая, прочая, прочая... Морс, наверное, и тот был рыбный, хотя нет, из ягод. Такой рыбы Карл никогда не пробовал. В замке, герцогу подавали рыбу речную и иногда морскую из Балтики. Но здесь, он впервые увидел Белугу и Осетра, куски, которых были размером с хороший свиной окорок. А ещё он полюбил икру этих рыб, чёрную как жемчужинки, но только очень маленькие. Как ему объяснил Антон, это вроде очень вкусно, но сперва, конечно непривычно. Стадию непривычно, Карл минул после второй ложки, намазанной на кусочек хлеба. И с этого момента, всю оставшуюся жизнь, по мере возможности, отдавал предпочтение чёрной икре, а не хамону из Испании.

Во время поста, тренировки не прекращались, наоборот, специально для Карла был введен элемент рубки лозы на скаку и фехтование на саблях, на польский манер, как пояснял поручик Павленков. - Раз уж ты корнет, вот и рубись саблём на коне, а не со шпагой. Тут тебе братец не Европа, сабелькой махать тут приходится чаще чем из пистолетов стрелять, так что дорогой Карл, твои учения только начинаются.

- Антон, ты тоже сабелькой научился рубиться, - спросил Карл у Антона.
- Карл, ты даже не представляешь сколько. Спасибо поручику, натаскал он меня этому ремеслу. Под Очаковым, приходилось турок гонять, а там без сабельки не победишь.
- Ну и ладно, буду учиться, учиться и ещё раз учиться. Правильно ваша светлость?
- Хорошо сказал Карл. Учиться, учиться и ещё раз учиться, как велел поручик Павленков.
- По коням, господа, и по три круга на лозу, учиться, учиться, и ещё раз учиться, как я вам повелеваю, - с улыбкой дал команду, поручик Павленков.

Андрей Иванович Ушаков, сидел в своём кабинете и размышлял о том, что за фрукт этот барон. Ни в какие партии не лезет, молодец. Занимается воинскими науками, тоже молодец. Никаких поручений не выполняет, тоже вдвойне молодец. Водки совсем не пьёт, тройне молодец, хотя и подозрительно. Ни с кем разговоров не ведёт и ни с кем не встречается. Даже с посланником Саксонским в кирхе только поручался. Надо форсировать события, надо его с офицерами знакомить, а то скоро летняя компания. Вот пусть и заводит себе друзей, по балам пусть походит, в свете себя покажет, может и за девицей какой ухлестнёт, дело то молодое, житейское. Хм, а вот это идея. Он у нас числится как награждённый, личным Указом матушки императрицы. Вот на Пасху и Указ то и подпишем и вручим награды. А уж обмыть царскую награду, сам Бог велел. Вот сколько поводов. Ай да Я, ай, да сукин сын. Так тому и быть.

Постепенно, Карл вникал в дела, происходящие вокруг Антона, и в его дела собственные. Накануне Православной Пасхи, в Страстную Субботу, Антон посоветовал своему папу прийти на следующий день в парадной форме гвардейца герцога Карла, ибо они поедут на приём к Её Величеству, императрице Анне Иоанновне, по случаю светлого Христова Воскресения, которая та устраивает у себя во дворце.

Такая форма у Карла была и висела в шкафу в его комнате, но вот её надо было приготовить, почистить и отгладить. В общем, навести лоск, и быть готовым к торжественному приёму. Полночи, Карл с Авдотьей и Фёдором, чистили утюжили парадный камзол и кафтан, Федор начищал пуговицы на форме и чистил сапоги до зеркального блеска. Однако то что он сделал потом, ввергло Карла в шок.

- Я тебе ваше благородие, сейчас такой блеск наведу, что вся гвардия обзавидуются.
- Ты что удумал Фёдор? – Поинтересовался Карл.
- Я ваши сапоги гладить буду утюгом, стрелки на них наведу, будете первым щёголем на приёме. Меня этому один датчанин научил, он у нас в полку унтером был, контракт отработывал.

Конечно, Карлу было жалко сапоги, ведь они были пошиты на заказ, точно на его большую ступню. И денег он отвалил за пошив, почти три рубля. Фасонистые были сапоги, высокие, почти до колен, хорошо обтягивали икры ног, с небольшим отворотом сверху и небольшим разрезом сзади голенища. Эти сапоги были точной копией сапог герцога Фердинанда, упокой Господи его душу. И вот теперь, какой-то русский мужик предлагает их отутюжить, как какой-то рукав. Но и щегольнуть при дворе очень даже хотелось, покрасоваться перед дамами, а уж перед её Величеством тем более.

- Чёрт с тобой старый хрыч, утюжь сапоги, но если что, оставлю без зарплаты. – И не желая смотреть, как Фёдор будет портить его имущество, ушел к себе в кабинет читать очередную философскую книгу, купленную им два дня назад в книжной лавке.

Сидя в кресле за письменным столом, Карл читал сочинение Декарта «Страсти Души», переваривая в себе философские мысли столь великого и известного философа современности.

- Готово ваше благородь, вот извольте примерить, - появился на пороге Фёдор, держа в вытянутой руке отглаженные сапоги Карла.

Карл встал с кресла, с намерением высказать Фёдору всё, что он думает о последней датской моде и о её русском последователе. Но взяв сапоги в руки, он придирчиво рассмотрел их и пришёл к выводу, что действительно, сапоги то, как раз стали намного интереснее по форме. Стрелка спереди голенища сапог, шла ровной линией, раздваиваясь у самой ступни, как змеиный язык, а с обратной стороны голенища от середины, так же вниз, шли пот три стрелки вдоль шва, на каждую из сторон, как ёлочка. Карлу очень понравилось произведение Фёдора, и он недолго думая, одарил своего ценителя обувной моды серебряным полтинником.

Ожидая своего принца и у ворот дворца, и ощущая на себе взгляды, как нижних чинов, так и офицеров караула, Карл немного задрал нос от гордости за свои сапоги. Свита Антона в основном была в туфлях, а военные в сапогах, но сапоги у кого были гармошкой, у кого просто натянуты на икра, но ни у кого не было таких модных стрелок, как у него. Не зря он полтинник не пожалел Фёдору, за такую работу, можно было бы и рублём одарить. - Хотя нет, рубль это слишком много, за мои нервы. – Сэкономил в душе Карл.

- Карл, вы где такие сапоги нашли в городе, дайте адресок мастера, пожалуйста, - обратился шёпотом к нему караульный офицер Герст.

- Андрей, такие сапоги нигде не продаются, и мастеров нет, стрелки наводить, но ради нашей дружбы я сведу тебя со знатоком датской обувной моды. Всего за рубль, у тебя будут замечательные стрелки и молнии, какие захочешь.

- Карл я буду признателен, шепни адресок.

- Опосля, Андрей, опосля.

Во дворце императрицы, до которого, идти-то было минут десять, кавалькада из трёх карет, доехала за то же время, вся челядь уставилась на сапоги Карла, ещё через пять минут, пока они шествовали в тронный зал, о сапогах Карла знали практически все присутствующие на приёме. Войдя в зал, с большими окнами на Неву, через которых было освещено всё помещение, Антон со свитой был помещён, гофмейстером Адрианом Елагиным, недалеко от трона императрицы с левой стороны, что означало приближённость к её величеству. Трон, стоял на золотом постаменте с красной бархатной подушечкой, и представлял собой, резное венское кресло с золотой отделкой подлокотников и ножек, сидение было из красного бархата, спинка трона немного выпуклая, тоже красного бархата, но с российским двуглавым крылом. Венчало трон, изображение золотой императорской короны из золота и серебряных тонких линий.

Карл был впервые во дворце и рассматривал всех, стоящих напротив, так невзначай, поглядывая на хорошеньких дам и их кавалеров. Дамы же в свою очередь рассматривали молодого и высокого красавца, с темно каштановыми волосами, вьющимися до плеч, в военной форме, но не русской армии, зато в шикарных сапогах со стрелками. Так продолжалось минут двадцать, после чего, граф Елагин объявил – «Её Величество, Императрица и Самодержица Всероссийская - Анна Иоанновна Романова» и заиграли под потолком трубы, исполняя гимн Глюка, написанного по случаю коронации императрицы, который разносился сверху вниз по всему тронному залу. В этот момент двери позади трона открылись и в сопровождении фрейлин, вышла сама императрица Анна Иоанновна. Мужчины наклонили головы, а женщины сделали книксен и стояли в полупоклоне, пока её величество не села на трон, а гофмейстер не показал рукой, что можно выпрямится и лицезреть свою императрицу.

Карл был поражен царственной статью и красотой императрицы. Величественная и грациозная, с подчёркивающей её царственную статью незаметной полнотой, Анна Иоанновна, двигалась к трону, как будто сама природа благословила её на это. Её наряд, украшенный драгоценностями, подчеркивали не только статус, но и женственность, делая её центром внимания на этом приёме. Каждый её шаг был наполнен уверенностью. Это была женщина, чья красота была столь же яркой, как и её судьба. В её глазах, глубоких и выразительных, отражалась загадка, которую не могли разгадать даже самые мудрые из придворных. Её лицо, обрамлённое роскошными локонами, словно излучало свет, а улыбка могла растопить сердца даже самых

холодных людей. Когда она села на трон, Карл рассматривал её с восхищением, подмечая, что императрица, само произведение искусства, созданное самой природой. Её кожа, нежная и светлая, словно фарфор, отражала мягкий свет, придавая ей аристократическое обаяние. Её губы, полные и чувственные, украшала лёгкая улыбка, которая могла мгновенно осветить атмосферу вокруг, несмотря на солнечные лучи, падавшие на её обворожительное лицо.

Анна обвела зал и гостей приёма своим взглядом, чувствуя своим женским началом, что кто-то её рассматривает, но не как императрицу, а просто как женщину. Её немного пробила дрожь. Анна искала этот взор, она стремилась к нему, она ощущала его всеми фибрами своей души. Многие смотрели на неё, многих она знала, многие глаза ей улыбались, но эти то, понятно, что-то от неё хотят, завидуют, или ненавидят, и такие взгляды она видела. Но вдруг, её как молния поразила, на неё смотрели изучающий взгляд серых глаз высокого молодого человека, в этом взгляде она увидела интерес не её подданного, а взгляд восхищения её красотой, граничащий с взглядом возлюбленного. Когда их взгляды встретились, молодой высокий офицер немного смутился и опустил глаза. – Влюбился что ли шельмец, кто он, этот красавчик? В свите Антона стоит, затертый широкими спинами свитских лизоблюдов к стеночке. Уж не тот ли это юноша, что разбойничью шайку изничтожил? – Улыбаясь стеснительности Карла, хозяйка земли русской и матушка для всех своих подданных. – Ну, красавчик, я тебе устрою смотрины переглядки. Где же ты был лет двадцать назад, я бы тебя не отпустила. – Под сердцем императрицы приятно кольнуло, и её опять пробрала лёгкая дрожь. – Ну шельмец, ох и смелый шельмец?

Карл рассматривал лицо Анны Иоанновны, как влюблённый юноша, с чистым сердцем, по юношески не стесняясь, и не обращая внимание на соседей и взгляды завистливых женщин. Глаза Анны были её самым ярким украшением — глубокие, как бездонные озёра, они излучали ум и страсть. Их цвет варьировался от светло-зелёного, до глубокого изумрудного, в зависимости от освещения. Взгляд Анны мог быть как строгим, так и полным нежности, что делало её непредсказуемой и притягательной. Всё это вместе взятое, создавало для Карла образ женщины императрицы, которая не только была правительницей, но и воплощением красоты, способной вдохновлять и завораживать.

Приём был праздничный, фрейлины императрицы стояли в окружении карликов и карлиц, пышно разодетых, не хуже чем дамы присутствующие на приёме. Анна и Якобина Мегден, две сестры фрейлины о чём то шептались с карлицами и услышав ответы прикрывали свои улыбки веерами. Ещё одна фрейлина Анна Салтыкова, тяжело вздыхала и смотрела в окно дворца, не обращая внимания на ужимки карлиц, одна из которых постоянно дёргала её за подол дорогого платья, пытаясь своим веером что-то ей показать. Сегодня по случаю праздничного приёма, всяких придворных шутов и карликов в свите императрицы было очень мало, всё-таки послы иноземные прибыли, гости из-за границы, непривычное для них такое зрелище, так что шутих сегодня день разговения, пусть поедят вдали от приёма.

Постепенно, присутствующие пришли в движение, послов вызывали к трону, где они, преклонив колена, клялись в вечной дружбе с Россией, Анна Иоанновна в свою очередь, что-то с улыбкой отвечала им, все были довольны благосклонностью императрицы. Но никто не заметил, что Анна всё-таки время от времени поглядывала в сторону свиты Антона, пытаясь поймать взгляд молодого барона, невольно улыбаясь не, сколько иноземным гостям, сколько надеясь накоротке одарить взгляд юноши своей улыбкой. Никто не замечал этих коротких взглядов, всего на миг, кроме одной карлицы, усевшейся на полу недалеко от трона. Авдотья Буженинова, любимая карлица императрицы хоть и маленького роста, но ума большого, заметила взгляды хозяйки, и уже через несколько минут уже точно вычислила Карла и его стеснительность, делая для себя кое какие выводы на будущее.

Гости на приёме смешались по группам, пока императрица была окружена своей свитой и важными вельможами, Антон, а за ним и Карл, как его паж, потихоничку продвинулись к небольшой группе девушек.

- Ваша светлость, Анна, как вы себя чувствуете? – Обратился к одной девушке, стоявшей в окружении подружек Антон.

- Спасибо Антон, всё прекрасно, вот только вы меня совсем забыли, даже на чай не приходите, - тихо ответила, прикрываясь веером Анна.

- Хотел вот познакомить тебя со своим пажом, Анна. Барон Карл Мюнхгаузен, он мой земляк из Ганновера, не смотря на то, что он ещё молод, он мой хороший друг с детства, - представил Карла своей невесте Антон.

Анна протянула Карлу руку для поцелуя, которую он галантно принял и, нагнувшись, сделал вид что целует, обдав пахнущую лавандой ручку Анны своим дыханием. Анна Леопольдовна, была девушкой среднего роста, чуть ниже Антона, возрастом она была, практически ровесницей Карла. Юная девушка, дочка герцога Макленбургского, обладала нежной, и в то же время строгой немецкой красотой, которая заворожала Карла. Её черные как смоль волосы, уложены в сложную прическу, обрамляли её лицо, подчеркивая выразительные черты лица и глаз. Глаза же Анны, большие и карие, как два глубоких озера, отражали ум и чувствительность. На её губах, при взгляде на Карла, заиграла лёгкая улыбка, придавшая ей загадочный вид, которую Антон даже не заметил, будучи обращен лицом к своему пажу. Карл быстро в уме прикинул родословную Антона, и к своему удовлетворению, пришёл к выводу, что они не родственники, и дети этой пары будут красивые и жизнеспособные. Почему в этот момент он подумал именно о детях Антона и Анны, Карл так и не понял. Почему его мысль ушла так далеко, возможных последствий брака, этой пары, он поймёт через много лет, поняв, что путь его в жизни указуем не только герцогом, но и перстом Божьим.

- А сейчас дамы и господа, дорогие гости её величества, - обратился гофмейстер к присутствующим, - по случаю праздника, Её императорское величество произведёт награждение лиц достойных за радение государственных интересов.

- Вызывается....., - начал читать список Гофмейстер. Награждаемые подходили к трону, где из рук императрицы получали, кто ордена, кто ценные подарки, целовали руку её величества и с поклон отходили спиной вперед и в сторону.

- Лейб-гвардии Семеновского полка прапорщик Павел Ершов, - услышал Карл, голос гофмейстера. После чего к трону подошел его друг Павел, одетый в парадный гвардейский камзол, и преклонив колено, получил от императрицы драгоценную коробочку, после чего приложился к ручке императрицы, и так же как и все награждённые, ретировался спиной вперед.

- Барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, - услышал Карл своё полное имя, которое он и забыл то, как звучит полностью, а за одно и толчок локтём в бок от Антона.

- Давай Карл иди, получай свою награду, - тихо проговорил ему Антон.

Взяв себя в руки, Карл гордо подняв подбородок, став ещё чуть-чуть выше ростом, чинно подошёл к трону, и встал на одно колено. Голос гофмейстера доложил, что Карл награждается за ликвидацию шайки разбойников, взятия в плен членов шайки, благодаря чему, были выявлены и другие душегубства, а пленные преданы справедливому суду.

Императрица, протянула ему золотую табакерку, которую он принял с поклоном, и подала ручку приложиться. Так как Карл всё-таки большую часть своей жизни провёл во дворце герцога, то в грязь лицом он не ударил, и облобызал ручку императрицы по всем канонам двора, то есть никак. Просто подышал на мягкую ручку, поддерживая её снизу своей лапичей и медленно отпустил, и уж собирался отойти, как услышал голос её величества, - Не страшно-то было зимой, против волков в одиночку, а барон?

Как известно, Карл за словом в карман не лез и тут, на эмоциях честно признался императрице, - Мне, ваше императорское величество, после русской бани, ничего не страшно. – Сказал Карл и подумал, - может это лишнее. Но было поздно...

- После бани? После русской бани? Ха, барон, ха-ха-ха, - залилась смехом императрица, и все присутствующие заулыбались, не понимая о чём идёт разговор, и чем таким этот барон рассмешил Анну Иоанновну.

- Карл да ты первый немец в России, кого после русской бани на подвиги тянет, ха-ха-ха, ой, уморил. Иди уже, отмечай с Ершовым свои подвиги. Сегодня, наверное, вся гвардия гуляет. Составь им компанию, обмой награду, благо средств на это хватит. Это мой императорский наказ тебе. Ой, уморил. – И Анна Иоанновна махнула ему ладонью, показывая, что он может удалиться. Что он и сделал, как и все – спиной вперёд и в сторону, прямо в крепкие руки Павла Ершова.

- Карл, чем так её величество рассмешил, - обнимая Карла, спросил Павел.

- Сказал, что после бани мне ничего не страшно, а она засмеялась, наверное, ей тоже русская баня нравится.

- Всем русским женщинам баня нравится, Карл. Это я тебе как знаток говорю.

В этот момент к ним подошел Антон и поздравил обоих с дорогими подарками, а потом, обратившись к Карлу, дал ценный наказ, - Карл, тут в основном теперь нам делать абсолютно нечего, не того полёта мы птицы. Давай езжай с другом отмечать награды, а то других не будет, а завтра, если сможешь, приезжай к обеду. У нас ещё будут дела.

Чуть более года назад, Анна Леопольдовна, была разлучена со своим сердечным другом, Саксонским посланником графом Линаром. Немного погоревав, на происки Бирона, разлучившего её с другом, она пока официально не помолвлена с Антоном, который хоть немного и похорошел, решила подобрать графу замену. У всех есть фавориты, а у неё нет, и что ей теперь сохнуть во дворце без мужского плеча. А сегодня, она увидела его, Карла Мюнхгаузена, высокого, молодого и красивого, и самое интересное тоже Саксонца, а самое весёлое, что тоже Карла. Обдумав такую ценную идею, Анна Леопольдовна, приняла участие в дальнейшем празднике.

Гостей сегодня ждал фейерверк в саду, где уже были расставлены столы с закусками, за кустами готовились к выступлениям акробаты и артисты, специально содержащихся, при дворе, для таких развлечений, с участием её Величества.

Её величество, оглядывая с высоты своего трона гостей, не смотря на то, что постоянно отвлекалась то на одного вельможу, то на посла какого, шутя и смеясь их придворным шуткам, краем глаза всё-таки заметила живой интерес своей племянницы Анны к молодому барону. В голове опытной правительницы, тоже созрел план, свой план, правда ещё в зародыше, только в виде ростков и идей, но очень такого перспективного, правда, в будущем.

В свою очередь, Авдотья, так же не спуская глаза с обеих женщин, так же заметила интерес принцессы и императрице к новому человеку. Этому высокому немецкому барону из свиты Антона. Очередную задачу ставит перед ней жизнь. Ей, опытной дворцовой интриганке, пока ещё не до конца понятны взгляды женщин на этого молодого человека. Не смотря на то, что роста она была невысокого, лицо отталкивающего, но вот ума у неё было предостаточно. Жизнь научила Авдотью думать быстро, решения принимать медленно. – Надо будет собрать все слухи об этом бароне. Надо будет послушать, что шепчут в покоях принцессы, послушать, о чём говорят в покоях императрицы. Да и у Эрнста Бирона, то же надо у прислуги поинтересоваться. Теперь все дела по боку, надо думать, думать и думать.

- О чем думаешь, Авдотья, - поинтересовалась у задумчивой карлицы, Анна Иоанновна.

- Да вот думаю, что разрешила ты прапорщику с бароном отметить награды, а вдруг они упьются и пропьют их. Вещь то дорогая, ценная.

- Ну, подружка моя, у мужчин и такое может быть. Да только в каждой табакерке по двадцать рублей золотом, долго они пропивать будут. А если будучи в нетрезвости и потеряют, то я этим молодцам ещё подарю. С казны не убудет.

Анна Иоанновна, когда решала, как вручить денежную премию, вместе с табакеркой, убедилась, что двадцать рублей серебром в табакерку не влезут. Будучи женщиной, широкой русской души, и абсолютно не жадной, она тут же решила заполнить их золотом и серебряными монетами, но на-те же, двадцать рублей. И того в табакерке лежали десять рублей серебром и один червонец 1730 года с её профилем.

Получив увольнительную от Антона, Карл с Павлом на карете из дворца, поехали в сторону Семёновской слободы, где квартировал полк Павла, обмывать табакерки, в трактире, где всегда гулеванили офицеры лейб-гвардии Семёновского полка. В трактире «У Капеллана», что в Семенцах, уже собрались офицеры полка и отмечали Пасху. Разговевшись куличами и яйцами, в табачном дыму, офицеры пили вино, и кричали здравицы императрице. Столы были сдвинуты посередине зала, прямо под тележным колесом с толстыми свечами, освещавшими стол. Кто курил трубку, кто о чём-то спорил, кто-то просто поедал разнообразную дичь или жаренные свиные ребра и ножки. В углу трактира был камин с жаровней, на которой готовились очередные порции бараньего мяса. Запах в трактире стоял соответствующий – винно-водочно-табачно мясной. Обыкновенный запах трактира стоявшего впритык, к казармам полка. Вот если бы такой трактир стоял недалеко от причалов флота, то там стоял такой же запах, но с примесью аромата рома и пива. Семёновцы не пили ром или пиво. Невместно лейб-гвардейцам употреблять эти напитки. Вот хорошую казённую водочку или вино испанское из бочек, это же другое дело.

Хозяин сего заведения, сам принимал деньги от офицеров и сам им наливал страждущим за стойкой в кружки вино, водку в стаканы зелёного стекла. Был он крепкого телосложения, роста высокого, с крепкими плечами и пудовыми кулаками. В левом ухе у него висело толстое золотое кольцо, как у донского казака. Но казаком он никогда не был, вся его жизнь прошла на море, сначала на галерах Петра, а потом на паруснике в должности боцмана. Когда срок службы вышел полностью, на заработанные деньги он ... женился на состоятельной вдове, получив от неё в наследство этот трактир и солидные средства, завещанные ему почившим супругом его новой жены. Так став трактирщиком, он быстро навёл флотский порядок у себя в заведении, сделав его местом посещения Лейб-гвардейцами, расквартированными на соседних улицах. И дела пошли в гору. Выпить хотели все, каждый день утром днём и вечером. Звали его Дионисий Капеллан, или просто - дядька Денис. Капелланом его прозвали за то, что после тяжёлого боя со шведами у балтийских островов, на его корабле был убит корабельный батюшка. А так как он имел образование в духовном училище, он занялся отпеванием погибших матросиков и самого батюшки. Держа в руке его служебный крест, Денис шёл вдоль лежащих на палубе погибших и прочтя молитвы, пел «Вечная память». По приходу в Кронштадт, он отдал этот крест новому корабельному священнику и стал его помощником в его служебных делах. Правда, от обязанностей боцмана грот мачты, его никто не освобождал. Отслужив срок, он списался на берег и решил проявить себя на гражданской ниве.

Даже самые буйные пьяницы, побаивались его пудовых кулаков, по сей причине у него не работали вышибалы, только племянник супруги – Никита, в задачи которого входило быстрое перемещение выпивки от стойки к столу заказчика, уборка помещения и мытьё посуды, да присмотр за мясом. А так же всего остального, до чего не доходили руки дядьки Дениса.

И вот в этот уголок невоздержания, вошли двое молодых людей, одного из которых сразу же узнали и поприветствовали, а вот второй вызвал неподдельный интерес, и некоторые офицеры посмотрели оценивающим взглядом на молодого офицера, в немецкой форме, и в сапогах со щегольскими стрелками на голенищах.

- Кого это ты привёл, Павел, кто твой приятель? – Раздалось из одного из углов трактира.

- Господа, это мой друг Карл, мы сегодня с ним получили из рук императрицы по табакерке с её портретом и небольшой денежной премией. Сама Анна Иоанновна повелела нам обмыть награду, и сейчас мы будем исполнять её поручение.

- Вот это ты пострел, Павел. И награду получил, и деньги на обмывку, и друга привёл. Сразу видно настоящий Семёновец. – Вступил в разговор ещё один голос.

Павел и Карл подошли к стойке и Дионисий принял у них заказ: - три кувшина вина, жареных каплунов, печёную утку и бараньих ребрышек. Всё остальное как всегда.

Пристроившись к офицерам роты Павла, за длинный стол у стенки, друзья сняли с себя оружие, расстегнули пуговица своих камзолов и в ожидании горячего и овощей с хлебом, пригубили по кружке отличного испанского вина. После того, как они утолили первый голод, они продемонстрировали свои награды, которые офицеры рассматривали при свете свечей. Удовлетворив любопытство, был предложен простой армейский тост, - «Дай Бог, не последняя», далее последовали тосты за императрицу, за будущую победу над турками, за талант Миниха, за здоровье всех присутствующих, как всех вместе, так и по отдельности. Тут же велись разговоры, «а как у вас, а вот у нас» и вот так потихоньку разговоры перешли на женский пол, о том, кто, где и сколько раз. Курящие закурили трубки, выпуская в потолок клубы голландского пахучего табака, кто-то рассказывал о своих подвигах.

- Карл, дружище, расскажи, а у тебя были интересные случаи в жизни, - спросил один из офицеров.

- Как не быть, были, только я половину забыл, - слегка пьяным голосом ответил Карл.

- Ну вспомни что ни будь, просим тебя, - потребовали голоса.

- Уговорили искусители. Слушайте. Ехал я в обозе из Риги в Изборск, если помните, мороз стоял лютой. Дорога шла через дремучий лес, деревья трещат, волки воют за каждым кустом, мне холодно, я замерз как собака, ну думаю, сейчас я тут и помру. Один из возниц увидев моё печальное положение, сжалился надо мной и предложил мне выпить из его фляги. Будучи практически в полуживом виде, я взял у него флягу и сделал большой глоток, думая, что это или чай или кофе. И тут господа офицеры, вы не поверите, я подумал, что я выпил огня из преисподней. Мне так обожгло горло, что у меня глаза вылетели из орбит, и я увидел вдалеке Изборск, куда держал путь наш обоз. Потом конечно они вернулись обратно, вот с тех пор я стал видеть то, что находится вдалеке.

Присутствующие офицеры, засмеялись, услышав простую шутку Карла. А он продолжил. – Добравшись до Изборска, меня сняли с лошади и всего покрытого снегом и льдом отнесли в баню и посадили прямо на раскалённые камни, от чего в парилке образовался пар, в котором мои попутчики и парились, пока я согревался. Когда последняя сосулька растаяла на моём носу, меня сняли с камней, раздели и стали избивать березовыми стволами с ветками, для того, что бы выбить холод у меня изнутри. Вот так меня привели в чувства, а когда я попарился, и сидел в раздевалке, то местные мужики опять налили мне из фляги, и опять мои глаза вылетели из орбит, но далеко не полетели, а только до кухни, где я увидел, что нам накрывают стол.

- А как же шайка, за которую вы с Павлом получили награды, - спросил один из присутствующих.

- А там всё просто было. Павел зарядил пистолет и не пожалел пороха. Когда он выстрелил, то пуля, пробив одного из разбойников, прошла на вылет и убила второго, пробила ему голову насквозь. Далее пуля от рикошетила от дерева и в полав в спину, застрелила третьего разбойника. А остальных я взял на шпагу. Можете сами у Павла спросить.

- Да так и было, ух, он шпагой то махал, скажу я вам. Прямо как башибузук ятаганом. – Подтвердил Павел.

- А не врёт ли господа? – Спросил кто-то.

- Всё так и было, клянусь своей треуголкой, - весело ответил на упрек Карл.

- Подтверждаю господу, клянусь его треуголкой. – Подтвердил пьяным и тоже веселым голосом Павел.

Глава 6

6. «Святая Якобина».

Карлу снилось бушующее море, он стоял на качающейся палубе парусного корабля, стоя за штурвалом, крепко взявшись за него холодными руками, крутя его вправо и влево. Корабль, под ударами волн переваливался с борта на борт, меняя галсы, повинуюсь воле капитана Карла. За бортом бушевало пенистое море и холодные волны, разбиваясь о борт его корабля, обливали рулевого холодной водой с головы до ног. За его спиной раздавался громкий грубый голос, ругающий на все лады морских чертей, русалок и ещё всякую морскую нечисть, поминая какую-то мать, якоря и сухопутных идиотов. С каждым ударом волны о борт, она становилась холоднее и холоднее, пока наконец-то, большая волна не попала ему точно в лицо, и он вздохнув воздуха, захлебнулся, у него произошёл спазм и он закашлялся. Отплевывая холодную воду, которая, почему-то была пресной, Карл, схватился руками за горло, откашлялся в последний раз и.... открыл глаза.

- Ну, слава тебе Господи, очнулся сердешный, - услышал оно голос дядьки Дениса, за спиной.

- Что? Где я? А где море, а где корабль? – прокашлявшись от воды, пробормотал Карл, пытаясь подняться с земли.

- Значит, не очнулся сердешный. А ну-ка Никитка, ещё ведро, - услышал он командный голос дядьки Дионисия.

Очередное ведро с холодной водой обрушилось на голову Карла, и в его гудящей и звенящей голове, начал пробиваться свет разума, а морской туман и колокольный звон уходили на окраины сознания. Осязая твердь земную под руками, и даже разглядев маленькие зеленые побеги травы, Карл, в конце концов, к своему удовлетворению понял, что он не на палубе корабля, а стоит на четвереньках во дворе трактира. А ещё он ощутил настоящий холод, но этот холод его только взбодрил, зря что-ли он обтирался снегом и обливался водой, закаливая своё тело. А ещё он обнаружил, что одежды на нём не было. Он был одет в одни льняные и мокрые кальсоны. Ни формы, ни сапог, ни треуголки. - «Сперли сволочи» - мелькнула в буйной головушке мысль. Не было даже оружия. Зато рядом с ним лежали ещё три тела в таком же, как и он виде. В одном он узнал Павла, который развалился на траве, раскинув руки в стороны с детской улыбкой на лице. Рядом с ним лежал Андрей Герст, в позе эмбриона, дрожащего мелкой дрожью, и что-то цедившего сквозь стучащие барабанной дробью зубы. А вот третьего молодого человека он помнил смутно. Лицо знакомое, а вот где он его видел, сознание тайны пока не открывало. Каком-то тумане прояснилось лицо офицера, лежавшего сейчас недалеко от него на полянке, и храпевшего как рота гренадёр.

- Ого, Карл, да ты самый крепкий из этого общества трезвенников, первый очнулся. Самый последний упал под стол, и самый первый очнулся. Силён. – Опять пробасил над ухом Дионисий Капеллан.

- Как тут не очнуться, ежели море прям волной в лицо бьёт.

- Карл, а ты не думал служить на флоте? Уж больно ты хорошо держишься после, моря выпитого.

- Дядька Денис, благодарю, конечно, тебя за лестное предложение, но я не умею так ругаться, как ты - морской волк. Я - то с волками по-другому разговариваю.

- О, да. Я сегодня слышал, как ты всех волков на изнанку вывернул. На шубу или на шапку их пустил?

- Зря ты так дядька Денис, я тебе докажу что ты не прав. Не мог я такого говорить, я всегда правду говорю.

В этот момент заворочался Павел, а Андрей перестал дрожать, пригреваясь на солнышке, кроме третьего фигуранта, повернувшегося на бок и храпевшего уже намного тише.

- Так, пора заканчивать этот балаган с конями, - произнёс Дионисий Капеллан, и взял в руки ведро с водой....

Четыре молодых человека, более или менее приведённые в чувства, одетые в свою помятую форму, сидели за столом и под присмотром трактирщика приводили себя в состояние, дающее возможность им без последствий предстать перед, светлые очи начальства. Но пока, сидя за столом, они были похожи на каторжан, сбежавших с царской каторги. Лица помятые, волосы всклокоченные, руки в царапинах, как будто они дрались с дикими кошками.

Как оказалось, третьим фигурантом был подпоручик Алексей Бакулин, помещик из Астрахани, поступивший в полк ещё пять лет назад, и успевший нюхнуть пороха, пережить своего командира роты на Турецкой войне, но оставшегося таким же весёлым малым, что пришлось Карлу по душе. Алексей был чуть ниже Карла на пол головы. Умный, высокий лоб, немного вздёрнутый нос, как у всех славян, и самое веселое лицо с конопушками на щеках. Карл, вспомнил, что он с Алексеем, устроил поэтический, литературный конкурс, на лучший стих о том, что он видит в этот момент. Кто победил, в этом конкурсе, никто уже и не помнил. А вот гостям заведения, понравились вирши обоих офицеров. Сами-то поэты уже и не помнили, что сочиняли. У молодых поэтов с перепоя, и не такое бывает.

- Дядька Денис, а что тут хотя-бы было? А то я тут помню, а тут не помню. – Обратился Карл, к трактирщику, активно работая ложкой, поедая жирный и горячий борщ с мясом.

- Ну что тут сказать господа офицеры, пить надо меньше- задумчиво начал Дионисий Капеллан. – Вроде как бы сначала, всё шло чинно и благородно, выпили, закусили, друзей угостили, поговорили о том, о сём. Потом как водится, перешли на женский пол, после чего чуть не подрались, хорошо, что пришли к выводу, что бабы в основном дуры. За них, за красивых дур и выпили, а потом конкурсы какие-то устроили, а самое весёлое, вы стали петь песни. И это тоже нормально, но вот голосить на весь околоток, – Ах майн либер Августин, - а потом танцевать под эту песню на столах, вот это уже перебор господа. Я всякое видел, но чтобы у меня в трактире танцевали на столах, это господа впервые.

- Как будто это плохая песня, - возмутился Карл, не донеся ложку до рта.

- Да нет, не плохая песня, даже я её знаю наизусть, благодаря вашей, а капелле, Карл. Но и это ещё не всё, я отправил вас прогуляться, а вы пели эту песню всю ночь на всех улицах околотка.

- Ну и что тут такого, праздник у нас или не праздник.

- А то, что вы сначала начали учить этой песне всех встречных граждан, которые от греха подальше разбежались от вас, а когда те кончились, переключились на местных собак.

- На собак, ик? – Проикался Карл, посмотрев на своих помятых товарищей.

- Да что там собаки, они животинки умные, тоже разбежались от вас. А вот то, что вы стали учить петь лошадей!!! Сперва, проезжавшие мимо телеги останавливали, требовали от лошади петь с вами, да и возниц подключали, а потом на кареты переключились. Слава тебе Господи, без пассажиров, а то неизвестны последствия, даже мне Карл.

- Ну, раз мы живы, значит, всё обошлось, - робко поинтересовался Андрей.

- Скажите мне спасибо, я вас в два захода на плече в трактир уже невменяемых отнёс, проспались у меня в гостевой комнате. Но вам же на службу с утра, вот я вас в чувства то и привёл. А то вы уже хотели в Луну стрелять, лунатикам приветы передать.

- Это ты хорошо сделал, дядька Денис, но про лунатиков что-то не помним, - подали голоса в унисон, Алексей и Павел.

- А мне на службу к обеду, - как-то грустновато произнёс Карл. – Эх, мог бы ещё поспать.

- И тут все засмеялись, аж стёкла задрожали в трактире. У Дионисия Капеллана, от смеха пробились слезы в глазах, друзья, чуть борщом не поперхнулись от смеха.

- Ну, ваше благородие, ну рассмешил. Завтрак за мой счёт, а вот выпить кроме вишнёвого морса и кваса, я вам господа хорошие, ничего не дам.

Карл ехал в пролётке, напевая Майн либер Августин, будучи уже в приподнятом настроении, прижимая к груди драгоценную табакерку, которую сохранил от греха подальше дядька Денис, заранее предполагая, что молодежь в угаре может и потерять награды. Как оказалось, на обмывку награды ушло не так уж и много, всего по три рубля с носа. Его и Павла. Всё-таки, люди все культурные и с чувством такта, так что экономный Карл посчитал, что всё прошло просто замечательно и под присмотром взрослых. Он нашёл себе нового хорошего приятеля, - Алексея Бакулина, обещавшего при случае снабдить Карла бочонком черной икры из Астрахани, где этого добра у него навалом. Да и вишнёвый морс привёл его в чувства окончательно. Кучер, постёгивая лошадку, косо поглядывал на своего пассажира напевавшего песенку на иноземном языке, которую он слышал прошлой ночью. Лошадка тоже прятала уши, под припев, выводимый пассажиром. К чему бы это?

Сегодня, Карл пришёл во дворец к обеду, как и было ему приказано. Он не заметил многих глаз, лакеев и других служителей дворца, смотревших на него искоса. Многие смотрели на него с восхищением, другие с укоризной, а некоторые с одобрительным прищуром. - Мол, наш человек, что Россия матушка с немцами делает.

Карл стоял перед Антоном, опустив покаянно голову, в основном, что бы, не дышать на него возможным вчерашним перегаром, хоть и пили то одно вино. А одно ли? Опустив голову и держа руки за спиной, Карл по новой дворцовой привычке смотрел в начищенный до блеска паркет, легонько пошаркивая правой ногой немного перед собой. Вроде как пятнышко какое-то пробует стереть носком сапога, того самого, со стрелками. Антон долго его рассматривал, подойдя поближе, пытаясь унюхать перегар. Но перегара не было, а если бы и был, то только небольшой, спасибо Денису Капеллану и Авдотье, которая увидев состояние Карла, сообразила на стол похлёбку из мяса и кринку простокваши. Так что, придя к обеду во дворец, Карл есть не хотел, а точнее не мог. Но вид у него был покаянным, высокий юноша стоял в позе кающегося шкодника, правда, немного расслаблено, но всё равно Антон понял, что Карлу всё-таки немного стыдно. А может, сделал вид, что проникся раскаянием своего молодого пажа. Но всё-таки, для порядка, он его решил отчитать на виду у остальной свиты, всё равно доложат куда следует, и приплетут, чего и не было вовсе, а так, у всех на виду, лишнего не приплетешь. Но Антон и Карл, оба играли в игру – «Я ругаю, а ты каешься, для всех. Но в душе я не ругаю, а восхищаюсь твоей вольности, а ты в душе не каешься, но знаешь, что я восхищаюсь». Все довольны, да и повод серьёзный.

- Да Карл, я теперь горжусь тобой. – С сарказмом выговаривал Антон, Карлу перед обедом, у себя в кабинете, в окружении немногочисленной свиты. - Не опозорил ты чести Саксонского гвардейца. По городу ходят слухи, что ты с друзьями, вчетвером, Карл, вчетвером!!! Весь Преображенский полк, чуть в ружьё не подняли, для наведения порядка в дружественном Семёновском полку. Ходит также слух о том, что ты с Ершовым спойл весь полк, нетрезвыми взяли на шпагу весь квартал, даже полиция побоялась вмешиваться. Вот это я понимаю размах! По нашему, по Российски!

- По-немецки, ваша светлость.

- Да нет мой юный друг, это уже русский размах. Немцы, так не напиваются на свои деньги, Карл. И, не спорь дружище, мне доложили, кто был первый матершинник и затейник непотребностей, на этой попойке. А потом, надо же было до такого додуматься, учить петь лошадей, Карл. Бедный Августин, он, наверное, в гробу перевернулся, под лошадиное ржание. Ну и кто тебе приказал так напиваться, дружище?

- Её величество, кто же ещё. Она мне повелела, обмыть награду, вот эту, - и Карл предъявил Антону табакерку с портретом императрицы и её личным вензелем. – Вот я и обмыл, всего-то на три рубля.

- Карл, я этого не слышал, а ты мне этого не говорил. Понял?

- Да, понял я, понял, ваша светлость.

- Три рубля, три рубля, - передразнил Карла, Антон. Вот тебе задание, мой дорогой Карл. Я тебя отсылаю от греха подальше в Ригу с заданием, пока тут не уляжется волна от твоих хороших пеней. Там, в Риге, ты встретишь Алекса, он едет ко мне вторым пажом свиты, а то от тебя толку мало, ну кроме как на манеже с тобой рубиться и на лошадях кататься. Да и ревнивые мужья уже в твою сторону косо смотрят. Вот съездишь, проветришься, ума наберешься, а за одно и волна тут уляжется, а когда вернёшься, никто и не вспомнит, что ты тут учудил. Понятно Карл.

- Так точно, ваша светлость, - и Карл, встал по стойке смирно.

- Вот тебе подорожная, и деньги на двоих, и что бы в дороге, ни в чём себе не отказывали, вы же всё-таки свита моя, а не всякие там хухры-мухры. Один кошель тебе, другой Алексу. Он парень экономный и мудрый не по годам, но наивный в некоторых вопросах, а ты уже почти русский, да и проныра ещё та.

- Разрешите вопрос ваша светлость? А кто такие «Хухры-Мухры»?

- А вот приедешь из поездки и расскажешь мне, месяц тебе сроку. А теперь кругом, шагом марш!

Давно господин барон не слушал такие команды от Антона, а честно говоря, он и не помнит, может в детстве, когда они играли в солдатиков. Это же надо было так его довести, до командного голоса, хорошего и доброго человека.

Вернувшись к себе на квартиру, в совсем не расстроенном виде, Карл получил из рук Фёдора записку от Артемия, с приглашением посетить их скромную квартирку, для получения презента. Давненько Карл не видел своих попутчиков, - заработались, наверное у себя в коллегии, всё чужие деньги считают и бюджет государства верстают. Серьёзные люди, надо обязательно навестить перед отъездом. – Подумал молодой барон и принялся собираться в гости.

Оседлав откормленного и лоснящегося Графа, он направил копыта коня в знакомую сторону, следуя чинно и благородно по Гороховой улице. Возле одной из лавок, торгующей иноземным вином, остановив коня, он по старой русской традиции приобрёл гостинец для друзей, бутылку Испанского вина. - «Ну, в самом деле, не ехать же с пустыми руками. Сам, наверное, воздержусь, а то как бы чего не вышло» - Подумал Карл.

- Спасибо что заехал дружище, не пренебрёг так сказать, не побрезговал.- Обнимая Карла, произнёс Артемий. – Я ведь теперь, благодаря тебе, в чине повышен, премией от двора вознаграждён, да и департамент подкинул денег, так что мы с Алексеем в хорошем плюсе.

- Вот Артемий, я тебе тут гостинец привёз, - и Карл презентовал хозяину квартиры бутылку вина.

- Карл, дружище, да ты теперь совсем русским стал, с гостинцами приехал, вот мы её сейчас и присовокупим, - с этими словами он провёл Карла на кухню, где уже на столе стоял самовар, были расставлены чашки и рюмки, и ещё дымилось запечённое мясо, доставленное из ближайшего трактира.

- Артемий, я чуть-чуть только, а то я себя что-то не очень..

- Ну да, ну да, весь город в курсе, как в Семенцах гвардейцы погуляли с каким –то немцем, высоким и ругающимся на русском не хуже наших. Не переживай Карл, мы всё понимаем, но чайку ты обязательно попей. Очень помогает.

Друзья расселись за столом, поели мяса, закусок, попили чайку, раз гость не может вина пить, то и хозяевам не след. Завели разговоры про житьё бытё, про службу, про цены, про политику, ну и про дам, как без этого. В конце концов, Артемий сообщил Карлу интересную новость, оказывается намерении, к нему приезжал ямщик Иван и привёз для Карла свёрток из деревни.

- Вот это да! – Восхитился Карл увиденному, после того как развернул свёрток доставленный Иваном. Перед ним лежал черный кавалерийский, кожаный плащ, подбитый волчьим мехом до самого пояса. И меховая шапка из того же волчьего меха, как тут говорят – папаха.

- Вот это из шкур тех волков, что ты пострелял, твоя доля. Иван сказал скорняку, что ты его ещё и от душегубов спас, вот тебе не просто шкуры прислали, а хороший такой гостинец, в благодарность за спасение, видать.

Карл впервые примерил на себя плащ на меху. Такого даже у герцога не было, да и вообще во всей Саксонии, наверно только у короля или епископа. Серый с белым мех, блестел на солнце, играя и переливаясь серебряными оттенками, был приторочен к хорошо выделанной коже плаща, и в мороз будет согревать не хуже епанчи. А вот если, ему так проехаться по Ганноверу, то сразу он будет выглядеть просто безумно богатым бароном. Да все обзавидуются. Надеть плащ, с мехом волка, которых самолично пристрелил, это же высший шик, по Ганноверской моде. Правда в России, тут каждый второй зимой ходит в мехах. Даже мужики деревенские время от времени появлялись на его глазах в заячьих шапках и меховых рукавицах. Ну, так тут и зимой околеть можно, что он сам, чуть не испытал на себе, так что здесь, мехом, никого не удивишь. Разве что..

- Артемий, а кто такие "Хухры - Мухры", задал напоследок вопрос хозяевам, Карл.

- Карл, как тебе сказать, дружище, - чуть задумался Артемий, - это как вроде ничего абсолютно, а в то же время и всё вместе. Как-то так.

- Да уж, велик и могуч русский язык, Артемий, Вроде всё и вроде ничего. - Сделал философский вывод Карл.

Раскланявшись с друзьями и плотно пообедав в их хлебосольном доме, Карл направился в уже ставшие, ему родными Семенцы. В трактир «У Капеллана», к дядьке Денису, как его называла молодежь, но Дионисий на них не обижался, зато коротко и ясно, как команда на борту. Но Карл направил своего коня в ту сторону, не для того, чтобы выпить, а подтвердить кое-кому, что волков он всё-таки победил в честном бою.

Поездка до трактира, вышла, скажем, так, особенная. Новый плащ сидел на Карле как влитой, нигде не мялся и не поджимал. Он ехал и гордился своей обновкой. Вот только городские собаки этого не оценили. Как только Карл, гордо восседая на коне выехал на улицу, его тут же облаяли все шавки подзаборные, а когда в порыве совей собачьей наглости, подбегали к Графу, то унюхав запах волка, тут же отскакивали от коня и, поджимая хвосты, с дикими визгом, исчезали во дворах или под заборами. Всё-таки волк это зверь страшный и опасный, даже если он едет в виде шкуры на плечах человека.

- Признаю, дорогой Карл, я был не прав, вижу, что хорошая работа, твоему плащу сноса не будет, - оценил меховые подарки Дионисий.

- Я же тебе говорил, что я никогда не вру, - уточнил барон. – Клянусь своей треуголкой.

- Молодец Карл, ужин за мной, давай садись за стол, я тебя сейчас рыбкой накормлю, сам готовил на углях. А утром она ещё по заливу плавала.

- Вот за это спасибо дядька Денис.

Карл быстро насытился печёными, на углях рыбинами, как мелкой местной рыбёшкой, так и сочной с жирком форелью, обильно обложенных по краям блюда овощами и нарезанным пахучим ржаным хлебом. После чего запил всё пивом, специально доставленного для столь уважаемого юноши из портового кабака, аж целый кувшин.

- Какие планы на будущее Карл? – Поинтересовался просто для порядка Дионисий.

- Готовлюсь к отъезду в Ригу, по делам. Надо лошадок подготовить, запасец в дорогу собрать и вперед, покорять Российские просторы.

- Послушай Карл, а ведь я могу тебе помочь с твоими путешествиями. Я же моряк, Карл, есть у меня знакомцы в порту. Зима прошла, лёд давно сошёл в море, ветродует правда, пома-

леньку, но зато времени у тебя будет навалом, в городе отдохнёшь, язык свой немецкий вспомнишь. Как тебе такое предложение.

- Ну, мне кажется просто замечательное предложение, надо только Антону доложить, а то, как бы чего не вышло.

- Конечно доложи, генерал за всегда должен знать где его солдаты находятся.

На следующий день в манеже, во время учебных боёв с Антоном и Павленковым, Карл рассказал принцу об интересном предложении, полученным им от Дионисия.

- Молодец Карл, хоть какая-то польза от твоих гулянок. Запомни, всегда лучше ехать коротким путём, правда только не в России, тут можно и заблудиться в трёх соснах. Одобряю. Но ты же тогда меньше денег потратишь, чем, если бы верхом. А, что скажешь?

- А может, ещё и свои доложу, кто его знает, вдруг шторм и нас унесет в другую сторону, вдруг пираты нападут, так я вообще без копейки останусь.

- Ладно, ладно, это я просто так, к слову сказал.

- Господа, разговорчики, не стойте, рубитесь, двигайтесь господа, двигайтесь, - раздался голос поручика Павленкова.

Уладив дела в столице, дав ценные указания Федору и Авдотье, и определив своих лошадок в конюшни дворцового манежа, чтобы не застаивались. Карл собрал свои пожитки в большой кожаный баул, повесил на себя оружие, кроме пистолетов спрятанных в этом бауле, и на коляске, нанятой Федором, выдвинулся в сторону торговой пристани, где его должен был ожидать Дионисий, для определения на судно в сторону Риги.

Раньше Карл никогда не ходил на кораблях, видеть то он их видел, когда приезжал в Данциг, но не более. Но море его завораживало своей огромностью. Без дальних берегов, часто капризное на Балтике, ветреное и так же часто дождливое. Но тянуло оно его, всё равно тянуло. Ведь на корабле можно было уехать куда угодно, хоть в Америку к индейцам. Главное пережить качку, вот чего опасался Карл. Он слышал от знакомых, что качка просто выворачивает наизнанку. Вот, сидел бы дома, и не было бы у него таких терзаний. Но когда-то надо начинать и с морем знакомиться. Вдруг он предпримет путешествие по Средиземному морю, а оно теплое, с солнышком, а он уже и бравый бывалый путешественник.

На пристани стоял Дионисий рядом с крепким мужчиной, широким в плечах и невысокого роста, с солидным животом, перевешивающимся через кожаный пояс, вооруженный коротким кортиком на левом боку. Шляпа надвинутая чуть ли не на глаза, скрывала хмурый взгляд старого моряка, но не скрывала толстых щёк, покрытых черной смолистой бородой, с редкими седыми перьями и волосками. Солидная борода росла практически до самых глаз, плавно переходя в густую гриву волос, кое, где выбивавшихся из-под шляпы.

- Твой земляк, Карл. Старина Фридрих, капитан и владелец на паях вот этого прекрасного корабля. – Представил капитана Дионисий.

Ну раз земляк, то Карл заговорил с ним на немецком языке. Два немца всегда поймут друг друга, если не перепьют пива.

- Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, барон из Саксонии, поданный его сиятельства герцога Карла. Отчеканил по-военному Карл.

- Да не кричите вы мне в ухо ваше благородие, я прекрасно слышу. Как уже сказал Дионисий, я Фридрих Борг из Гамбурга, судовладелец и капитан, этого прекрасного и скоростного флейта под именем «Святая Якобина», да за одно и купец в одном мешке, с салом, хе-хе-хе.

Оказалось, что Фридрих не такой суровый, как выглядел на первый взгляд. Этот покори-тель морей, был большим весельчаком и душкой, но правда, только на суше. На своём корабле он становился самым дьяволом, держащим дисциплину на корабле в железных руках и ежовых рукавицах одновременно.

Поднявшись на борт, и расплатившись с капитаном Фридрихом, тремя рублями, карл был определен в маленькую каюту на корме судна. Всё в России по три рубля, магическая

цифра, Карл даже не удивился. Оказалось, что кроме него, на корабле, есть ещё пассажиры. Мужчина, судя по одежде из приказчиков со своей женой, как понял Карл, едут по делам службы. Идти по морю они должны были трое - четверо суток, в зависимости от силы ветра и каприза погоды, с остановкой в Ревеле, для выгрузки и погрузки попутных грузов.

Что такое морская болезнь, Карл почувствовал, на себе в прямом смысле слова. Выйдя утром на палубу, слегка покачивающегося, на волнах судна, и греясь на солнышке, как мартовский кот, прищурился от удовольствия, Карл принимал солнечные ванны. Давно он так не грелся на солнышке, и эту баронскую идиллию единения человека с морем и солнцем нарушили звуки, соответствующие звукам, реакции организма, после крепкой попойки. Второй пассажир стоял у борта и кормил рыб своим завтраком, его лицо было зеленое и очень страдальческое. Вот таким образом Карл узнал, что существует морская болезнь. Немного отдышавшись и успокоившись от увиденной картины, он проверил свой организм на возможные проявления этой самой болезни. Но ничего не почувствовав, посочувствовал попутчику и продолжил наслаждаться видами Балтийской природы, скупой и серой в будни и яркой и разноцветной на солнце. Ветер трепетал его длинные волосы, а запах моря проникал в легкие, разнося по организму полезные свойства местного воздуха, наполненного йодом и хвоей.

В Ревеле, пассажиры сошли на берег, и он остался один на один с командой и кораблём. Чтобы не тратить время зря, Карлу, по его просьбе был выделен боцман, который в меру своих сил, пытался объяснить Карлу предназначение такелажа, и при этом, не наговорить бранных слов. Он объяснил, что за снасти на судне, какие паруса используются, как идут по ветру, как придерживаются курса, как работает штурвал и как рулевой смотрит на компас. Не великая мудрость, но любознательному барону всё было интересно.

- Скажи любезный, а водятся ли в здешних водах пираты? – Поинтересовался Карл у боцмана.

- Как не водятся, водятся, да только немного, в мою бытность их ещё царь Петр, половину разогнал, а вторую половину повесил, да и флот сейчас присматривает за порядком. Но бывает, что и нападают. Ограбят купцов вроде нас и брысь, по шхерам, или за островами спрячутся. Обычно, пираты в открытом море встречаются, якобы они тоже купцы вроде нас, или рыбаки, а сами нападут, да ещё и из пушки будут палить, для острстки.

- А у вас есть чем отбиваться?

- А то, есть, конечно, у капитана сундук стоит с оружием, на всех хватит, да только на вооружённых пираты не нападают. Все жить хотят, ваше благородие.

На следующий день, Карл немного проспал, так его укачало в кровати, подвешенной к подволоку, что ему и вставать не хотелось. Как в люльке в детстве, но под шелест волны. Весь вечер и половину ночи, он стоял на вахте вместе с капитаном, и пытал его на тему хождения по звёздам. Фридриху очень понравилось, что навигацией интересуется молодой человек, и по этой причине он рассказал ему всё, что знал про звёзды, астролябии, хронометры и прочая, прочая. Но суровый вроде на вид капитан, расчувствовавшись, о тяги к морским наукам Карла, даже дал ему порулить штурвалом, показывая вместе с рулевым как надо правильно рулить. Стоя за штурвалом на корме флейта, Карл, вспомнил свой сон, и посчитал его вещим, так как он стоял и рулил, правда, не было шторма, и никто не ругался за спиной, а может он и не слышал.

- Скажите Фридрих, а вы смотрели на Луну когда она большая?

- А что на неё смотреть, Луна и Луна, светит и не греет, только приливы и отливы создаёт.

- А может там есть жизнь на Луне, а мы просто не видим, Фридрих?

- Дорогой Карл, жизни на луне нет, абсолютно никакой. Со времен Галилея, люди смотрят в телескопы и подзорные трубы, и никто там ничего не видел. Умные головы рассмотрели всю эту Луну, да там есть горы и кратеры размером с океан, но жизни там нет, это точно. Правда, рассмотрели только с одной стороны. Другую сторону Луны, не видать.

- Вот видишь, не видать другой стороны, а вдруг они как раз там и живут, прячутся от нас и рассматривают осторожно, когда у нас ночь. Эх, дорогой Фридрих, слетать бы на эту Луну посмотреть, что там и как.

- Как ты на неё полетишь, ваше благородие, это невозможно.

- А если из пушки стрельнуть человеком и он долетит до луны.

- Долетит конечно, Карл, только в виде фарша, да и только на пятьсот ярдов от пушки вверх.

- Жаль, конечно, но я думаю, что когда ни будь, люди всё-таки смогут слетать на Луну и узнать правду. – Подвёл итог научному диспуту Карл.

Проглотив холодный завтрак, и к удивлению команды и капитана, Карл потребовал облить себя морской, забортной водой, стоя по пояс раздетым на палубе.

- Зачем это вам господин барон? – Поинтересовался боцман.

- Это я так закаляюсь, мне один поручик посоветовал, чтобы не мерзнуть зимой.

Конечно, барона облили водой, и не один раз. Никогда ещё команда Фридриха не видела такого зрелища. Молодой аристократ обливался водой из ведра, выливая забортную воду себе на голову и при этом, громко приговаривая – «Маловато, маловато будет!! Чёрт вас всех подери»

- Первый раз вижу, чтобы человек сам себя оморячил, да Фридрих? – тихо произнёс, чтобы другие члены экипажа не слышали, старый боцман, своему капитану.

- Хороший парень, из него бы получился бы хороший моряк, - посетовал капитан.

Судно проходило в проливе мимо острова Хийумаа в сторону острова Саарема, держась подальше от берега материка и прижимаясь к островам, дабы уменьшить силу встречного течения вдоль берега материка, благо ветер задувал хороший – мореходный.

- Капитан, справа по борту у острова в нашу сторону движется судно, без флагов, идёт на-перерез, - подал голос, вперед смотрящий с мачты.

- Что за чертовщина, на палубе, на вскидку, человек тридцать и все вооружены, не уж-то это островные пираты на разбой вышли. Давно я о них не слышал. Нет, я не дам никому свою ласточку на разграбление. Экипаж к бою, боцман со мной за оружием, барон спрячьтесь в каюте, вас они по любому не тронут.

- Ещё чего, я может всю жизнь мечтал в абордаже поучаствовать, а вы мне спрячьтесь,

- Ни – Ко- Гда! Я тоже вооружен и очень опасен, я шайку душегубов, зимой под Изборском брал, а тут какие-то пираты. Мюнхгаузены никогда не отступают, капитан.

- Тьфу, - сплюнул капитан, то ли на пиратов, то ли в адрес непоседливого барона, - принесла же нелёгкая.

Карл быстро зарядил свои пистолеты дробью, обнажил шпагу и кинжал, скинул кафтан и камзол, оставшись в одной рубахе, прилипшей к ещё не просохшему от купания телу и треуголке надвинутой на брови, из под которой торчали мокрые волосы. После чего, он поднялся на палубу, где команда судна, уступающая по численности команде пиратов, вооружилась саблями и пистолетами, и была готова к отражению атаки. Капитан стоял на мостике у штурвала, боцман руководил на палубе, готовясь к обороне.

- Парни! Как только они подойдут, по команде капитана, быстро встаём из-за борта, и делаем залп из всего, что стреляет, а дальше как Господь Бог на душу положит. Вас барон это тоже касается, тут один за всех и все за одного.

Карл почувствовал, как молоточки застучали у него в голове, сердце забилось быстрее, но дрожь в руках не было. Он только прикидывал расстояние до приближающегося корабля и ждал момента, когда можно выстрелить. В воздухе взвились абордажные крюки-кошки на цепях, и с тупыми ударами о дерево вцепились своими когтями в борта. Рубить их было бесполезно. На пиратском корабле толпа пиратов, уже стояла у борта и улюлюкала, постреливала из оружия, и кричала не пойми чего, ругаясь на разных языках, подбадривая себя перед схват-

кой. Пираты считали, что одинокий флейт, у берегов островов лёгкая добыча, но они не знали, что на борту находится барон Мюнхгаузен, потомок воинов и рыцарей, ходивших в крестовые походы, и он жаждал битвы, а ещё, ему было бы жаль, если бы эти оборванцы, захватили его плащ с волками и глаженные в стрелку сапоги.

Раздался дружный залп с пиратского корабля, пули ударили в фальшборт, пронеслись с визгом над головами, побили мачты и задели канаты, может, кого и достали, так как послышались стоны и проклятия, но явного преимущества выстрелы, пиратам не принесли. Корабли ударились бортами, заскрипели доски и снасти от мощного толчка.

Уже слышен был топот каблуков на пиратском корабле, когда над палубой судна Фридриха разнеслась команда – «Огонь, сукины дети, огонь!». Карл вскочил из-за борта и вскинув два своих немаленьких пистолета, выстрелил в группу пиратов готовившихся к abordажу. Из стволов пистолетов, вырвались, жужжа, как дикие осы, свинцовые дробины, сопровождающие свой полёт огнём и грохотом,. Понеслись к перекошенным лицам пиратов и впились в их лица, тела и конечности, что попались им по пути, нанося смертельные раны или кровавые ранения. Другие матросы Фридриха, так же произвели по выстрелу в кучу нападавших бандитов и схватились за сабли, пока пороховой дым не рассеялся.

Эх, молодость, молодость, не дожидаясь, когда весь дым будет снесен ветром, Карл перепрыгнул через борта и воткнул свою боевую шпагу в чье-то брюхо в грязной рубахе.левой рукой, он наотмашь, как саблей полоснул острой дагой по чьей-то руке, оставив на одежде кровавый след. Кровь ему ударила в голову, как снаружи, так и изнутри. Он колол, рычал, ругался на русском языке, переходя на немецкий, отбивался от ударов сабель пиратов, уклонялся и крутился как волчок, пока его шпага не застряла, в ребрах поверженного им разбойника. Он просто не смог её вытащить, даже уперевшись сапогом, в мягкий живот поверженного пирата. Бросив это занятие, Карл вырвал, из пока ещё не окостеневшей руки пирата, abordажную саблю и пустил её в дело, мысленно благодаря, поручика Павленкова за его уроки сабельного боя. Постепенно, моряки Фридриха перерубили основную массу пиратов и стали теснить оставшихся на корму, где осталась небольшая кучка нападавших во главе со своим капитаном.

- Сдавайтесь сучье племя, или мы вас пустим потрошеными, на корм рыбам. – Раздался голос Фридриха, перебравшегося на борт пиратского корабля и выглядевшего как и сами пираты, с саблей в руках и со зверской физиономией.

- Чёрт с вами, ваша взяла, ребята бросайте оружие, мы сдаёмся. Не повело братцы нам сегодня, не повезло, - и капитан первым бросил свою шпагу на палубу. После него это сделали и оставшиеся несколько человек команды. Когда оружие было сброшено на палубу, раздался дружный гром голосов победителей. И в этот момент прозвучал приглушенный выстрел, прозвучавший из группы сдавшихся пиратов. Удивлённые пираты расступились и все узрели, что на палубе распласталось тело капитана разбойников с окровавленной раной в груди. Рядом валялся дымившийся пистолет. Он не хотел суда над собой. Он прекрасно понимал, что его или четвертуют, припомнив все грехи, или повесят на городской площади.

Всех пленников спустили в трюм флейта, связав им руки и ноги и выставив стражу у корабельного люка. Сидеть в темном трюме, предстояло им не долго, на горизонте уже выплывала Рига, а по Рижскому заливу рыбаки разносили весть о том, что пираты напали на торговый корабль.

«Святая Якобина» не торопясь, как настоящая победительница, шла под всеми парусами, держа на привязи как побитую собачонку, пиратский корабль, оказавшийся балтийской двухмачтовой шнявой, с грозным именем «Громобой». На «Громобой» перешла часть команды, поддерживать ход и управляться минимумом парусов, а остальная часть команды зализывала раны. Как оказалось и барону тоже досталось, на что он в ходе сражения не обратил внимания, так как весь был в крови, и он считал, что в чужой.

Сняв с себя рубаху, и бросив её на палубу, Карл потребовал, опять облить его забортной водой, чтобы помыться после свалки.

- Давайте парни, прополоскайте меня как следует, а то я уже весь чешусь от пиратской крови. – Потребовал от матросов барон.

- Это мы мигом ваше благородие, весело ответили матросы - и ведро холодной воды вылилось на Карла, смывая розовыми ручейками, уже засыхающие пятна крови.

После второго ведра, уже медленно вылитого, кто-то из матросов присвистнул от удивленного. - Ваше благородие, так вы того, ранены.

- Пустяки, царапины, - весело произнёс Карл, стряхивая воду, ладонью с лица.

- Да нет Карл, это не пустяки, я у тебя насчитал три резаных раны на спине, правда не глубоких, а мелкие порезы и щепки под кожей не в счёт. – С этими словами, Фридрих выдернул длинную занозу из под правой лопатки Карла, которая тут же закровила.

- Ааааа, бл...ь, донер ветер, б...ь, твою мать, едрить через коромысло, шайзе, чёрт рукастый, ты меня сейчас сам прикончишь. – Закричал на весь Рижский залив, а там и на всё Балтийское море, барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, Ганноверский гвардеец, личный посланник и паж, при принце Антоне Ульрихе.

- Да уж, насобачился барон по нашему, - проворчал себе в бороду, матрос, явно русский по происхождению.

- Братцы, он так дрался, так рубился, сам видел, ей Богу, как он пятерых порубил, - внёс свою лепту в славу барона, ещё один голос.

И ещё многие голоса подтвердили, что барон прекрасно владеет шпагой и саблей, но в горячке боя, мог и не заметить, как его полоснули. Такое часто бывает.

-Что оставились черти, окатите ему спину, чтобы кровь смыть, да кладите его на палубу. Будем лечить. – Авторитетно приказал капитан.

Очередное ведро, выплеснулось на многострадальную спину Карла, смывая сукровицу из мелких ран и потёки из глубоких.

- Аааа, чтоб вас всех разорвало каналы, щиплет же. – Уже не так громко и выразительно, выругался Карл. Его спину щипало от морской воды, и он всеми участками своей кожи уже знал где находятся раны, которые щипали от морской воды.

- Прошу на кроватку, ваше благородие, будем вас лечить, - похлопав по мокрой палубе своей лапицей, предложил боцман.

Несмотря на то, что лапы боцмана были грубы и в мозолях, он быстро и крепко перебинтовал Карла чистыми отрезами ткани, перед этим помазав раны, какой-то вонючей мазью, после чего повелел матросам тащить его в каюту капитана и положить на кровать спиной вверх. Скоро будет порт, а там и лекарь и аптекарь, так что жить долго и счастливо, Карл будет, если раньше времени не прибьют, на какой ни будь войне.

Разбудили раненого барона голоса, в каюте капитана, что-то нудно и долго говорившие на русском языке.

- Ну что герой. Очухался? Сейчас мы с тебя показания возьмём, всё запишем, всё чин по чину, на бумажечку, а потом после дознания, в суд передадим. Лиходеев пиратов повесим на торговой площади, и все будут довольны. Так как , говорите ваше имя, ваше благородие.

- А вы кто любезный, что смеешь тревожить больного человека, кровь пролившего в борьбе с мировым пиратством, - шутя высказался Карл.

- Ах, да, забыл представится, Серж Гаврилов, начальник портовой полиции славного города Риги, к вашим услугам.

За столом капитана, сидел, средних лет мужчина, широкий в плечах. В его крепких руках перо, смотрелось как зубочистка, перед ним были разложены бумаги и стояла чернильница, куда он время от времени, макал своё перо. Он улыбался Карлу своей доброй улыбкой, рас-

плывшейся на типично русском лице. Мощная шея, была обвита белым шейным платком, а на плечах кургузился, видно немного маловатый, синий кафтан полицейского.

- Карл Мюнхгаузен я, господин полицейский, паж принца Антона Ульриха, следую в Ригу по делам службы.

- Что-то имя мне ваше знакомо, дорогой Карл, читал я в бюллетене зимой. Вроде бы вы шайку выловили на почтовом тракте.

- Ну не один я её выловил, ещё люди были, а так да, руку приложил к сему важному событию.

Карл дал очередные объяснения, очередному полицейскому, и уже хотел было встать с кровати, перевести себя в сидячее положение, как от Гаврилова последовал ещё один вопрос.

- Скажите Карл, а вот тут недавно я опять читал, о том, что кто-то в столице, вроде как и имя у него Карл было, устроил непотребство с обучением лошадей немецким песням, вы случайно не в курсе.

- Брехня господин Гаврилов, полная брехня.

- Можно просто Серж, Карл, мы же с вами дворяне, хоть я и старше.

- Честно признаться, я такого не помню, Серж. Помню, пели и плясали на столах, помню, хотели по Луне стрелять, кабанчика жареного помню. Помню утро судного дня, когда меня и моих товарищей трактирщик дядька Денис водой обливал, ещё суп помню горячий, а вод лошадей не помню, честное слово, Серж. Клянусь своей треуголкой.

- Наш человек, хоть и немец. Да к тому же и молодой, ещё. – Подумал про себя Гаврилов, а вслух сказал, - А где жить будете в Риге, Карл. А то у нас судья не любит, чтобы свидетели пропадали и на суд не ходили.

- В постоялом дворе, где же ещё. Может быть, посоветуете какую поближе к центру и не дорожую.

- Есть один такой на примете – «Вдова и Луна», очень приличный постоялый двор, лучший на всём побережье.

Через два часа, в сопровождении двух матросов, один из которых помогал Карлу вылезти из кареты, а второй шустро тащил баул и мешок Карла, господин барон вошёл на постоялый двор в предвкушении приличного ужина и хорошего сна.

- Есть только комната под крышей, господин барон, как раз для одного путешественника, - предложил хозяин двора.

- А Луну видно из окна?

- Всякий раз, как наступает ночь, господин барон.

- А вдовы тоже, как наступает ночь, появляются, - пошутил Карл.

- Вдовы на соседней улице, господин барон, круглосуточно, - без тени юмора ответил хозяин.

Глава 7

7. Кресло судьи.

После вкусного обеда, сидя в своем кабинете, у раскрытого окна, через которое в комнату как светлые дорожки проникал солнечный свет, судья раскуривал свою любимую трубку с душистым табаком, пуская клубы дыма через открытое окно на улицу, а точнее на площадь перед зданием суда. Немного отвалившись назад, на мягкую спинку кресла, он получал удовольствие от хорошего табака, от обеда, приготовленного не какой-то кухаркой, а самым настоящим поваром, принятым им на службу к себе в дом, всего-то около года назад. Получая послеобеденное блаженство, и настраиваясь на работу, судья поёрзал на сидении своего судейского кресла. Это было особенное кресло, переделанное из обыкновенного казенного кресла судьи, которое он привез с собой с прежнего места службы. Кресло переделано и перешито по его собственному чертежу местными умельцами. На первый взгляд, это обыкновенное кресло, но с небольшими переделками, необходимыми для длительного сидения. Спинка была мягкой, обшита синим бархатом, с возможностью придавать ему два положения, прямое и слегка откинутае назад, а вот сидение, было жёстким, но тоже обшито синим бархатом. Под сидением находился скрытый от глаз людских выдвижной ящичек, в котором лежал небольшой пистолет, готовый к бою. Имелись, так скажем прецеденты, но не судебные, а скорее после судебные, когда судье приходилось защищаться от возмущённых приговором родственников осужденного. А вот сидение было жестким не просто так. За всю свою карьеру, судья пришел к выводу, что на жестком сидении лучше думается, активизируется память и повышается работоспособность. А на мягком сидении не охота много думать и тем более работать. Был ещё один момент. Его предшественник в этом кресле, пожаловался, что от сидения в этом кресле он заработал болезнь, которую сам не посмотришь, да и другим не покажешь. И вот во избежание этой болезни, и было убрано мягкое сидение, и заменено на жесткое. Ведь известно с древних времен, - «Если болит голова, то седалищу легче, а вот ежели, болит седалище, то голове легче». Достигнув, таким необычным образом, гармонии головы и седалища, судья работал не покладая рук на ниве борьбы с преступностью. Сегодня он получил рекомендации от главы города и представителя Лифляндского губернатора, по простому вроде бы делу. Нет, никто не рекомендовал ему отпустить супостатов, все прекрасно знали характер судьи, просто попросили ускорить судебное следствие и вынесение правосудного приговора, на его усмотрение. Ну как не уважить уважаемых людей города, надо посмотреть, что получится.

Судья городского суда Георг фон Дунтен, рассматривая материалы дела к судебному заседанию, по обвинению в пиратстве, жителей острова Саарема, а так же одного беглого галерника, несказанно удивился, когда прочитал протокол опроса Карла Мюнхгаузена. Нет, там всё было по делу, увидел, вооружился, истребил половину пиратов, получил ранение и всё. Но что-то задело сознание старого юриста, какой-то маленький факт. Будучи педантичным человеком, а особенно когда дело касалось его службы, судья Дунтен, ещё раз перечитал протокол. Вроде всё нормально, всё то же самое, однако.... Первый лист! Анкета свидетеля! Так, так, так, место рождения – не то, дата рождения, 11 мая 1720 года. Так он по законам Российской империи ещё не дееспособный!! Вот это да, да ему семнадцать лет только, а он уже успел на шпагу пиратскую шняву взять. Ну, правда не один, а с командой старого Фридриха, известного на всю Балтику купца.

«И что мне прикажете делать, вызывать ему адвоката, за счёт казны Риги, как мне его допрашивать? А может провести суд после 11 мая, тогда ему исполнится 18 лет и всё, вопросы решены. Есть одно «НО» сверху требуют скорейшего и справедливого суда над пиратами и естественно справедливого суда. Надо подумать, как выкрутиться из этой щекотливой ситуации. Сразу после суда бургомистр на ратушной площади решил вместе с городским советом,

провести праздник весны. Они что решили два зрелища совместить? Сначала суд, а потом праздник, нельзя что-ли их провести с разницей дня в два?» Дальнейшее ознакомление с протоколами допросов обвиняемых приятно порадовало судью. Все без исключения пираты признали свою вину, раскаялись и просят их пощадить. Вот оно решение, молодцы пиратики. Сейчас я попрошу начальника тюрьмы передать им, что если они и в суде подтвердят свои показания, и не будут настаивать на допросах свидетелей, то всем вместо виселицы, добрый судья фон Дунтен, определит десять лет каторги или на галеры на тот же срок.

Пока судья фон Дунтен, решал вопросы скорейшего правосудия, его несовершеннолетний свидетель, а может и потерпевший, лежал на кровати в своём номере. Барон всё это время лечился в своей комнате, на постоялом дворе, раны его не болели, а только чесались под повязками, но самое лучшее лекарство в Риге, от ран и особенно от ран постоянно чешущихся, - местный Рижский бальзам. Маленькими глотками, бальзам проливался на его неуёмную душу, всего двумя ложечками утром и двумя ложечками вечером. Его комната напоминала проходной аптечный двор, все кому не лень приходили справиться о его здоровье, начиная с капитана, которого задержали в порту до разбирательства, оканчивая полицейским Гавриловым, который ему сообщил, что скоро будет суд над пиратами, и может ли Карл прийти на суд и дать показания.

- Я конечно готов подтвердить свои показания, но мне что-то не здоровиться, - принялся увивать от своих обязанностей Карл.

- А что мне, сказать судье?

- Так скажи, что барону не здоровиться, он весь в бинтах, ничего не ест и ничего не пьёт, кроме Рижского бальзама.

- Карл, я конечно доложу, но всё на усмотрении судьи.

- Ну, упроси судью, как-нибудь, ты же его давно знаешь.

- Уговорил, поговорю с судьей, но с тебя в праздник весны хорошая кружка пива, идёт?

- Отлично Серж, отлично. У меня к тебе маленькая просьба, я чуть не забыл, сможешь?

- Выкладывай, уж чего уж там, семь бед один ответ.

- Скоро в Ригу прибудет посланник герцога Карла, Александер Гофман, он же должен в полиции отметить подорожную, вот и сообщите ему, где я нахожусь, я должен его сопроводить в столицу.

- Непременно сделаем Карл.

Вечером того же дня, судья выслушал Гаврилова и решил, что свидетель Мюнхгаузен действительно болен после схватки с пиратами, и вообще доказательств и без него хватает. - А Гаврилов молодец, подстраховал меня, надо будет что-то к именинам ему подарить. Ведь такое дело сделал, уговорил свидетеля сказать больным и не ходить в суд. Молодец, полицейский Гаврилов, далеко пойдёт. - Обдумал судья хорошо сложенную им в уме комбинацию.

Суд прошёл, как и планировал судья. Разбойники прилюдно покаялись, и во всём признались, свалив на капитана грехи явные и неявные, который как-то вовремя застрелился. Свидетели, из числа команды «Святой Якобины», полностью подтвердили свои показания, так что в показаниях больного Мюнхгаузена, не было никакой нужды, так строчка в протоколе, о том, что показания барона Мюнхгаузена, оглашены секретарём заседания, ну а прокурор только за. Что время тянуть, вечером праздник в городе, с пивом плясками и весельем.

Приговор, как и ожидалось, был суров, но справедлив. Все пираты, вместо того, чтобы быть повешенными, получили немаленькие срока каторжных работ, заменённые службой на тот же срок гребцами на галерах императорского флота.

- А теперь домой, переодеться, взять детей и отмечать праздник весны. - Сам себе дал указание городской судья Густав фон Дунтен, счастливый отец семейства, владелец прекрасного дома на улице Паласта.

- Папа, папочка, а правда ты нас возьмёшь с собой на праздник? – Спросила девочка, заглядывая с надеждой в глаза, к вернувшемуся со службы отцу.

- Конечно возьму, моё солнышко, - ответил Якобине, судья фон Дунтен, поднимая своё сокровище и целуя её в лобик.

- Густав, мальчик мой, ты готов к празднику? – Спросил Георг фон Дунтен, своего повзрослевшего сына.

- Папа, я ещё с утра жду тебя, и давно готов создать общность семьи. Па, а ты в курсе, что весь город говорит о твоём сегодняшнем деле, в народе говорят, что ты справедливый судья, - ответил сын.

- Прекрасно дети мои, собирайтесь, и через полчаса выходим на праздник. – Дал указание детям счастливый отец.

- Папа, а как так получилось, что суд сегодня, ведь могли бы отложить дело на потом. – Поинтересовался будущий юрист практик, у действующего юриста практика.

- Мне и самому удивительно сын мой, сначала планировали праздник, а уж потом, должен был пройти суд, но сверху решили, - городу провести праздник и суд одновременно. Чтобы народ гордился своими властями. Как бы дополнительный плюс к веселью.

Густав пожал плечами, ему студенту юридического факультета Рижского университета, было понятно желание властей не усугублять ситуацию с пиратами. Половина этих пиратов были местными, имели родственников в городе и на островах, так что, получив смешной срок, власти уладили возможные последствия негодования, а тут ещё и праздник, так что через неделю никто и не вспомнит, что был суд над разбойниками. Хотя, сущность начинающего юриста была против такого Соломонова решения, пираты должны были получить по заслугам.

На городской Ратушной площади, народ веселился во всю широту своей латышской души, а с учётом того, что город был частью Российской империи, к латышской душе присоединилась и не менее широкая русская душа. Девушки, в цветастый народных платьях, водили хороводы, пели прелестными голосами, латышские народные песни, постреливая глазками на молодых парней. Парни, кому позволяли родители, попивали свежесваренное пиво, в специально отведённых местах. Но никто не напивался, главное показать себя, познакомиться с девушками, а там как сладится. Густав со своей компанией студентов, пили пиво, рассматривая красавиц в хороводах, оценивая их стать и возможность познакомиться. Рядом с их компанией не торопясь попивал пиво и молодой корнет, судя по форме из Германии, правда в одиночестве.

- Эй, приятель, а ты что один, где твои друзья? – Задал вопрос Густав, обращаясь к корнету, в глаженных сапогах, со стрелками.

- Мои приятели, дружище, кто в Санкт-Петербурге, а кто, только едут в Санкт-Петербург, - ответил корнет, оторвавшись от кружки и улыбнувшись студентам.

- Так давай к нам в компанию, присоединяйся барон, - предложил Густав, - чего одному маяться.

- Да господин барон, присоединяйся к нам, всё веселее будет, - поддержали Густава друзья.

Карл, с кружкой подошёл к компании молодых людей и представился, - Карл фон Мюнхгаузен, паж его светлости Антона Ульриха.

- Густав фон Дунтен, студент, и не паж, - в свою очередь, весело представился, Густав.

В этот вечер, студенты Рижского университета, были обогащены знаниями о том, как выжить в русском лесу, в лютый холод, как париться в бане и пить «первач». В прошлый раз, Карл был в Риге проездом, только купил лошадь, да переночевал в трактире на рынке, так он торопился на свою службу. Пять месяцев назад, он даже не рассмотрел город, только дым из труб и утренний туман над городом. А сегодня он обрёл нового друга Густава и познакомился с несколькими студентами.

- Парни, Карл, пойдём к девушкам танцевать, сейчас будет хоровод с парнями, - бросил клич Густав.

Все приняли предложение на ура, и студенты с примкнувшим к ним Карлом, присоединились к танцующим девушкам. Танцевали парни в хороводе, державшись, за руки с девушками, через одного, оттеснив опоздавших городских парней. Музыканты старались во всю своих могучих лёгких, выдувая народную музыку на трубах. К удивлению Карла музыканты играли не только латышские мелодии, но и пару раз знакомые ему по Германии песенки. После нескольких кругов музыка стихла на перерыв, а точнее на добрую кружку пива за счёт казны города, для старавшихся весь вечер музыкантов.

- Карл, в вон мой отец стоит, скучает вместе с городским советом, пойдём, я тебя с ним познакомлю, он отличный родитель, и совсем не строгий. – Густав взял Карла под локоток, и отвёл к группе почётных граждан города, выделявшихся не только дорогими тканями в одежде по последней моде, но и по пивным животам, говоривших об их недостатке. Но Густав подвёл Карла к мужчине лет под пятьдесят, одетого во всё черное, с очень умным лицом, и с полным отсутствием, даже намёка, на пивной животик. В руках он держал бокал красного вина, наполовину отпитого за весь вечер, и с живым интересом рассматривал гуляющих горожан.

- Папа, позволь тебе представить моё нового знакомого, это гость нашего города, барон Карл фон Мюнхгаузен. – Представил отцу Карла, Густав.

- Приятно с вами познакомиться молодой человек, надеюсь вам нравится в Риге? Как вам местные девушки, наверное, уже познакомились с кем? – С улыбкой поинтересовался отец Густава.

- Нет, ваше благородие, ни с кем, кроме студентов, я не познакомился, но девушки в Риге очень красивые. Надеюсь, познакомлюсь со временем. – Ответил Карл.

- Ребята, вы молодцы, но держите себя в руках, много не пейте, ведите себя пристойно, чтобы ваши отцы не огорчались. И не лезьте ни в какие ссоры, дети мои. Карл, а ваш батюшка знает, чем вы занимаетесь в Риге? – Поинтересовался Георг фон Дунтен.

- Я безотцовщина, ваше благородие, меня воспитывал герцог Фердинанд, а потом его сын Карл, у себя в замке.

- Не знал Карл, извините, пожалуйста, а сейчас, дети мои, будут парные танцы, это я вам по секрету говорю, так что выбирайте девушек и идите к ним первыми, не стесняйтесь, веселитесь, - закончил отец нравоченья своего сына с другом.

Так вот значит, как ты выглядишь, господин барон Мюнхгаузен, неудивительно, что половину пиратов порубал и заколол, вон какой детинушка вымахал, пусть дружат парни, я не против. Тоже мне, большой несовершеннолетний свидетель. – Ухмыльнулся в душе, Георг фон Дунтен, городской судья и любящий отец.

А праздник продолжался, напоминая, что зима отступила, пришла весна, солнце согревает котлов на крышах, девушки как цветы расцвели после зимних холодов, скинув с себя тёплые одежды, кружились в танцах на Ратушной площади Риги, держа дистанции в танцах со своими кавалерами. Мамаши высматривали себе будущих зятьёв, подталкивая своих дочек, засидевшихся в девках, и указывая взглядами на претендентов. Один из этих претендентов был прямо таки нарасхват, кружился в танцах с уже третьей девушкой, пытаясь сократить установленную правилами дистанцию. И только благодаря тесноте, когда пары сталкивались, девчонки прижимались на миг к телу кавалера, а потом под взглядами родителей смущаясь, отодвигали от себя своего партнера. Но и этого мига хватало молодым, почувствовать искру страсти, взаимно проникающую между молодыми людьми. Часы на башне пробили полночь, и праздник закончился, но искры страсти и любви уже сделали своё дело, не давая молодым людям уснуть до рассвета.

Буквально через два дня после праздника, в томный приморский вечер, не предвещавшего никаких новостей, ни хороших, ни плохих, когда с залива тянул лёгкий приятный вете-

рок, в комнату, занимаемую, бароном Мюнхгаузеном, без всякого стука, ввалился его старый друг Алекс Гофман. Внук, по материнской линии, состоятельного барона фон Хоима. Это был его старый приятель по жизни во дворце герцога, с которым он вместе с Антоном пуд соли съел.

- Карл, дружище!!! Я тебя всё равно нашел, от меня не спрячешься, я тебя нюхом чую за три мили.

- Алекс, ах ты плут, дружище, нашёл меня всё-таки, - обнимая и похлопывая по спине старого друга, радостно проговорил Карл. – Как добрался, здоров ли, голоден ли, остановился где? И запомни, в России вёрсты, а не мили, - уточнил Карл.

- Всё в порядке дружище, через Гданьск на корабле добрался, только с порта, а там полицейский мне сказал, где тебя искать, так что принимай гостей Карл.

- Ты что, не один что ли?

- Я со своим шурином приехал, он внизу сидит, ждёт твоего разрешения подняться в номер, он у меня скромный парень и очень ответственный.

- Так зови его скорее, Алекс. Твой шурин, мой шурин, рад новым родственникам, ха-ха-ха. – Весело рассмеялся Карл.

Шурином Алекса, оказался бывший военный Андреас Таутфест. В комнату вошёл, чуть пригибаясь в дверном проёме, и стараясь зайти немного боком, высокого роста молодой человек под 30 лет. Практически с Карла ростом, даже чуть выше, очень широкий в плечах, и с мускулистыми руками. На его мощной и необъятной шее, как не положено в армии, болтался черный солдатский шейный платок. На бритой наголо голове, еле умещалась треуголка, сдвинутая на правый бок. Одет он был в форму сержанта тяжелой кавалерии, Баварского герцогства, его слегка помятая треуголка, пропахла порохом и конским потом. В отличии от Алекса и Карла, Андреас был скромный и неразговорчивый, скрывающий свои эмоции, но тут он позволил себе улыбнуться и пожать руку Карлу, от чего рука Карла, чуть не отсохла. – Хорошо, что не обнимались и не хлопали друг друга по спине, он бы своими лапищами мне бы все ребра сломал бы, - подумал про себя Карл, подивившись силе рукопожатия.

В отличии от Андреаса, Алекс на оборот был чуть ниже Карла, но старше возрастом Карла, года на два. Он был обыкновенным Саксонцем, сыном дворянина фон Гофмана, из маленького городка Оснабрюк. Его отец, служивший в гвардии ещё при герцоге Фердинанде, вышел на пенсию и поселился в своём доме. Никогда не бедствовал, благодаря наследству дедушки Алекса, фон Хоима. Когда Алекс подрос, и как только смог сидеть в седле, был тут же определен любящим отцом, на службу в свиту герцога, где и взял негласное шефство над Карлом. У Алекса было приятное лицо, прямой и чуть вздернутый нос и умный взгляд, всегда укоризненно смотревшего на потуги юного Карла в тренировках со стариной Фрицем, или когда Карл имел слабость увильнуть от обучения. Как только Карл попал в пажи, благодаря своему росту, Алексу оставалось только смотреть и вздыхать. Но однажды, Антон, предложил Алексу, стать пажом в его свите. Дав согласие и вступив в должность, Алекс по-другому взглянул на Карла, и тот понял, что он не отвергнется. Но как-то так получилось, само по себе, совсем юный Карл, стал другом Антона, а Алекс только присоединился к этой парочке дворцовых возмутителей спокойствия.

В возрасте восемнадцать лет, он женился на Марианне, дочке зажиточного бюргера, у которой была старшая сестра Регина, бывшая замужем как раз за Андреасом и проживавшая в месте дислокации его полка в Мюнхене. Большое расстояние, между городами, не помешало дойти весточки из Ганновера в Мюнхен. Весть была кстати. В России набирают солдат и офицеров в кирасирский Брауншвейгский полк, что очень кстати, ибо контракт с Баварским герцогом закончился для Андраса, ранением при делёжке королевских прав на престолы, то ли в Австрии, то ли в Венгрии, то ли вообще с турецким султаном. Воспользовавшись предложением Алекса, он и составил ему компанию, как ближайший родственник, в путешествии в Санкт-Петербург.

Отмечая, встречу старого приятеля и его родственника, в трактире при постоялом дворе, молодые люди решили двигаться в столицу морем, так быстрее и надёжнее, как уверял Карл. Кроме того, после первой кружки пива, Алекс предложил выпить за здоровье своего родственника, ибо он родился второго мая, то есть вчера, у Андреаса не было возможности отметить свой день рождения, который прошел на палубе купеческого судна, так что надо компенсировать и отметить сие событие как следует.

Как назло, никто из капитанов не имел намерения в ближайшее время брать курс на Санкт-Петербург, а узнав в Карле того самого юношу, который принял не последнее участие в захвате пиратского корабля, вообще это время откладывали на неопределенное время. Приятели уже почти отчаялись, пока Серж Гаврилов не намекнул им, что вечером сего дня, в порт войдёт фрегат Российского флота, ровно на сутки, а потом он пойдёт в Санкт-Петербург, а точнее в Кронштадт. Вот на нём и нужно им идти, главное договориться с капитаном. Такое деликатное дело, Серж берет на себя.

- Рравняйся, смиирна. Слушай мою команду... Так началось утро на Российском фрегате Балтийского флота «Россия», матросы занимались своими морскими делами, а подпоручик морской пехоты Павел фон Шумлянский, гонял своих пехотинцев, повторяя приёмы оружейной стрельбы и фехтования тесаками и абордажными саблями. Вот на эти тренировки и вышли посмотреть из своей каюты морские путешественники, принятые на борт ворчливым капитаном фрегата, ирландцем на русской службе Уильямом Вильстером. Им повезло, что они все из Германии, а один так и вообще из Баварии, а то капитан нашёл бы десять отговорок отказать англичанам, французам и прочим датчанам. Но немцы его вполне устроили, орднунг унд дисциплинен, да ещё и три шпаги к плутонгу морских пехотинцев. Серж Гаврилов быстро договорился с капитаном, намекнув, что двое пассажиров из зимнего дворца не вылезают, а один просто при них охранник. Существенные доводы были подкреплены небольшой денежкой на прокорм путешественников, которые на ура поедали матросскую еду и хвалили кока.

Никто на корабле не может находиться без дела, и подпоручик привлёк троих путешественников к обучению фехтованию своих солдат. Плутонг был разбит на четыре десятка, и каждому досталось в обучение по пять человек, вместе с капралами. Очень захватывающе проводились уроки фехтования, ведь у каждого своя школа.

Андреас учил рубиться в строю, прикрывая товарища, как в древнем Риме, Алекс больше уделял внимание индивидуальной дуэли, а вот Карл рассказывал, как он махал своей шпагой, а потом саблей при абордаже. Свои уроки он комментировал, рассказывая о недавнем абордаже, и демонстрировал абордажную саблю, страшную и грозную на вид, с широким лезвием.

Эта сабля была подарком капитана Фридриха, доставленная сразу после праздника в комнату Карла самим Фридрихом. Пиратская шляпа, как законный приз, была выставлена на продажу городским советом. И естественно, этот приз ушёл к самому Фридриху, по праву первой ночи. Но дело в том, что пока трофей шёл в Ригу, Фридрих нашёл значки капитана и на эти деньги, он и выкупил шляпу. Как капитан, захвативший пиратский корабль, Фридрих получил часть призовых денег от продажи шляпы, самому себе, а часть забрал городской совет.

- Карл, по морским обычаям, тебе причитается, часть денег от приза и часть денег от значки капитана как трофеи. – Фридрих с этими словами передал Карлу увесистый кошелек с серебряными талерами. - Тут тебе на безбедную жизнь в столице на год хватит. А вот и от меня подарочек, - с этими словами капитан положил на стол сверток из мешковины, раскрыв который, Карл узрел ту самую абордажную саблю, которой он махал на палубе, а так же просто саблю в красивых ножнах и английский морской кортик, больше похожий на тесак.

- Мальчик мой, пусть это будет начало твоей коллекции трофеев. Повесишь у себя дома на стене на ковре и будешь внукам рассказывать, как ты сражался с пиратами, правда, если ты доживешь до этих благословенных дней, со своим то буйным нравом. Хе-хе. Хотя ты парень фартовый, приезжай почаще в Ригу, Карл. Я тебя со многими людьми познакомлю, женим

тут тебя, и станешь ты настоящим графом. Что-то я размечтался. Ну ладно, мне пора Карл, можешь не провожать, - Фридрих встал со стула, подмигнул Карлу и ушёл.

Разобравшись с трофеями и пересчитав деньги, Карл пришёл к тому же выводу, что денег хватит не на год конечно, но до безбедной старости их точно не хватит. Больше всего, его порадовало, конечно, оружие, которым он похвалился, перед своими друзьями.

- Ты что участвовал в abordage Карл? - Сначала не поверил рассказу барона Алекс, а затем и Андреас.

- Так об этом весь город знает, и уже суд был над пиратами, но меня по болезни туда не пустили. - Немного опечалился Карл. - Клянусь своей треуголкой.

Корабль шёл в Санкт-Петербург, подпоручик Шумлянский, ставший между друзьями, просто Паулем, не мог нарадоваться, тому факту, что у него тренирует солдатиков целый Баварский сержант, прошедший через три войны. В тайне он пытался склонить Андреаса подписать контракт на службу во флоте, жалко было упускать такого опытного бойца. Но Андреас, лаконично, по Баварски ему ответил, что он уже подписался на службу, а корабль лучше иметь свой и быть там капитаном. Иди куда хочешь, никто тебе и слова не скажет. Вероятно, это была его голубая мечта.

Впереди, в тумане рассвета, зазолотился в лучах утреннего солнца, шпиль Петропавловской крепости. Вот и конец задания Антона, хоть и провел барон в путешествиях и приключениях от силы недели две, он соскучился по русской бане, чаепитию с сушками, да и вообще хотелось отдохнуть у себя в кабинете и сделать очередную запись в своём дневнике. Посмотрев на сапоги, он обнаружил, что стрелки, наведённые на сапогах Фёдором, практически разгладились, - ничто не вечно в сапогах, - подумал Карл, рассматривая свои уже немного потертые сапоги. - Наверное, больше утюжить сапоги не буду, да и денег жалко.

- Держи Алекс, это деньги тебе на дорогу до Санкт-Петербурга, Антон передал, но как видишь, мы с кораблём не прогадали. И рубли сэкономили, и добрались быстро, так что ты теперь состоятельный человек, по местным меркам.

- Вот отлично Карл, а где мне предстоит жить? Во дворце или квартиру снимать?

- Я, например, снял дом, хочешь, живи у меня, а можешь и во дворце, тут как Антон решит, он тебе сразу определит твои задачи. Я уже привык, что в основном у меня – принеси – подай – сходи туда не знамо куда, принеси то, не знамо что. Может у тебя будет что другое. – Объяснил Алексу своё положение при дворе Карл, а сам подумал, что его задачи не у всех на виду.

Сердечно распрощавшись с экипажем фрегата, особенно с подпоручиком фон Шумлянским, троица почти родственников наняв экипаж, поехала в сторону дворца Антона Ульриха, докладывать о прибытии.

- В первый раз еду по городу в экипаже, - поделился своим мнением немногословный Андреас, рассматривая утренний город. - Всё верхом и верхом, во все города, которые мы брали.

- Вот и пользуйся случаем, дружище, получай блага цивилизации, наслаждайся видами красивого города. – Поучал Карл, Андреаса.

- Отпишу письмо Регине, что я как граф, еду в экипаже во дворец, а лучше пусть приезжает побыстрее, тоже покатается. – Сообщил Андреас.

- А долго ещё, Карл? – Поинтересовался Алекс.

- Да нет, дружище, пару мостов и мы на месте, тут всё недалеко. – Ответил Карл.

- Могли бы и пешком пройтись, посмотреть всё в округе. – Продолжил Алекс.

- Нет, друзья мои, это нам неуместно, раз уж мы едем во дворец, то только либо конным, либо как сейчас в экипаже или в карете. Это вам не «Хухры Мухры» – Блеснул знаниями языка, поставив точку в разговоре Карл.

Далее они проехали молча до самых ворот дворца, где стоял караульный капрал, неся свою нелёгкую службу и мечтая поскорее смениться и пойти поспать немного, до следующего заступления на пост.

Как и ожидалось, пришлось немного ждать появления принца на диванчике, у покоев принца, пока Антон со свитой не явился на завтрак или ранний обед, в зависимости от ситуации и настроения хозяина.

- Алекс, Карл, как хорошо, что вы вернулись так быстро, вот сюрприз так сюрприз. Вы что на крыльях домчались так быстро?

- На парусах ваша светлость, на попутном фрегате, всё-таки это ваше задание, а его надо выполнять со всем прилежанием и ответственностью, и да мы не одни, с нами шурин Алекса, он желает служить в Российской армии, но под вашим началом, мы же земляки всё таки. - Ответил Карл.

- Как прекрасно мой друг, я сейчас как раз формирую новый Брауншвейгский кирасирский полк, где я буду шефом полка, так что мне нужны хорошие офицеры.

- Кем вы были в армии короля мой друг, - обратился Антон к Андреасу.

- Я десять лет служил сержантом в Баварском кирасирском полку, ваша светлость. - Ответил по военному Андре. В первый раз в жизни, венценосная особа, назвала его "Мой друг"

- Подготовьте приказ о зачислении сего бравого баварца в кирасирский полк, на должность помощника командира первого эскадрона, с присвоением ему звания вахмистра кирасиров, для начала. - Приказал Антон своему секретарю, стоявшего у него за спиной, и тут же принявшего карябать на бумаге заметки о распоряжениях Антона.

- А сейчас господа, я приглашаю вас на свой скромный завтрак, вы как раз с дороги, так что подкрепитесь и потом мы займёмся делами. - Пригласил всех на завтрак хлебосольный хозяин.

- Давай вахмистр, иди не стесняйся, здесь все свои, - Карл подтолкнул под локоть Андреаса, опешившего от такой резкой перемене в его военной карьере. - Тут в России всё быстро делается и в вахмистры патент выписывают и на кол сажают тоже быстро. И спрашивают строго, если ты не при правителе состоишь. Учись, тут тебе не там в Баварии. - Пояснил сразу про всё Карл.

- Точно Регину выпишу сюда, здесь она будет женой вахмистра, а потом и дай Бог офицера, а не сержанта. - Тихо, чтобы никто не услышал, произнёс Андреас.

- Тогда и я Марианну выпишу, а то не поверит, что я во дворце живу. - Поддержал шурина Алекс.

После завтрака, от которого Андреас и Алекс были в полном восторге, Антон распорядился родственникам обустроить свои дела, а вечером Алексу быть у него. Карл, который тоже хотел потихоньку заняться своими делами, был остановлен практически на пороге, когда он уже переступил одной ногой за порог.

- Карл, а ты не торопись, задержись, у меня к тебе есть дело.

- Слушаю вас мой принц.

- Карл, пока тебя не было, страсти по твоему бесчинству понемногу улеглись, можешь, составить мне компанию при дворе её величества, но предупреждаю тебя, не реагируй, если кто тебе невзначай напомнит о твоём поведении. Это, во-первых. А во вторых, Карл пора бы тебе заняться одним делом. Сейчас я попробую тебе всё объяснить.

- Весь во внимании, Антон.

- Понимаешь какая ситуация Карл. Моя невеста, ко мне холодна, демонстративно меня игнорирует, хотя мне известно, что императрица прилагает много усилий, для того, чтобы мы обвенчались как можно быстрее. Благодаря некоторым сведениям и доказательствам, я выяснил с графом Ушаковым, что у Анны Леопольдовны был милый друг, посланник короля Саксонии, но с ним мы вопрос решили, он уже давно на родине. А вот кто вставляет палки в колеса

сейчас, мне неизвестно. Анна по-прежнему ко мне равнодушна. У меня есть мысль, что кто-то её отговаривает от брака со мной, да так тонко, что я не могу найти кто. Соглядатаи графа, пытаются выяснить, но всё бестолку. Вот я и прошу тебя Карл, найти этого или этих некто, представить мне доказательства, а там мы и порешим, что или с кем, как разобраться.

- Так что мне делать то Антон? Я могу тебя охранять, могу под пулю за тебя пойти или на клинок нарваться, но вот так, кого-то вычислить, я никогда не пробовал.

- Правильный вопрос Карл, вот поэтому, я тебя и хочу свести с Ушаковым, он очень умный придворный, всё про всех знает, но и он пока не может решить этот вопрос.

- Что-то мне не хочется с ним встречаться, о его заведении ходят такие слухи по городу, что у меня волосы дыбом становятся.

- Преувеличивают Карл, вот познакомишься с ним, может, чего вдвоём и придумаете.

- Антон, где я и где он, я ему во внуки гожусь.

- Открою тебе тайну, Карл. При нашей последней встрече, он сам предложил твою кандидатуру, пояснив, что ты тут зарекомендовал себя как простак и дебошир, к тому же ты тут человек новый, и принадлежишь к моей свите, а к другим партиям отношения не имеешь.

- И как я с ним встречусь? Не в Петропавловскую же крепость к нему идти.

- Молодец Карл, мне всё больше нравятся твои вопросы. Поэтому мы завтра просто приглашены к нему на обед. Там все вопросы и решим.

- Куда? В крепость? На обед?

- Домой Карл, домой. Я еду официально, а ты как мой паж со мной.

- А как же Алекс?

- Алекс пусть пока обустраивается на новом месте. Кстати ты ему кошель с дорожными деньгами отдал?

- Конечно, отдал, прямо тут в городе, на дорогу ни копейки не потрачено.

- Молодец Карл, вот тебе деньги на жизнь, - И Антон достал из ящика стола очередной кошель, и перекинул его Карлу, который поймал этот кошель, как кошка мышку. - А Алексу на обустройство я сегодня вечером отдам. Если тебе будут необходимы деньги, не стесняйся Карл, тут не Германия, тут запросы намного больше и траты намного весомее. А сейчас, свободен, до завтрашнего утра. Жду как всегда. И ещё, напомни-ка мне мой друг, сколько тебе досталось с пиратской шняги?

- Два резаных на спине, два резаных на боку, пару проколов, а царапины я не считал, и почти сто талеров.

- Карл, да ты молодец дружище. Вот как в тебе гармонично сплелись немецкая расчетливость и русская хватка. Так держать.

- Абордаж, мой принц, это вам не «Хухры-Мухры».

- Однако Карл, растёшь в моих глазах, растёшь.

На выходе из дворца, Карла встречал Андреас, прислонившись к кованой решетке дворца и попыхивая трубкой. Рядом с ним стоял Андрей Герст и что-то рассказывал, сопровождая свой монолог, активной жестикуляцией. Увидев спускающегося по лестнице Карла, он растянулся в улыбке и громко произнёс, - я же говорил, что ему как с гуся вода, вон идет и радуется.

- Карл, тут такое дело, - немного замявшись, начал Андреас, - Я бумаги все подписал, патент оформят дня через три, казармы ещё не подготовлены, да и вообще говорят, что нас отправят в Ригу. Можно я у тебя поживу немного, пока не получу патент и не сошью новую форму?

- Какие разговоры Андреас, конечно, живи, сколько хочешь, у меня и комната есть, и кушать будешь у меня, мы же теперь практически родня, ха-ха-ха.

- Карл я заплачу за постой, мне выдали подъёмные.

- Андреас, когда дело касается экономии в семье, вопрос о деньгах между родней не уместен. Выдвигаемся ко мне, вдвоём нам будет веселее.

- Карл, зови своего родственника Андрей на русский манер, как меня. – Предложил обрусевший немец Герст.

- Андреас, ты как на это смотришь? Стать Андреем, например.

- Так меня писарь так и записал в контракт, ну буду я в России Андреем, а в Германии, я то всё равно Андреас.

Авдотья, Фёдор, встречайте пропавшего Карла, прокричал Карл через забор, молотя кулаком в калитку. Прохожие, шедшие по улице, постарались побыстрее, проскочить место возможного конфликта. Ещё бы, два высоких и крепких солдата стоят у ворот дома, и один из них стучит кулаком в стонущую под его ударами калитку, как молот по наковальне.

- Батюшки святы, Карл вернулся, вот радость то, - раздался голос Федора из-за забора. – Сию минуту господин барон, сию минуту.

Заскрипел засов, калитка отворилась, и на Карла обрушился вал обниманий и причитаний, присоединившейся к Федору, Авдотьи.

- Вот старче. Принимай гостя, он у нас поживёт, сколько ему необходимо, это мой земляк и практически родня, Андреем кличут.

- Проходи гость дорогой, у нас и обед готов и баньку мы сейчас затопим, будешь как огурчик.

После бани, пара и веников, Андреас сидел на лавке и блаженно, не торопясь пил клюквенный морс, получая блаженство от перепада температур как внутри организма, так и снаружи.

- Участвовал я как-то в компании на греческой границе, мы там турок пытались вытеснить, так вот там тоже были бани, они их хамамом называют, мылись мы там всем полком. Скажу тебе Карл, что их хамам, не чета русской бани. Тут как-то душевно что-ли, да и веникам приятно так по бокам.

- А у меня первое впечатление было, что я попал в ад, в самую его середину, меня этими вениками так отхлестали, что я всю хворь из себя с потом выплеснул. А теперь ничего привык, вот только пика охота после бани, но русские не советуют. Либо морс ягодный, либо водки стопочку, а пиво они не жалуют в бане.

- А я бы сейчас шнапса бы стопочку выпил, - мечтательно проговорил Андреас. – В самый раз бы пошла.

- Да, Андреас, скоро ты совсем, русским станешь, с такими-то желаниями, вон уже и в Андрея окрестили. Но ничего, сходим в воскресенье в кирху, там с земляками пообщаешься, они тебе не дадут Баварию забыть.

Вечером, распаковав свои вещи, Карл с Андреасом, примеряли, как развесить трофейное оружие на стене кабинета Карла. Оружие было наточено и смазано, всё как положено у воина.

- Ну, вот теперь порядок, да Андреас?

- Конечно порядок, как в замке у короля. Теперь, если ты собираешься идти в море, то берешь с собой абордажную саблю, если конным, то вот эту замечательную кавалерийскую саблю, а если грабить кого на большой дороге, то тесак в самый раз, ха-ха-ха.

Разобравшись с вещами, друзья, разбрелись по своим комнатам. Андреас просто завалился спать, давая организму отдохнуть от дел праведных, а Карл, взял томик, оставленный им на столе перед отъездом, сел на диванчик в кабинете у свечи и продолжил чтение философского труда.

Перед тем как заснуть, Андреас раздумывал, что надо было раньше вербоваться в русскую армию, хотя кто его отпустит. Но тут однозначно он получил одних подъёмных больше чем сержантское жалование за год. – Вот обустроюсь тут и обязательно Регину выпишу сюда, будет у меня в мехах ходить. Весь Мюнхен обзавидуется.

В покоях императрицы:

- Расскажи ка мне подруга моя, что у нас нового в городе творится, что новенького у Анны и Антона? Что при дворе говорят, - задала вопрос Анна Иоанновна, своей карлице Авдотье Бужениновой.

Сидя с Авдотьей в своей опочивальне, императрица сидела перед зеркалом и расчёсывала свои роскошные волосы костяным гребнем. Авдотья в свою очередь примостилась у её ног на пуфике императрицы, посасывала свой любимый леденец в виде петушка.

- Матушка, так вроде ничего и не произошло, вот только в столицу вернулся возмутитель спокойствия, Карл Мюнхгаузен, что табакерку от тебя получил.

- А где он был душа моя, мне что-то неизвестно.

- Так он в Риге был, матушка, а по дороге опять геройствовал во славу империи.

- Что он в этот раз учудил, душа моя?

- Да ничего особенного матушка, пиратов на abordаж взял, половину пиратской команды порешил, сам ранен был, но ничего выкарабкался.

- Вот ведь шельмец, ай, да шельмец, - любя отчитала Анна молодого барона, - опять отличился, да у меня столько табакерок не будет, чем я его награждать то буду.

- А зачем его награждать то, он на немецком купеческом корабле был, не на нашем фрегате.

- Да тут ты права душа моя, вот если бы он на флоте служил, то тогда действительно достоин воин награды, а так не наше это дело. Но отметить его стоит, как считаешь?

- Обязательно отметь матушка, он парень боевой, такие как он, нам нужны. Вот и пригласи его на охоту, например, на свою, на царскую.

- А ты при случае расспроси его, как он так на шпагу корабль взял. Может у него нужда, какая имеется, я помогу парню, - и Анна Иоанновна томно вздохнула, вспоминая взгляд Карла на приёме.

- Ой, матушка, не вздыхай ты так, не почину он тебе.

- Я императрица Всероссийская, я сама определяю, что кому по чину, а что нет. – Гордо произнесла Анна и подбоченившись посмотрела на себя в зеркало. – Вот простая я баба, баба и есть, хоть и императрица, - подумала Анна, глядя на своё отражение.

Глава 8

8. Императорская охота

Весеннее, майское солнце, стояло в зените небосвода, временно приколовшись к шпилью Петропавловской крепости, припекая спины горожан, повернувшихся спиной к солнцу. Но те горожане, которым уподобилось идти навстречу солнцу, получали свою дозу солнечной радости, прищуриваясь от слепящих их лица яркими весенними лучами. Не обошло своим вниманием вечное светило и животных, грея спины лошадей, скачущих под седлом, так и бредущих по улицам города под хомутом. Маковки церковей отражали солнечный свет и казались зажжёнными гигантскими свечами, распространяя свой золотой свет на все городские крыши. На теплом весеннем солнце распускались листья деревьев принимая на себя теплоту и свет. Зацвели многочисленные городские сады и частные садики миллионами разноцветия, свешивая свои облитые цветами ветки за хозяйские заборы. Не обошло своим вниманием солнышко и котов, гревшихся где угодно, начиная от крыши и заканчивая деревянными заборами, распластавши своё гибкое кошачье тело по рельефу штакетин. Главное, чтобы собаки не достали и не мешали созерцать окружающую весеннюю природу. В этот прекрасный день, не предвещавший никаких катаклизмов, на улице, где отсутствовали по известным причинам собаки, к трактиру, широкими шагами приближался Карл Мюнхгаузен.

Трактир «У Капеллана» был закрыт для посетителей, ровно с полудня 11 мая 1738, после того, как господин барон заглянул в сие Богом спасаемое заведение, на несколько минут перед полуднем, и сообщил преприятное известие.

- Дядька Денис, у меня к тебе будет одна маленькая просьба, такая маленькая, что я надеюсь, ты мне не окажешь. – Обратился Карл, к Дионисию Капеллану.

- Внимаю Карл, говори свою просьбу, дружище.

- Так получилось, что Господу нашему было угодно, что в этот день восемнадцать лет назад, я появился на свет. Если проще, то у меня сегодня день рождения, и я желаю пригласить своих друзей, отметить сие приятное событие, и непременно у тебя, и под твоим чутким присмотром, а то, знаешь ли, были прецеденты.

- Да прецеденты были, и я даже знаю, кто виноват. Но есть и хорошая сторона в этом прецеденте, мой трактир, Карл, теперь собаки обходят стороной, хе-хе.

- Ближе к ужину, я приеду, по крайней мере, надеюсь на это, и я хочу угостить своих русских друзей и своих немецких земляков. Неплохо бы было пива достать, для моих земляков, а то они ещё не привыкли к русской выпивке. А поесть, это на твоё усмотрение, ты же специалист, вот я тебе этот вопрос и доверяю.

- Не переживай Карл, главное, чтобы ты сам прибыл на день рождения.

После чего с чувством выполненного долга и в приподнятом настроении, предвкушая возможные будущие неприятности, отправился по государственным делам.

В доме Ушакова Андрея Ивановича.

Сенатор, генерал-аншеф, полковник Семёновского лейб-гвардейского полка, начальник канцелярии тайных и розыскных дел, Ушаков Андрей Иванович, сегодня, принимал у себя дома на Дворцовой набережной дорогого гостя, принца Антона Ульриха, для конфиденциальной беседы. Они договорились заранее об этом скромном обеде, так как Антон имел какое-то дело, и дело важное. Как не уважить будущего, а даже и возможно, вероятного претендента на престол. Так что встреча была назначена, и сейчас Антон сидел с ним за одним столом и говорил такие вещи, о которых Андрей Иванович даже не догадывался, просто эту тему он даже не рассматривал, как важную.

Столовая в доме Андрея Ивановича, была таким же важным местом для секретных переговоров, как и его кабинет, а так же отдельные камеры в подвале его дома. Проведя сов-

местно время в кабинете за делами, или в столовой за обедом, посетители иногда перемещались в подвальные камеры. Что поделаться, такая у него работа. Как рабочий кабинет сенатора, так и столовая имели толстые стены, чтобы невозможно было прослушать разговор оппонентов. Двери были двойные, дубовые, не пропускавшие и комариного писка. Зато в отличии от строго обставленного кабинета, столовая представляла из себя роскошное помещение в стиле барокко, вошедшего ныне в моду. Большой круглый стол на двенадцать персон, никогда не был занят полностью. Картины с видами на природу, украшали стены столовой, в одной из стен был установлен камин, точная копия камина в Букингемском дворце, собранный по специальному заказу хозяина, английскими мастерами. После того, как мастера уехали, подсчитывая золотые червонцы за прекрасно сделанную работу, за дело взялись русские мастера, сделавшие небольшое дополнение к столовой. В камине и за одной из картин, были проведены слуховые трубы в кабинет хозяина, для того, чтобы знать, что говорят гости в отсутствие Андрея Ивановича. За проделанный труд, русские мастера не получили ни копейки. Крепостные работники пропали в лесах под Санкт-Петербургом, унеся тайны дома с собой.

- Андрей Иванович, я, когда познакомился с Анной, всё было согласно этикету и регламенту, мы с ней несколько раз встречались, под присмотром её фрейлин, вероятно, я ей и не нравился, но она меня не отвергала и не избегала, понимая, что её судьба давно решена. Но вот в последнее время она не просто меня игнорирует, она изменилась в худшую сторону. Да, она, конечно, имеет право на своё мнение, но воля её величества, священна. Я подозреваю, что кто-то из её окружения как-то влияет на её поведение в отношении меня, и нашего возможного брака.

- Да, принц, задали вы мне задачку. Тут ведь дело в том, что Анна живет во дворце императрицы, там у меня каждый второй служитель на примете, всё доложат, если им задачу поставить. Но к принцессе приходят только фрейлины и обслуга, проверенные мною несколько раз. Я могу дать задание, но боюсь, что это будет безрезультатно. Может, она втемяшила себе в голову, бабы они такие, всё зависит от настроения. А может скоро перебесится Анна, и успокоится, и всё у вас будет прекрасно.

- Я тоже так думал, но это началось как-то резко, полное отвержение меня как будущего мужа. Что-то же надо делать, Андрей Иванович.

- А что ты предлагаешь Антон?

- Есть у меня очень близкий мне человек, мой паж, барон Мюнхгаузен, молодой парень, при дворе себя зарекомендовал как дебошир и возмутитель спокойствия, полгорода знают, что он лихой парень. Вот у меня и родилась идея, а не использовать ли его для того чтобы вычислить возможного недоброжелателя, как вам идея Андрей Иванович?

- Это тот молодец, что все Семенцы на уши поставил? Слыхал я о нём, он конечно весельчак, ещё тот, но и парень не промах. Ещё полгода не прошло, как он в России, и уже успел отличился, и даже награду успел получить из рук императрицы, и чуть не пропил её в Семёновской кабаке. Кажется, его Карл зовут? Так он ещё и пиратов извёл. Лихой парень. Ему самое место в войсках, но одно хорошо, он из твоей партии, а значит ни с кем не знаком, если ума приложит, то обязательно сладит дело. Надо попробовать Антон. Где он кстати?

- В приёмной сидит, паркет разглядывает как всегда, позвать его?

Разговор Андрея Ивановича и Карла прошёл с участием Антона, он получил инструкции, ему были названы имена людей из дворцовой прислуги, к которым он может обратиться, а самое главное, ему был обещан постоянный пропуск во дворец императрицы. А дворец охраняют лейб-гвардейцы Преображенского полка, вечные соперники Семёновцев.

- Карл, будь осторожен, там не моя вотчина, но влияние имею. – Напутствовал Карла на благое дело Андрей Иванович.

- Постараюсь вернуть расположение Анны, ваша светлость, - ответил Карл под грузом будущей ответственности.

- Всё мой мальчик, беги отмечать свой день рождения, а то друзья, поди, заждались, - подмигнул Карлу, Андрей Иванович. – Я же полковник Семеновского полка, я в курсе всех событий, что происходят в полку. Ну, беги-беги, а то вино скиснет. Эх, мне бы твои годы. – И Андрей Иванович улыбнулся своим мыслям, откинувшись на спинку кресла и что-то рассматривая на потолочной лепнине.

Сидя в карете, Антон думал о помощи всемогущего человека в его щекотливом деле. «Да мало ли, может действительно у Анны вожжа под хвост попала, а может и не попала, может она действительно попала под чьё-то влияние. Вопросы, вопросы, вопросы. Хорошо, что Андрей Иванович теперь знает о проблеме. Надеюсь, он поможет, уж у него-то возможностей не просто много, а они практически безграничны».

Несколько минут назад, Антон высадив Карла, за два квартала до трактира, ему же невместно появляться там, рядом с местом, где будет сегодня гулять его верный друг, теперь ещё и посвящённый в некоторые тонкие подробности. Перед тем, как Карл покинул карету, он получил от Антона очередной, кошель с деньгами – На пропой души, Карл, как говорят в России, а подарок за мной, а то у меня совсем из головы вылетело. – Напутствовал Антон своего пажа.

Друзья пришли все, но под присмотром своего начальника, - командира гренадерской роты полка, штабс-капитана Сухонова Владислава. Штабс-капитан, будучи ответственным командиром, привёл своих подчинённых, после того, как узнал, что они опять собрались в трактир, где совсем недавно устроили небольшое недоразумение. «Хоть посмотрю, что это за фрукт немецкий, который моих офицеров сбивает с пути истинного» - Рассудил штабс-капитан, сопровождая, как строгая мамаша, своих маленьких детей, а точнее своих молодых офицеров. «Если безобразие нельзя отменить, то его надо возглавить и пустить в нужное русло», - здраво рассудил опытный командир. Молодые офицеры, - Герст, Бакулин и Ершов шли за своим командиром, по улицам слободы как на привязи. Шаг вправо, шаг влево... Ну, скажите на милость, какая гулянка при командире? Да никакой, но приказ начальства – закон для подчинённых, а по сему, идите господа под конвоем, дабы во избежание, так сказать. Штабс-капитан, был строгий, но справедливый командир, пройдя через компании, которые вёл полк.

Родился Сухонов Владислав в семье получившего потомственное дворянство, Сухонова Бориса, который по прихоти судьбы в Петровские времена, занесла его в один из Европейских университетов, как птенца гнезда Петрова. Там, в Европах, будучи смышленным сыном простого уральского казака, получил образование горного инженера с отличием в науках. А вернувшись в Россию, был направлен Петром на Урал, поднимать отечественную металлургию. Как водилось в те времена, ответственно подойдя к своему заданию, через некоторое время упорного труда, построенный Борисом Сухоновым завод дал стране первые пушки. Петр не поспешил на награды и Борис Сухонов был записан потомственным дворянином в книги Тобольской губернии. Родившись на Урале, Владислав с детских лет обучался воинским ухваткам, у приставленного к его воспитанию старого казака. Что и вылилось в желание юноши служить родине с оружием в руках. Проехав почти всю страну, Владислав со своим нянькой казаком прибыл в Санкт-Петербург.

Поступив в полк, будучи молодым безусым юношей, ещё при Петре первом, он успел повоевать со шведами, добывая победу у короля Карла в Гангутском сражении, паля из ружья по шведским кораблям с палубы, качающейся на волнах галеры. Стоял в строю в Персидском походе, принимая на штыки под Дербентом дагестанских воинов султана Махмуда и Чеченских джигитов, посланными местными князьками. Так, честно служа империи, он дослужился от рядового до поручика. Разменяв пятый десяток лет жизни, Владислав, в последней компании в Бессарабии, после того, как полк умылся кровью, стал штабс-капитаном и возглавил гренадёрскую роту. Широкоплечий офицер, подтянутый, от физических нагрузок, с крепкими мозолистыми руками, умеющим не просто держать любое оружие, но и применять его наи-

лучшим образом, с огромным опытом службы, обладающий аналитическим умом и воинской смекалкой, он был воплощением человека войны. Умные, с грустинкой и с лёгким прищуром глаза под треуголкой, говорили о недюжинном, врождённом уме. Война украсила старого воина шрамами по всему телу, простреленной на Кавказе ногой, шрамом от горской сабли на подбородке, и контузией от близкого разрыва турецкого ядра. Черный когда-то волос на голове, стал серебриться лёгкими перьями, от чего придворные дамы просто млели, глядя на него при разводе караула. Пройдя тернистый путь от рядового до офицера, он переживал, за своих молодых офицеров, хоть и успевших повоевавших на Турецкой войне, но оставшихся такими же бесшабашными и задиристыми, напоминая его самого, много лет назад. По его мудрому разумению, он просто доставит их на место, выдаст указание Дионисию, что бы в случае чего, во избежание, и немедленно...

Каково же было его удивление, когда на пороге трактира, появился высокий молодой человек, лица которого он сразу не разглядел, из-за солнца, светящего в дверной проём, то есть в спину вошедшего барона, скрывая его черты лица и немаленький нос. Увидев собравшихся гостей, барон снял с головы свою треуголку и, подняв её над головой, приветствуя присутствующих гостей, громко произнёс, - друзья мои, никакого nepотpeбствa сегодня, я приказ от вашего шефа получил, моего принца Антона. Поэтому пьём и едим чинно и благородно, поздравляем меня, радуем подарками и тостами, девок не зовём, слушаемся старших, ведём себя прилично и на столах не танцуем.

- Яволь Карл, - весело донеслось от стола, где сидели двое немцев.

- Как скажешь Карл, - донеслось как-то невесело, со стороны центрального стола с офицерами, сидевших с каким-то незнакомым Карлу офицером.

Подойдя к друзьям, он увидел золотое шитье на кафтане, и безошибочно определил, что это старший офицер, и скорее всего их командир. Как дисциплинированный военный, держа свою треуголку под мышкой, Карл представился старшему офицеру, старшему не только по званию, но и старшему по возрасту.

- Корнет гвардии, его светлости герцога Карла, - отсалютовал двумя пальцами старшему офицеру, и продолжил, - Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, честь имею. – произнёс Карл на русском языке с характерным немецким акцентом.

- Штабс-капитан Сухонов, командир роты лейб-гвардии Семёновского полка, честь имею барон. Я командир этих офицеров, решил сам, лично посмотреть на вас. И к тому же, как старший по званию, делаю вам замечание, вы отдали честь рукой, приложив её к пустой голове, что не соответствует Уставу.

- Полностью с вами согласен, господин штабс-капитан, больше не повториться, но моя голова, слава Всевышнему, не пуста, в ней много знаний и идей, а ещё такого, о чём я только догадываюсь.

- Похвально господин барон, но Устав надо соблюдать.

- Так точно ваше благородие. Раз уж вы тут, то я и вас приглашаю принять участие в моём маленьком празднике. И разрешите представить вам моих друзей из Германии, - Карл подошёл к столу, где потягивали пиво Алекс и Андреас. – Андреас, можно по русский Андрей Таутфест, вахмистр нового Кирасирского полка, а это Алекс Гофман, паж принца Антона, и тоже офицер гвардии герцога Карла, - представил немецких друзей Карл.

- Большое спасибо, господин барон, я немного посижу с вами, а потом пойду по делам, служба, знаете ли. – Принял приглашение Владислав.

- Так друзья, садимся все за один стол, дядька Денис, ты пиво принёс из порта? – Задал вопрос хозяину Карл.

- Всё готово, Карл, но немецкого пива не было, и я позволил себе прикупить пару бочонков Ирландского отменного пива, прямо с купеческого корабля. – Ответил Дионисий.

И тут, Карл почувствовал манящие запахи, доносящиеся с кухни трактира, пробившихся сквозь табачный дым трубки Андреаса. Запахи говорили, что где-то над углями готовилось мясо и дичь и рыба. На кухне заведения, что-то шкворчало, булькало и гремело крышками кастрюль. Карлу показалось, что это маленький оркестр выдавал ещё не написанную мелодию. Запахи просто кричали, что промедление употребления еды - смерти подобно. На отполированных досках стойки заведения, рядом с облокотившимся на руки Дионисием, стоял заветный бочонок с пивом. Выделанный из дубовой древесины бочонок, с потемневшими от времени боками, и с уже вбитым в днище, вычурным медным краном, похожим на гусиную шею. Слюнки потекли во рту именинника, от этих запахов. Живот призывно заурчал, требуя яства и запивку. Каково же было его гостям, которые вдыхали запахи еды лишние десять минут. Тут и слюной можно захлебнуться.

Земляки Карла пересели за стол к гвардейцам, и быстро со всеми перезнакомились. Далее на правах старшего товарища, штабс-капитан поздравил Карла с днём рождения, пожелал всяческих успехов во всём и пригубил для приличия кружку вина, зорко следя за тем, чтобы подчинённые не перебрали лишнего. Слово за слово, кружкой по столу, появились первые блюда, сноровисто расставляемые Никитой, распространяя будоражащие запахи, не только по трактиру, но и по всему околотку.

Под шумок расставляемых тарелок, Карл был одарён скромными подарками от своих друзей, вроде, как и не дорогих, но очень полезных в солдатском быту и не заменимых в боевых походах.

От Алекса и Андреса он получил посеребрённую карманную фляжку с дарственной надписью, от офицеров полка, небольшой пистолет, оказавшийся нарезным, в коробочке с принадлежностями для чистки оружия. Этакое оружие последнего шанса, которое можно держать незаметным, как за кушаком, так и за голенищем ботфорта.

Когда был утолён первый голод, а желудок удовлетворенно заурчал, залитый у кого вином, а кого и пивом, по старинной мужской традиции повелись разговоры обо всём, которые в таких компаниях сводятся к службе.

- Карл, а это правда, что ты волков голыми руками удавил? – Поинтересовался кто-то из офицеров.

- Нет, друзья, это всё сказки, а на русском языке, так и называется - брехня. Я в них стрелял из пистолета, - деляя глоток пива, ответил Карл. – Правда, четверых волков, я лично вытащил из кустов, вот этими самыми руками, господа.

- А как вы барон шайку-то выловили? – Поинтересовался Владислав.

- А вам Павел разве не рассказывал, наверное поскромничал, но это именно он, метким огнем уничтожил главаря и подручных, а я только так шпагой помахал, - с самым серьёзным видом ответил Карл.

- А пираты, - подал голос Андрей Герст.

- А что пираты, - удивился Карл, - там нас вообще было двадцать человек, один боцман стоил пятерых, головорез ещё тот, так что тут всё просто, бей, руби, стреляй. Да и в дыму ничего не было видно.

В этот момент в дверь трактира постучали. Сперва негромко, потом судя по всему кулаком, но громче, а потом и вообще потеряв терпение стали стучать ногой.

- Кого это чёрт принёс? У нас закрыто, проваливайте, пока я вам ребра не пересчитал, - гневно крикнул в дребезжащую дверь Дионисий.

- К тебе чёрт принёс, начальника отделения фискальных проверок, - донеслось из-за двери.

- А у меня всё в порядке, - немного сдал назад Дионисий, - налоги плачу, десятину плачу, все книги в порядке, господа, - умерив свой праведный гнев, отвечивал трактирщик.

- Открывай дядька Денис, это ко мне на праздник друзья пришли. – Обратился именинник к хозяину.

Ну, конечно же, это были Артемий с племянником Алексеем, прибывшими по записке Карла, посланной им ещё неделю назад. В руках у Алексея была большая корзина, - вероятно с подарком, - догадался барон.

- Приветствуем вас господа, позвольте присоединиться к вашей честной компании, раз уж мы немного задержались, - с улыбкой произнес Артемий. – Вы представляете господа, никто не хотел нас везти в слободу. Как только узнавали, что нам в трактир «У Капеллана», все сразу забывали дорогу, либо у них находились неотложные дела. И при этом поминали какого-то Августина. Карл, ты что ни будь, знаешь об этом?

- Я только догадываюсь дружище, я сам-то мало что помню, - лукаво посмотрев на своих притихших подельников, ответил Карл.

- А мы к тебе Карл с подарочком, правда, тяжелым и необычным, но ничего, ты парень молодой, осилишь. – С этими словами, Алексей водрузил корзину на стол и скинул рогожу прикрывавшее нечто сопящее, лежащее в корзине.

- Да это же волчонок, господа. – Разглядел подарочек Владислав. – Настоящий полярный, правда, шенок ещё.

- Артемий, это тот о котором я думаю? – Спросил Карл.

- Как раз после твоей записки, Карл, мы думали о подарке тебе на именины. И тут как черт из табакерки приехал опять Иван и предъявил нам сие создание. История там такая интересная Карл, не поверишь. Трое щенков, быстро нашли себе хозяев. Купчина на них очень прилично на варился с лихвой. А вот этот лесной образец никому не даётся, дерется, кусается, рычит на всех. В общем, купец побоялся его кому-то отдавать, и в один прекрасный день, когда Иван снова проезжал мимо той деревни, он за Христа ради попытался продать волчонка Ивану. Тот ни в какую, - не нужен мне этот супостат, - говорит он купчине. В общем, он отдал волчонка Ивану бесплатно, и ещё костей в придачу. Так что он теперь твой Карл. Ты его добыл, ты его и воспитывай. – Закончил историю животинки Артемий.

В корзине, со связанными веревками, толстыми лапами, и перетянутыми кожаными ремешками мордой, лежал и смотрел на мир волчонок. Он не был серым, как его родители, упокоенные Карлом и Павлом. Он был практически белым, с тёмными подпалинами на животе, с раскосыми зелеными глазами, пристально смотревшими на своего будущего хозяина, изучая его лицо. Торчащие торчком уши немного дергались на громкие голоса мужчин, удивлённо цокавших глядя на маленького лесного разбойника.

- В древней германской мифологии Карл, самые сильные воины имели помощника, посланного им богом Одинем. И этот помощник был полярный волк, бесстрашный и сильный зверь, преданный своему хозяину. Карл, это знак свыше. – Произнёс Алекс, большой знаток мифологии.

- Ну, друзья, спасибо вам конечно большое, а как мы его назовём? – Поинтересовался у всех присутствующих Карл.

Мужчины задумались, а потом начали наперебой предлагать клички для собак, начиная от Дружка, заканчивая Ганнибалом. На все клички волк не реагировал, только фыркал, связанной мордой.

- А может назвать его в честь сына Одина – Хеймдалль. – Предложил знаток мифологии Алекс.

- Очень длинно, - возразил Андреас.

- А сократите до Хейма или Хайма, - предложил Герст.

- Ну что Хаймуля, иди ко мне, - И Карл разрезал веревки и ремешки, освободив пушистый подарок от пут.

Волчонок заворочался и поднялся со дна корзины, облизав руку Карла, протянутую потрепать его между ушей. Потом он ещё раз обнюхал руку своего хозяина и уткнулся в теплую ладонь, носом вдыхая забытый запах человека, согревшего его у себя на груди и кормившего молоком, когда то давно, в той жизни. Взяв Хаймулю на руки, Карл поднёс его к своему лицу, чтобы лучше рассмотреть подарок, а подарок, лизнул его в длинный нос и пустил тонкую струю на камзол Карла.

- Вот же стервец, пометил папу, - Сделал однозначный вывод Владислав.

- Дядька Денис, у нас есть чем покормить Хаймулю, - обратился Карл к хозяину заведения.

- Накормим и ещё с собой дадим, вы вон, сколько костей оставили, тут можно месяц собак кормить.

Примерно через полчаса, ободранный костями и мясом, напившийся молока Хаймуля, мирно сопел на коленках, радостно сияющего от такого подарка Карла.

Так, благодаря Хаймуле, мужская пьянка, пошла в совсем другом русле и свернулась к разговорам об охоте, о доме, о родителях и лошадях, и не слова о женщинах. Офицеры и гражданские мирно попивали вино и пиво, и под разговоры, продолжали опустошать жаровни Дионисия. На радость самого Дионисия и штабс-капитана.

- Вот так господа, помните, я вам сегодня рассказывал о четырёх волках добытых мною лично, вот этими руками, - и Карл продемонстрировал свои ладони. – Так вот это и есть четвертый волк, правда маленький пока. Так что я всегда говорю только правду и ничего кроме правды, клянусь своей треуголкой.

Федор аж ахнул, отворив калитку и увидев почти трезвого Карла с собачонкой, пригревшейся на груди, и Андреас, с корзиной подарков от друзей. А ведь хозяин предупредил, что у него сегодня встреча с друзьями по одному очень важному событию,

- Господи, а это что за зверюга такая, Карл.

- Это животинка, Федор, мой будущий военный помощник. Кличут его Хаймуля, будем его кормить и воспитывать в тевтонском духе. – Произнёс удивленному Федору, Карл. – И ещё, теперь каждое утро этот Хаймуля будет пить теплое молоко, пока не подрастет. А жить сие создание, будет у меня, на коврике при кровати. Пока я ему хорошую будку не справлю.

- Уж больно он на волчонка похож, ваше благородие.

- Ничего страшного, Федор, я тоже не Аполлон Бельведерский, и ничего не страдаю от этого.

- Идите спать господин барон, утром вам ещё в себя приходиться.

- Верно говоришь Федор, пару ведер воды мне хватит. Ну ладно, пойдем мы к себе наверх.

– И Карл, немного поддерживаемый Андреасом под локоть, поднялись на второй этаж, заканчивать день вечерней молитвой перед сном.

Приглашение на Царскую охоту, Карл получил через два дня, после своего дня рождения, от дворцового посыльного, гордо восседавшего на коне возле калитки, в форме гвардейца Преображенского полка. Передав барону запечатанный сургучом пакет, и получив подпись барона в реестре, всадник высокомерно оглядел адресата и, получив требуемое, гордо удалился в сторону дворца. О таких предложениях надо сразу докладывать Антону, всё-таки он его начальство, которое не должно быть в неведении.

Придя на службу, как всегда присев на диванчик у покоев Антона, барон попробовал провести анализ приглашения на предмет возможных интриг, но прийти к какому либо выводу не успел. Антон со свитой прихлебателей, кроме секретаря, по мнению Карла, быстро появился в коридоре и махнув рукой Карлу позвал его в кабинет.

- Ну что получил приглашение мой юный друг?

- Сегодня утром, как раз после водных процедур, перед завтраком посыльный привёз. С таким лицом, как будто он мне сто рублей одалживает.

- Да уж, таких молодцов, во дворце на каждом повороте стоят по стойке смирно, вот вне дворца они и показывают свой гонор. Теперь к охоте. Карл мне как-то странно, но как только я заикнулся о том, что неплохо бы мне взять пажа с собой, то тут же получил его Карл! Вельможи на царскую охоту не могут попасть просто так, неделями разрешение выбивают, взятки камердинерам дают, по несколько тысяч, лишь бы помелькать перед императрицей, а тут раз и готово. Чудеса Карл!

- Ну, Антон, я же молодой и красивый, почему бы мне не поохотиться с императрицей, в густом лесу, - улынулся Карл.

- Я тебе поохочусь в тёмном лесу с её величеством, враз на гауптвахту отправлю, а потом домой от греха подальше, если тебя раньше на плаху не отправят. В общем, ты едешь со мной, я попытаюсь привлечь внимание Анны, а ты пытаешься развлечь Анну своими рассказами о приключениях в России, благо их у тебя на троих. Но при этом смотри во все глаза, кто возле неё трётся, слушай как волк в лесу, о чём будут вестись разговоры, и не ведись на провокации.

- Антон, ты предлагаешь мне быть соглядатаем? Я же всё-таки дворянин и офицер, мне это невместно.

- Ах ты, ревнитель дворянской чести. Не соглядатаем я предлагаю тебе быть, Карл, а спасителем в первых, моей чести, во вторых короны империи, а в третьих моего потомства, которое станет владеть Россией, Карл. Это большая политика, Карл. Так что никакого урона чести и не предвидеться, наоборот мой юный друг, это ты спасаешь мою честь в соответствии со своим дворянским долгом. Уразумел?

- Уразумел.

Кавалькада из карет, колясок и экипажей, сопровождаемая верховыми, двигалась на север от города в царские охотничьи угодья в сопровождении борзых, легавых и ещё каких-то волкодавов, на малую царскую охоту.

Её величество Анна Иоанновна, в сопровождении Анны Леопольдовны, сидя в своей карете, в которой запросто могли поместиться человек десять в комфорте и уюте, в окружении фрейлин как своих, привычных её взору, так и принцессы Анны, любовалась весенней природой. Императрица любила весеннюю охоту на перелетных гусей и зайцев. Если на гусей в основном охотились мужчины, то охота на зайца с борзыми была прерогатива в основном женского коллектива. Если егеря не поднимут зайца своей сворой, то тоже не беда, всегда есть пара запасных зайцев из егерского хозяйства. Ещё, царская охота, славилась выгулом скаковых лошадей, из царской конюшни, новыми охотничьими нарядами, в которые себя обрядили придворные женщины, потратив на наряды немислимые деньги, дабы выглядеть как амазонки. За каждой каретой шли лошади с женскими седлами, всегда готовыми принять хозяек и размять свои лошадиные ноги в поле, стуча копытами по мягкой земле в погоне за зайцами. За царским кортежем, ехал кортеж хозяйственный, не такой развеселый и пестрый, как царский. Он состоял из кибиток с поварами, посудой, шатрами и дворцовым персоналом, в том несколькими шутихами карлицами, всегда неотлучно следовавших за императрицей. Не смотря на то, что её величество выехала на серьёзное мероприятие, ей иногда хотелось повеселиться, особенно, когда у неё было хорошее настроение. А хорошее настроение ей было обеспечено опытными егерями, и придворными лизоблюдами, так что у шутих сегодня может оказаться трудный день.

Антон вместе с Карлом, как бывалые охотники, ехали верхом, сопровождая в общем конвое карету императрицы. Одеты они были скромно, как подобает охотникам, скромно и практично, предпочтя бархату и парче, темные фланелевые штаны и камзолы, а сверху, накинутые на плечи кожаные плащи. Всю одежду и охотничье оружие, Карл получил от управляющего хозяйства принца, скупого и экономного немца, прибывшего в Россию в свите Антона. Карл его хорошо помнил ещё по жизни во дворце герцога, когда этот эконом, экономил на всём, в том числе и на еде воспитанника Карла, считая это добродетелью. Свои у Карла был только конь,

который как-то случайно оказался Графом, а также ботфорты и треуголка. Вся эта скромная троица была бельмом в общем виде сопровождения, а точнее тёмным пятном, в окружении расфуфыренных придворных мужчин и примкнувшим по отдельным приглашениям дворян.

Вот как раз скромный вид и привлёк внимание её величества, а так же её высочества, сидевших в карете, напротив друг друга и взирающих в окно, рассматривая природу и гвардейское сопровождение.

Анна Иоанновна, давно заметила возмутителя спокойствия, скромно следующего на откормленном коне, в скромной, но очень практичной одежде. Восседавая на высоком коне, он со своим ростом был почти вровень с гвардейцами почётного караула, высокими и статными офицерами Преображенцами. Императрица ещё раз залюбовалась Карлом, в тот момент, когда барон подставил свое лицо солнцу и ветру. Его длинные волосы, без придворного парика, и не заплетённые в косичку, развевались на ветру, а молодое лицо, еще не пробовавшее лезвие бритвы, лучилось блаженством.

«Странно, этот юноша нравится мне всё больше и больше, но не как возможный сердечный друг, а как сын, которого у меня никогда не было. А может, об женить его, на какой ни будь девице, с приданным. Получит парень приданное, разбогатеет, будет у меня при дворе, на виду, если всё сладиться с Анной и Антоном. Вот ведь воплощение германского воина, или античного Аполлона, сводит с ума простую русскую бабу. Эх, где ты был двадцать лет назад?» - Немного улыбаясь своим шаловливым идеям, смотря в окно, думала императрица.

Принцесса Анна, так же наблюдала в окно кареты за Антоном, но почему-то её мысли всё время перескакивали на Карла, как и взгляд, что не осталось незамеченным её величеством.

«Нет, племяшка, ты мне не соперница, я тут правлю бал. Такая у меня планида, а тебе уготована другая судьба» - Продолжала думать императрица, уже снисходительно улыбаясь своим новым мыслям.

Если троице Антона по статусу полагалось ехать рядом с каретой императрицы, то некоторые приглашенные лица, пытались проехать перед окном кареты, и взором императрицы, показать себя во всей красе, сказать комплимент красоте её величества и принцессы, отметить при дворе. При этом, желающие отметить в памяти императрицы, пытались отодвинуть троицу Антона в сторону, что немного веселило её величество, ибо мощный конь возмутителя спокойствия, чувствуя важность момента, просто кусал, отталкивая жеребцов от кареты, а кобылок, культурно оттеснял своим мощным корпусом.

« Два сапога пара. Если это Карл так искусно управляет конём, то он шельмец, в кого-то влюбился. А вдруг в меня? А если конь, сам проявляет инициативу, то в кого влюбился конь барона?» От этой шальной мысли императрица просто засмеялась, прикрывая лицо веером. Тут же все присутствующие дамы, тоже засмеялись, поддерживая хорошее настроение её величества.

«Дурочки» - Сделала вывод Анна Иоанновна.

К такому же выводу пришел и Карл, услышав смех придворных хохотушек.

Всадники растянулись вдоль поля, на котором уже зеленела трава, ещё совсем невысокая, но входившая в свой предназначенный природой цвет. Возглавляла, всю эту охотничью армию сама императрица, восседавая на белой смиренной кобылке из конюшни Эрнста Бирона. Сам Эрнст, восседал справа от Анна Иоанновны, на вороном жеребце, придерживая его норов и нетерпение, натягивая поводья крепкой рукой. Сама императрица не поскачет за зайцем, она медленно поедет под присмотром Бирона и его конюхов. Негоже её величеству в таком возрасте, скакать по полям, за мифическим зайцем. Но остальным никто не запрещал показать свою удаль и по возможности первым схватить загнанного борзыми собаками зайца и поднести его тушку императрице. Борзые, предчувствуя свой триумф, под взглядами охотников рвались с поводков, крепко удерживаемых бригадой егерей. Самые нетерпеливые, натягивая поводки, и уже опустили морды к земле, заливаясь лаем и разрывая лапами поле на лоскуты,

перед собой и отбрасывая ошметки на проводников. Все ждали звука. Не просто звука, а звука охотничьих рогов, от егерей выгонявших из леса зайцев. Это прелюдия охоты, напряжение перед первым актом симфонии под именованием – Охота! Собачий лай, топот копыт, свист всадников, визг женщин крики егерей, вот они звуки симфонии, и все ждали взмаха палочки невидимого дирижёра, и тогда оркестр заиграет на все лады повинувшись древнему инстинкту людей, - найти, догнать, схватить.

Звук охотничьего рога, сопровождающийся собачьим лаем, прозвучал как всегда неожиданно, там, на границе широкого русского поля и края темнеющего леса. Все охотники напряглись, кони запряли ушами, перебирая копытами от нетерпенья, собаки совсем взбеленились, заливаясь лаем, и брызгая слюной. Второй, длинный и басовитый звук, заиграл с другой стороны поля, но немного правее, и в этот момент собаки были спущены с поводков. Началась знаменитая Русская охота на зайца, с борзыми, с наездниками и конечно же с зайцами.

- Ату его, ату, ату – закричали егеря, отпуская собак.

- Ийяяя, ийяяя, ийяяя, - враз, закричали всадники, с силой ударяя лошадей ногами по бокам.

И началась русская охота, охота с борзыми, непредсказуемая в своей страсти, выплёсывающая энергию животных и людей, ради маленьких зайцев, несущихся зигзагами в надежде скрыться в лесу. Комья земли полетели из-под копыт лошадей, всадники пришпорили коней, дико закричали на несуществующих языках – древних языках страсти и погони. Энергия людей передалась собакам. А может и на оборот. Собаки почуяв зайцев, разделились на своры, двигались за ушастыми зигзагами, полностью охваченные своими инстинктами, с такой бешеной скоростью, что человеческий глаз не успевал следить за погоней. Отдавшись на чувства лошадей, бросив поводья и пригнувшись к шее, всадники молотили бока и кричали что-то в ухо лошадям, пытаясь увеличить скорость, догнать свору и первыми взять трофей.

Граф, может и не был на охоте на зайцев, но умная лошадиная голова, моментально поняла правила охоты и набрав скорость, проскочив своих копытных сородичей, вышел в лидеры догоняя крайнюю свору. Один из кобелей своры, черный с белыми пятнами в отчаянном рывке, схватил зайца за заднюю ногу, подкинул серо-белое тело зайца вверх, и с утробным рыком подпрыгнул сам, и поймал зайца на лету, сомкнув свою мощную челюсть на теле дико пищавшего животного, а потом с тем-же рыком придавил его к земле и окончательно задушил, теребя пищавшего до последнего мига зайца. Именно в этот момент Граф подскакал к победителю, разогнав других собак, прыгающих и радующихся победы своего жока, сопровождая его победу неостанавливающимся лаем и визгом. Нагнувшись на правую сторону, практически к самой земле, Карл протянул руку к кобелю, державшего свою добычу в зубах и громко приказал – Трысь. Кабель, по кличке Зевс, повинувшись вбитую в него с юности команду, тут же инстинктивно сунул в протянутую руку человека, тушку зайца. Свора разразилась неужённым возмущённым лаем, к которой присоединился и сам Зевс, понимая своим собачьим умом, что он совершил очередную ошибку в своей жизни.

Положив зайца на луку седла, Карл, придерживая его рукой, поскакал к императрице первым продемонстрировать добытый трофей.

Пока только он один имел честь, похвастать трофеем перед её величеством, а потом отдать его поварам, готовых приготовить из зайца, достойное императрицы блюдо – Заяц по-королевски, с чесноком и луком, с красным вином, фаршированный трюфелями. Остальные зайцы так-же, составят ему компанию, как в рагу, так и в охотничьем супе.

Её величество благосклонно улыбнулась Карлу, и символически приняла трофей, после чего заяц был отдан поварам. Эрнст Бирон, сидевший на коне рядом с императрицей, благосклонно улыбнулся Карлу, сожалея только, что трофей, добыл и доставил человек, не из его команды. Но он простил Карлу такую небольшую дерзость, всё-таки крути не крути, а они немцы, хоть и не земляки. А немцы на чужбине должны помогать друг другу.

Охота продолжалась, так, как и велось на Руси испокон веков. Придворные и приглашенные собирались группками, ожидая главного блюда дня. Многим хотелось попробовать Зайца по-королевски, хоть чуть-чуть, хоть капельку, ради того, чтобы потом всю жизнь привирать, о том, что на охоте, он ел зайца вместе с императрицей. Это как повелось исстари, на охоте у рассказчика и кабанчик толще и рыба на рыбалке, - вот такая, ну самая большая.

В шатре императрицы, Карл чувствовал себя немного не уютно, но положение обязывало, присутствовать и внимать, и конечно же помалкивать, кивать и отвечать на вопросы её величества, лаконично и с улыбкой. Тогда есть шансы покинуть шатер и присоединиться к гвардейцам или егерям, выпить закусь, рассказать о своих успехах, ну и немножечко приврать. Охота всё-таки.

Анна Иоанновна, была польщена и внутри своей женской сущности была довольна, что юноша, который ей приглянулся, первым принёс ей трофей и теперь скромно стоял в стороне, затертый придворными, восхищавшимися как трофеем, так и самой императрицей. В который раз, она почувствовала его взгляд, из-за спин гомонившей толпы придворных, но он не отвернул свои глаза от её взгляда, а наоборот ещё пристальней посмотрел её в глаза. Тогда она сделала то, что давно не делала. Она слегка подмигнула ему правым глазом и легонько улыбнулась одними губами. И каково же было её удивление, когда он подмигнул ей в ответ, так же весело и очень быстро. «Ой, ну наглец, ой да он же наглец, ай да шалун, подмигнуть мне, императрице! Ну ладно, прошу этому корнету дерзость, этому красавчику. Ой, о чём я думаю. О делах надо думать, о делах, ну какие тут дела, когда на тебя сам Аполлон смотрит, и нос у него красивый, длинный, не как у всех. Охолопись дура».

- Барон, как вам удалось вырваться вперед. Наверное, благодаря своей выучки, вы сумели взять зайца из пасти Зевса? – Задала вопрос, Анна Иоанновна, подойдя к Карлу.

- Это благодаря моему Графу, ваше величество, - серьезно ответил Карл, слегка поклонившись.

- Какому такому Графу, барон?

- Моего коня, Графом зовут, ваше величество.

- И откуда у вас такой прекрасный конь, Карл?

- Графиня подарила, ваше величество. Графиня Наталья Лещинская.

- Это когда же ты успел от графини такой подарок получить, мне даже интересно стало.

- В лесу ваше величество, этой зимой, под Псковым, ваше величество. – Как можно лаконичнее, согласно инструкции Антона ответил Карл.

- Умеете вы Карл убеждать женщин, дарить такие подарки. – И в этот момент императрицу посетила очередная шальная мысль.

- Ну, я тоже умею награждать своих подданных, и щедрее шляхты. Вот вернёмся в столицу, я и подумаю над этим вопросом, а пока Карл побудьте при мне, составьте мне компанию на трапезе.

- Всегда к вашим услугам ваше величество. – Лихо и бодро, ответил Карл.

Глава 9

9. Хлыст для Степаниды.

На большой поляне, на опушке леса, недалеко от поля, где прошла охота, расторопными слугами, были расставлены шатры императрицы и свиты. Шатер императрицы, выделялся особой отделкой дорогими тканями, с изображением сцен охоты античных героев, пиршества Вакхов и танцующих Вакханок. Походный шатер Её Величества, самый большой и красивый расположился по центру поляны, как шатер монгольского хана в ордынской ставке. Главный шатер императорской охоты, был оцеплен гвардейцами, не пропускавших к шатру, никого, кроме приближённых Её Величества. Вот Карл и попал в круг этих приближённых, по простому стечению обстоятельств. Как то так получилось, что Граф оказался быстрее других лошадок, а Карл оказался неплохим наездником. Это он сам так считал, и гордился своей выучкой. В шатре императрицы были поставлены походные столы, еле державшиеся от обилия посуды и еды. Пол шатра, был устелен пёстрыми персидскими коврами, мягкими и ворсистыми, в которых приятно утопала нога.

Благодаря своему везению и непыльной должности, Карл оказался за столом императрицы, восседая на седьмом по счёту месте с правой стороны, от её величества, что ставило его в один уровень с именитыми вельможами. Но сидел он после Антона Ульриха, прикрываясь им как щитом от взоров, ну уж, совсем приближённых, о которых он даже и не слышал. Только несколько знакомых лиц, видимых им на приёме во дворце, да Андрей Иванович, что сидел напротив, поближе к Анне Иоанновне. Андрей Иванович время от времени поглядывал на Карла, но не как Начальник канцелярии, а как добрый дядюшка, иногда поддерживая своего «племянника» добрым взглядом. Попробовав того самого зайца, а может и не того, но совсем немного, очень даже прекрасно приготовленного и вкусного, Карл уже думал, о том, как бы испариться из шатра и примкнуть к гостям чуть попроще, а может и вообще провести остаток охоты с военными, без всяких там дворцовых этикетов.

Уставившись в свою тарелку с видом постыжаемого монаха, во время постного дня, ковыряя вилкой в очередном блюде, Карл и не заметил, что его разглядывают несколько пар глаз, одни с удивлением, другие с насмешкой, а третьи и с презрением, расценивая его появление за столом, как выскочку. В этих глазах читалось – «Не по Сеньке шапка», а в голове уже строились интриги, в отношении простого парня, которого судьба усадила седьмым от Её величества.

Как известно, что вечные мучения бывают только в Аду, вот вскоре и был объявлен перерыв, покурить трубку, поговорить с гостями, и на очередную смену блюд. Чем и воспользовался Карл, упросив Антона попросить разрешения у Её величества, отлучиться молодому герою дня по делам своего сюзерена.

- Ваше величество, с вашего позволения, я отпущу моего Карла по делам, а то сами понимаете, у него служба. – Обратился Антон к Анне Иоанновне.

- Ну, конечно же, мой дорогой Антон, - «Вассал моего вассала, не мой вассал». - С улыбкой произнесла Анна Иоанновна, старинную формулу. – Что этому молодцу сидеть среди старших, а то научиться чему непотребному от этих старых греховодников. – Рассмеялась императрица. А за ней угодливо засмеялись и придворные, простой шутке.

Только на улице, глубоко вдохнув воздуха, Карл почувствовал себя вполне вольготно. Охотничий лагерь шумел разнообразными звуками, почти как армия. Где-то рубились дрова, разнося по округе стук топоров. Где-то что-то готовилось на костре, что-то вкусное, запахи которого, присоединялись к звуку топоров, приправлялись гомоном человеческих голосов, лошадиным ржанием, смехом и женским визгом. Не императорская охота, а какой-то армейский бивуак, с шутами и маркитантками. Найдя взглядом скромный шатер своего начальства,

с охраной из Семеновского полка, Карл был не сказано удивлён, увидев знакомые лица. На посту, как и во дворце, шагал взад и вперёд перед входом в шатёр, дружище Герст, прижимая левой рукой саблю.

- Андрей, а ты то, что тут делаешь?

- Как что, охраняю шатер Антона, в столице охраняю вход во дворец, а тут вход в шатёр, служба она везде служба. Меня как раз за обозом вдогонку отправили за обозами.

- Так там же ничего нет, что там охранять?

- Карл, наше дело служивое, приказано охранять, мы и охраняем.

- А внутри палатки, тебе можно охранять.

- Ну, по уставу конечно нельзя, а если хозяин зовёт, почему бы и не да.

- Я с Антоном тут хозяин, и добрый хозяин зовёт тебя в палатку отдохнуть. Пиво будешь?

- Карл... только с мясом, а то что-то кушать хочется.

- Будет нам и мясо Андрей, мир то не без добрых людей. – При этом Карл поймал какого-то слугу, всунув опешившему слуге гривенник. – Уважаемый, добрый кувшин пива и тарелку мяса, дружище. Уважишь?

Уважил. Слугу, звали просто Гринька, с детства. Никто и никогда не называл его «Уважаемый и дружище». Просто - Гринька, холоп, в основном принеси то, принеси сё, да и пошёл вон. Вот и всё имена. Облагороженный гривенником, будучи дворовым слугой Артемия Петровича Волынского, Гринька как на крыльях, немного задвинув свои обязанности в долгий ящик, быстро понесся на полевую кухню, для obsługi, где с причитанием, что барин требует выпить, налил из бочки пива и схватив блюдо с мясом, исчез под удивлённые взгляды поваров. Мог бы и на барскую кухню сходить. Хотя, кто их знает этих дворян, может приспичило, и такое бывает.

Сидя на мягком, ковровом пороге шатра, Карл пил пиво с Андреем, прямо из кувшина, игнорируя кружки, которых и не было. Оба друга, утоляли голод, греясь на вечернем солнце. Эх, как же красиво в России весной. Цветет всё, зеленеет всё, от горизонта до горизонта, во все стороны света. Такого больше нигде и не увидишь. Хотя Карл, положив руку на сердце нигде и не бывал, только дома в Саксонии и по дороге в Россию, правда, зимой. Но и зимой тоже красиво, если бы не холод, да волки.

Неожиданно, для обоих сотрапезников, со стороны шатров, предназначенных для придворных слуг, раздался детский плач, мужской хохот и крики подбадривания. Что кричали люди, Карл не понял, из-за всеобщего гомона, но плач ребенка то прерывался, то продолжался, скребя по доброму сердцу барона Мюнхгаузена.

- Андрей, ты продолжай службу нести, а я пойду, посмотрю, откуда тут ребёнок, и почему он плачет. И мне оставь, когда я вернусь, - намекнул Карл на початый кувшин пива.

- Иди, Карл наведи строгий немецкий порядок, негоже детям на охоте присутствовать, да ещё и реветь как девчонка, а я тут буду бдить, - намекнул Андрей, скосив глаз на тот же кувшин.

За крайними шатрами obsługi Её Величества, прямо на краю леса, представилась Карлу неприглядная картина. В окружении слуг, что-то кричавших, как будто, кого-то подбадривая, в самом центре, в окружении людей металась маленькая девочка, одетая в пышные, пёстрые и совсем несуразные наряды. Она плакала и причитала, тонким, слегка охрипшим голосом, отворачиваясь от тонкого хлыста, избиваемая дородным мужиком. Хлыст для лошади, обвитый кожаными лентами, со свистом описав дугу, бил ребенка по тому месту, на котором сидят, под общий хохот присутствующих. Сам мужик, с пьяной красной рожей, одетый в ливрею, с матерком, да с присвистом, как и его орудие, продолжал охаживать мечущуюся жертву. Жертва пыталась пролезть сквозь кольцо созерцателей, неуклюже сгибаясь и подставляя своё место очередному удару, но люди не выпускали девочку из круга, отпихивая её ногами. Ребенок ещё больше плакал, но на помощь почему-то не звал. Помощь сама пришла, оттуда, откуда и не должна была прийти.

Карлица Степанида Кручилина, случайно попала в обоз, собираемый на охоту. Авдотья Буженинова, старшая из карлиц шутих, взяла её к себе как помощницу, а вот радовать Анну Иоанновну, она должна была сама. Сегодня, устав сидеть, в шутовском шатре без дела, Степанида, вышла из шатра и по своей простоте, почти детской душе, ещё до конца не испоганенной дворцовыми нравами, решила посмотреть лошадок, самых добрых животных, которых она когда-либо знала. Лошади, стоявшие во временном загоне, а некоторые и просто стреноженные, осторожно брали своими теплыми губами хлеб из рук маленького человечка, а за одно и благодарно давали себя почесать по ногам, ибо Степанида просто не доставала до шеи лошадей.

- Кушайте-кушайте, лошадушки мои, немного шепелявя, - говорила Степанида, одной рукой протягивая на своей маленькой морщинистой ладони, кусочки хлеба, а другой, пытаясь погладить их по морде. Умные животные ниже опускали свои головы и очень осторожно получали лакомство, к вещи радости Степаниды.

- Ах ты шельма, чёртова ведьма, недоросток плюгавый, - услышала Степанида за спиной голос пьяного мужика, и в тот же момент она получила удар по спине тонким и прочным хлыстом.

Степанида заплакала от боли и обиды, повернувшись, она увидела своего мучителя, который только сильнее разошелся, охаживая маленького человека хлыстом пониже спины. Вытирая своим маленькими ручками слезы, брызнувшие из серых глаз от обиды, маленькая женщина пыталась спрятаться, от своего мучителя, но собравшиеся в круг зрители, не давали ей покинуть место экзекуции. Слезы текли по морщинистому лицу доброй женщины, маленькими кулачками она пыталась их стереть с лица, но её маленькие ручки тоже уже болели от хлыста, попадаясь под удары. Пытаясь увернуться от незаслуженного наказания, Степанида пыталась руками прикрыть свою заднюю часть, укутанную в пестрые юбки. Но крепкие, с оттягом, удары попадали ей по ладоням, обжигая маленькие ручки и оставляя ссадины на них. Почти смирившись с неизбежным, она села отбитой попой на траву, и просто зарыдала, не надеясь на помощь. Как маленький ребенок, Степанида, прикрыв своими покрасневшими ручками сморщенное лицо, получала хлесткие удары по спине и плечам. Народ за карлицу не заступился, наоборот, ещё больше входил в раж, выпихивая её в середину круга, стараясь пнуть ногой, с напуганными, от которых в приличном обществе уши краснеют.

Разошедшийся экзекутор получал удовольствие, охаживая карлицу хлыстом, не только от своей вседозволенности и пьяной удали, но и от криков толпы, поддерживающих его выходку, дающую ему буйную энергию, прожигаящей всё его нутро. Повод он нашел сразу же, как увидел карлицу, кормящую лошадей. Могла ведь эта мелочь и лошадей потравить, не только его хозяина, но и лошадей из конюшни Бирона. А за такое радение за чужое имущество, могла быть назначена награда от высокопоставленных вельмож.

Внезапно, голоса стихли, удары по её спине прекратились, а вместо этого, она услышала шлепки ударов, эхание и уханье, а так же скулёж мужика в ливрее, треск костей и рвущейся ткани. Отняв опухшие руки от лица, Степанида увидела картину кары Божьей. Молодой парень высокого роста, просто одетый, впечатывает в лицо и в брюхо её мучителя, немаленькие такие кулаки, охаживая мужика по бородатой морде и по откормленному брюху, впечатывая каждый удар с короткого размаха, при этом приговаривая на смеси русских и немецких слов.

Карл, подойдя к веселящемуся кругу, узрел, как дородный мужик охаживает кожаным хлыстом, сидящую на попе и плачущую девочку, прикрывающую своим морщинистыми ручками заплаканное лицо.

Карл, всё-таки воспитывался во дворце герцога, и рыцарскую честь ему прививали с самого детства. Защищать слабых, сирых и помогать нуждающимся, как когда-то давал рыцарскую присягу, его пращур в крестовых походах.

Праведный гнев Карла, узревшего беззаконие и несправедливость, вырвался наружу, совместно с первым ударом в довольную морду мужика. Не зря Карл обучался у старого Фрица в

замке, у поручика Павленкова на манеже, получил урок на льду у Пскова. Удары Карла посыпались на мужика впечатывая его нос и разбивая в кровь губы, мощные кулаки прошлись по ребрам супостата, выбивая из него винный перегар и стирая с лица самодовольную маску. При этом барон Мюнхгаузен, что-то выговаривал в окровавленную морду мужика, путая русские и немецкие слова.

- du Bastard, wer hat dir das Recht gegeben, ein unschuldiges Kind zu schlagen? Ich werde dich jetzt als Metzger ausstatten. Сука, твою мать, дерьмо собачье, сдохнешь прям тут. Hundescheiße. – Продолжал охаживать мужика, руками и словами Карл.

Крепкие руки Преображенцев, еле оттащили Карла от орущего на весь лагерь мужика. Карл продолжал покрывать мужика уже отборным русским матом, не смотря на то, что трое гвардейцев оттащили его в сторону.

- Карл, вы что? Опять спокойствие возмущаете, особенно в присутствии Её Величества? – Задал риторический вопрос гвардеец, знавший Карла в лицо.

- Этот кретин, избивал маленькую девочку хлыстом, вы представляете подпоручик? Хлыстом для лошадей, швайнехундер, - выругался в очередной раз вскипевший Карл и плюнул в сторону мужика, валявшегося на земле и скуливший как побитая собака.

- Ты, морда побитая, ты кто таков будешь, чей холоп, ответствуй, что тут за безобразия учиняешь? – Сурово обратился офицер к мужику.

- Я это, как его, - утирая кровь, и прекратив скулить, начал мужик, - Артемия Петровича Волынского дворецкий я, Василий Кубанец, меня зовут. А вот эта морда – указал Кубанец на Степаниду, - лошадей кормила не пойми чем, отравить наверное хотела, ууу ведьма.

- Понятно, что ничего не понятно. Так, Карл идите к себе в палатку и ждите там, пока не разберемся, а ты сучий потрох, - повернулся офицер к Ваське, - пойдём на правило к нашему начальнику, там всё и порешим. Так, а ну-ка разошлись по делам, - дал команду собравшимся офицер.

Народ разносил новость по всему лагерю, что какой-то барин от души отметелил дворецкого, самого Волынского. Только карлица, вытирая слезы, шла в свою кибитку, перебирая маленькими ножками, шепча по дороге молитву Матери Божьей, о даровании Карлу удачи. Сама Степанида надеялась только на Господа Бога и Авдотью Буженинову, её заступницу перед императрицей.

- Ну и что прикажешь мне с тобой делать? Волынский своих людей бережет, сейчас он наушничает Её Величеству, всё с ног на голову перевернёт.

- Правда, она завсегда одна, Антон. Мир не без добрых людей, к тому же я дворянин. А он холоп, пусть вообще спасибо скажет, что я его на шпагу не наколол.

- Не в этом дело Карл, Волынский сейчас в фаворе у императрицы, может наплести что угодно.

- Так я его на дуэль вызову, пусть попробует отказаться.

- Так ему неуместно с тобой дуэлировать, он кого из бретеров призовет на замену, а тут дружище не известно, чем дело кончиться. Но нет худа, без добра Карл. Тобой заинтересовался Миних Христофор Антонович, и иже с ним Остерман. Скоро начнётся летняя компания, в Бессарабии, так что вполне вероятно, мы с тобой будем под его командованием. Так что, мой друг, мне опять придётся тебя куда-то отправлять, пока шумиха не уляжется, Карл. А война самое место, для твоего буйного характера. Мне кажется, это уже входит у тебя в привычку, чуть что, сразу по делам, да подальше, молодец дружище. Да и я молодец. Пусть русский медведь знает, что есть ещё и немецкий медведь.

- Ваша светлость, к вам делегация идёт, - сообщил Антону, дежуривший у входа в палатку Герст.

- Ну вот и неприятности идут. Готовься Карл, сейчас мы будем отбиваться. Ты готов к неприятностям, Карл?

- Всегда готов, - отвечивал барон Мюнхгаузен.

Дорогие гости были действительно от Волынского, с претензией, о том, что Карл, беспричинно избил и покалечил дворецкого Артемия Петровича. На что, Антон сообщил, что Карл находится у него на службе, и все претензии следует направлять ему, завтра в приемные дни. Посланники потоптались у палатки и убыли восвояси, пытаясь не забыть пожелание принца Антона Ульриха. Спорить с будущим вероятным владельцем империи никто не посмел. Но вероятно, Волынский радел за своих людей, и вскоре до императрицы дошли слухи о некоем неприятном происшествии с участием пажа Антона. И Анна решила сама провести расследование, благо Ушаков под рукой, да и у неё хорошее настроение от сегодняшнего дня.

Через пять минут, посыльные от императрицы, пригласили Карла и Антона в покои Анны Иоанновны.

- Ну, барон, расскажите зачем вы избили дворецкого Артемия Петровича, на глазах у толпы, практически нанеся урон его чести. – Спросила со строгим лицом императрица у Карла.

- Ваше величество, - поклонился Анне Иоанновне Карл, - никакого урону чести и имуществу, Артемию Петровичу нанесено не было. Я увидел безобразие, очень похожее на избивание младенцев. Как Христианин и дворянин, я не мог пройти мимо такого Богопротивного кощунства, когда на императорской охоте, какой-то пьяный мужик, избивает и говорит непристойности в отношении маленького человека. Оказалось, что это карлица шутиха, которая служит вашему величеству. Вот пожелаете вы развлечений, например, а одна из ваших, преданных вам карлиц не сможет исполнить свой священный долг перед вами. Ваше сердце будет скорбеть о сём событии, и вы не сможете ублажить свой взор и царственных слух их шутками и прибаутками. Так что радел я ваше величество токмо о вас, и вашем благожелательном настроении.

- Очень похвально господин барон, что вы печётесь о моём настроении и улажении высочайшего слуха и взора.

- Артемий Петрович, а что же ты мне не доложил что твой холоп, избил мою карлицу?

- Возможно, она хотела лошадей потравить, ваше величество, а мой дворецкий пресёк её измену. - Ответил Волынский.

- Кто? Степанида? Не смейся меня Артемий Петрович, и не защищай своего бестолкового холопа.

- Дворецкого, ваше величество, - уточнил Волынский.

- Мне лучше знать, кто холоп, а кто дворецкий. И не перебивай монарха, - немного раздражённо, указала кто в доме хозяин, Анна Иоанновна.

- Барон, вы всё сделали правильно, я ценю людей радеющих за настроение императрицы и сохранения её имущества, - сделав ударение на слово «Имущество» Анна Иоанновна повернулась к Волынскому. – Вы свободны барон.

Андрей Иванович, находясь рядом с императрицей, у себя в голове сделал заметку, о том, что Волынский не особо радеет за имущество Её Величества. Папочка на Волынского, в его ведомстве, скоро станет толще на пару страниц. А Карл, нравился ему всё больше и больше. Это же надо же, так было вывернуть, радеет он об императрице и её имуществе, - ай да Карл, ай да сукин сын. – В унисон его мысли, кто-то из придворных мужчин, в полголоса произнёс, - Как выкрутился то, шельмец.

Ночь не прошла спокойно для Карла и его благодетеля. Когда все в городке утомонились, когда ночь перевалила за свою первую половину, к палатке Антона подошли трое мужчин.

Герсту опять пришлось беспокоить Антона, сообщением, что пришли люди от Волынского.

- Ваша светлость, у нас имеется дело чести к вашему пажу Карлу, - произнёс один из мужчин.

- Какое же дело у вас среди ночи? – Господа

- Вашим пажом была задета честь нашего друга, и он требует сатисфакции, однако положение и здоровье не позволяют ему самому участвовать в получении удовлетворения, я уполномочен сообщить барону Мюнхгаузену, что я вызываю его на дуэль.

- Что прямо сейчас, среди ночи? – Встрял в разговор Карл.

- Можно сейчас, можно утром, мне всё равно. – Ответил мужчина.

- Вы забыли представиться милостивый государь, или этикет для вас пустой звук? – Уточнил Карл дуэльный кодекс дуэлянту.

- Ах, простите, барон. Разрешите представиться подпоручик Преображенского лейб-гвардии полка, Петр Немчинов, - ответил ночной визитер.

- Я принимаю ваш вызов, подпоручик Немчинов, драться будем, в пять утра, пока все спят. Оружие я выбираю шпагу, а то если мы будем стреляться, то все проснутся. – Уточнил Карл.

- А может быть днём господин барон? – В свою очередь предложил Немчинов.

- Нет, я убиваю до завтрака, а потом мне надо на службу. Так что только так. – Уточнил время Карл.

После того, как озадаченный Немчинов ушёл восвояси, Карл завалился спать на ковер, улыбаясь скорому утру. Антон и Герст посмотрели на него с укоризной.

- Немчинов дуэлянт, известный бретер в столице, ваша светлость. – Сообщал Герст принцу.

- Ты посмотри, а он ещё улыбается, - произнес Антон.

Карл поворачиваясь на другой бок, в полусне сказал обоим, - всё написано в книге жизни, если мне суждено завтра быть убитым, то ничего с этим не поделаешь, а если я выживу, так и просто прекрасно, так что зачем переживать, всё давно написано, а мне надо выспаться.

Солнце ещё не взошло, но серость ночи отступала на запад, Карл шагал по лесной тропинке, на выбранную вызывающей стороной, полянку, сбивая своими ботфортами утреннюю росу с травы. Одетый в одну рубаху и лосины, он перед выходом стянул для удобства свои волосы на затылке. И сейчас, положив свою шпагу на плечо, он пожевывал сорванную травинку в зубах и улыбался проявившимся, из-за лесной чащи первым солнечным лучам. Солнечный свет проникал сквозь еловые лапы, и молодую листву берез и осин, растущих в этом лесу. В древнем лесу. Свет продолжал литься муравьёв, мушек и букашек, на траву и мох, отливая маленькими каплями изумрудов на утреннем солнце. А в конце своего пути, свет утреннего солнца, отражался от высоких и начищенных ботфорт Карла, солнечными бликами.

Как договорились секунданты, дуэль будет идти не до первой крови, а до смерти, так пожелала вызывающая сторона. Ну, раз так, то пощады никто просить не будет. Но никто к смерти не готовился. Немчинов собирался после дуэли получить вознаграждение, а Карл собирался плотно позавтракать перед возвращением в столицу.

Карл не встал в классическую стойку, оказывается, он ей просто не пользовался. Всю жизнь он тренировался у старины Фрица приёмам, которые тот научился в Швейцарии у мастеров фехтования. Вот простая и эффективная, по мнению Карла, стойка, когда его правая рука со шпагой была поднята чуть выше головы, а остриё клинка было направлено в лицо и ключицу Немчинова. В случае необходимости, он всегда мог изменить стойку, поменять положение руки или вообще перекинуть шпагу в левую руку, ибо левой рукой он владел не хуже правой.

Дуэль закончилась на первой минуте. Шпага Карла пробила живот Немчинова снизу, в районе паха, и вышла из спины, пробив сердце и лёгкие.

Начав по команде бой, Немчинов решил поиграть с Карлом, проверить его способности, насладиться приёмами изматывания противника. Дразня барона остриём шпаги, двигая её вперед и назад, имитируя атаку, Немчинов кружил вокруг Мюнхгаузена. Только вот барон Мюнхгаузен, не смотря на свой юный возраст, к таким сантиментам и балетным приёмам,

предрасположен не был. Отработав кистью руки и отбив клинок Немчинова вверх, Карл резко припал на левую ногу, сократив дистанцию, быстро изменил стоя на колене, положение клинка, опустив руку к согнутой ноге, и резким колющим ударом снизу в живот, закончил поединок одним ударом.

Пётр Немчинов, проведший немало дуэлей, как по заданию своего патрона, так и подрабатывая на стороне, умер мгновенно, как только шпага Карла покинула его тело. На лице мертвеца, вместо маски невыносимой боли, застыло выражение удивления. Дуэль была завершена, стороны подтвердили честность поединка и полное удовлетворение сторон.

- Ну что, Андрей, а теперь завтракать, - предложил Карл.

- Да, да, Карл, только мне, почему то не хочется. На войне понятно, вон турок, коли руби его, супостата. А тут, своего, русского, вот так за полминуты, наколоть на шпагу как кусок мяса, что-то мне не по себе.

- Вот и я про то же Андрей, я не нарывался на дуэль, я её не хотел, но вот в книге судеб сегодня была перевернута страница. Я жив, враг мёртв, и я кушать хочу. У нас сегодня много дел, идём.

Антон не мог усидеть на месте, он метался по своему шатру из стороны в сторону. Он переживал о своём друге. Очень ему не хотелось хоронить своего пажа, друга детства и почти родственника в восьмом колене.

- Ну что вы ваша светлость, носитесь по шатру как белка в колесе, - услышал он с детства знакомый голос Карла. Повернувшись ко входу, он узрел Карла со шпагой на плече и с довольной физиономией. Рядом с ним стоял позеленевший Герст, опираясь на плечо Карла своим плечом, как на колонну в летнем парке.

- Живой, слава Деве Марии, - и Антон обнял своего друга и пажа. – А что это у тебя, Карл? – И Антон предъявил пальцы правой руки, испачканные в крови.

- Наверное, это Немчинова кровь, - предположил Карл.

- Да нет Карл, это у тебя рана на левом ребре.

- Надо же, не заметил в суматохе.

- Карл, он же тебя ранил.

- Как это мило с его стороны, мог бы, и предупредить перед смертью. – Разглядывая окровавленную и рваную на боку рубаху, Карл. – Раз я ранен, то мне надо помыться, перевязаться и хорошо подкрепиться.

- А мне надо выпить водочки, Карл, я тут весь, из переживался за тебя.

- А мне надо выпить вина, красного сухого, в лечебных целях, и желательно нашего немецкого, с берегов Рейна. – Поставил точку в разговоре Карл.

- Я бы тоже немного бы выпил водочки – подал голос Андрей Герст.

- Ты на посту, Андрей, тебе нельзя пить на службе, устав надо соблюдать. Иди на пост, чувствую я, скоро к нам опять придут. – Снимая рубаху, спрогнозировал победитель дуэли.

Как в воду смотрел. Не прошло и часа, как последовал очередной вызов, но в этот раз к Ушакову в шатёр.

- Наслышан я, что ты мой юный друг, заколол на дуэли одного из лучших бретеров Санкт-Петербурга. Ну что тут скажешь, всё по правилам, вот только ты сегодня нажил себе очень опасных врагов, Карл. Волынский тебе этого не простит, Преображенцы тебе этого не простят. Так что правильно думает Антон Ульрих, надо тебя на войну отправлять, засиделся ты в столицах, пора жирок растрясти, сабелькой помахать, героизм проявить, во славу, так казать.. Но у медали есть и вторая сторона, барон. Ты сегодня кроме врагов, обрёл себе и друзей. Они не придут к тебе и не сообщат об этом, но в нужный момент, всегда подставят тебе плечо. Вот так-то.

- А Её Величество, знает об утреннем инциденте?

- Её Величество знает всё, и об утреннем инциденте тоже. На тебя она не сердиться, понимает, что мальчики, по другому жить не могут, а вот рада она за тебя или нет, мне не ведомо, - подмигнул Карлу, Андрей Иванович.

В шатре императрицы пахло свежесваренным кофе. Запах от кофейника стоял такой терпкий и душистый, разносившийся не только по шатру, но и за его пределы, что охрана у входа невольно глотала слюнки.

- Как себя Степанида чувствует, лекарь ей не требуется, - поинтересовалась Анна Иоанновна у Авдотьи Бужениновой.

- Спаси Господи, матушка. Побита, конечно, но до свадьбы заживёт.

- А она знает, что дуэль была, и что её спаситель, отстоял свою честь, заколов посланника Вольнского.

- Знает матушка, и хочет отблагодарить спасителя.

- Я тебе денег дам немного, отблагодарите его от своего имени. Хочу и я его отблагодарить, но мне неместно. Ты женщина умная, что-то да придумаешь.

- Всё сделаю матушка, только вот я думаю, что по приезду в столицу, тут не стоит дразнить врагов.

- Распорядись душа моя, что бы мне ещё кофе сварили, да покрепче, да по турецки. Скоро война, надо и мне быть готовой.

В это время в шатре Вольнского, Васька Кубанец, стоял на коленях перед своим хозяином и пытался оправдаться, за свой поступок. Артемий Петрович не распекал своего дворецкого, он просто надавал ему по зубам и по уху, для науки, чтобы в следующий раз, всё было не прилюдно и втихаря. Вольнскому больше было жаль Немчинова, хороший бретер, надежный, стоило только указать пальцем на кого, и через три дня тот погибал на дуэли. Всё чисто и гладко. Но у Преображенцев это не последний гвардеец без денег. Скоро сами придут шпагу предлагать. А он её примет.

По совету придворных, на обратном пути Антон и Карл не сопровождали в конвое императрицу, они отбыли первыми сразу после обеда. Была ли это воля Её Величества, или таковы правила этикета, Карла это проблема не интересовала, он наслаждался жизнью, восседая на своём Графе, и он был полон энергии для новых приключений и героических подвигов. Его ждала война, место для настоящих мужчин. Все его предки воевали, отец, дед, прадед, и прапрадед, все стояли под знамёнами королей, герцогов и графов. Как учил старый Фриц, мужчина не должен стремиться на войну, но если война приходит сама, ни в коем случае нельзя от неё увилывать. Это закон войны. К тому же ему недавно исполнилось восемнадцать лет, и по закону Российской империи, он может встать в строй. Вот Антон, например, на войне проявил храбрость, пулям не кланялся, водил эскадроны в атаку, получил орден и полковника, стал шефом Семеновского полка. Чем он, Карл хуже? Но ничего, крови он не боится, и убивать он тоже не боится.

Дом его встретил, приятной прохладой в комнате, прыгающим вокруг Хаймулей и строгим взглядом Андреаса, предчувствовавшего очередные неприятности Карла.

Господин барон ввёл в обиход правило, что все жители дома обедают вместе, независимо от того, слуги они или гости. По началу, Федор и Авдотья отнекивались, мол, не положено при хозяине, обслуге сидеть за одним столом. На что, Карл, в своей манере им буднично сообщил, - Я хозяин, и порядки тут мои, это во первых. Во вторых, я всю свою жизнь стоял за спиной герцога и Антона на обедах. Только иногда мы с Антоном ели за одним столом, а иногда и из одного котла. Я безотцовщина, и желаю обедать со своей семьёй, хоть и временной. И вообще, должна же быть у меня какая либо барская дурь? У всех русских дворян имеется маленький заскок. Вот и у меня заскок на обеды с домашними, а на мнение остальных мне плевать со шпиля Петропавловской крепости. Такие правила, пришлось Федору и Авдотье по душе. Они

давно для себя сделали отметку, что Карл парень душевный и его надо оберегать от столичных соблазнов по мере возможности, конечно.

За трапезой Карл поведал другу о дуэли и показал рану на ребрах. На праздничном обеде, по случаю возвращения с охоты, Авдотья расстаралась и приготовила зайчатину, не хуже чем на императорской охоте. Надо отдать должное Карлу, что он не мог не угостить своего волчонка, кусочком зайца, волк он, в конце концов, или не волк.

Андреас поведал, о формировании полка, посетовав, что Брауншвейгский полк должен формироваться из граждан Германии и Пруссии, но народу мало, едва набрали эскадрон, где Андреас, начал потихоньку тренировку нижних чинов, и некоторых офицеров из немецких дворян, которые в седле держаться умеют, а вот орудовать палашом и стрелять на скаку не могут. В общем, дел выше крыши.

- Я, наверное, буду просить Антона, как командира полка, принять меня в полк к землякам, а то я что-то задержался в корнетах. Интересно мне звание сохранят или на ранг ниже присвоят?

- Карл, командир пока твой друг, может и повысят.

- Может, но не в этом случае. В России не любят выскочек, а я им как раз и являюсь, представляешь, как будут на меня смотреть офицеры русских полков. А так схожу на войну, вернусь, и никто не посмеет сказать, что я не воевал и не достоин, служить офицером в полку.

Хаймуля потерял об ногу барон и бесцеремонно улёгся на его ступню, вдыхая хозяйский запах. А потом он просто захрапел, не сильно, ведь он ещё маленький.

- Федор, что у нас по хозяйству, поведай, будь любезен.

- Так всё в порядке, господин барон. Деньга на еду есть, Авдотья набралась немецких манер от вас, везде экономит и торгуется до потери сознания. Дрова есть, вода есть, щенок накормлен и гуляет сам по себе по двору. Я ему игрушку справил, из дерева кость вырубил, и на сучке повесил, вот он с ней и играет, прыгает, шельмец, пытается зубами вцепиться и висеть на ней.

- Ну и славно, а сейчас я пойду отдохну, завтра на службу с утра. Андреас, а твои планы?

- У меня всё по расписанию, Карл. После обеда плац, тренировка, потом выездка до самого вечера потом домой.

- Ну и прекрасно, встретимся за ужином.

Карл поднялся к себе в кабинет, и достав из стола свой дневник раскрыл его, собираясь сделать очередную запись. Он уже давно ведет дневник, записывая туда важные события. Не смотря на юный возраст, Карл решил не писать имена людей, о которых он писал и с которыми он общался. Для начала, чтобы чужой человек не смог понять кто описан в дневнике, а ещё для того, чтобы тренировать свою память. Например, прочитал эпизод, и сразу в голове нарисовалась картина, как в театре. И сразу вспоминаются и имена и даты и тонкости. Сам знаешь, а чужим и не понять. Вот и сейчас, обмакнув перо в чернильницу, покусывая кончик гусяного пера, он посмотрел в окно, улыбнулся, нахмурился и начал писать новую строчку – « О том, что охота приведёт меня в очередной раз к «И», я даже и не догадывался. Но то, что охота приведёт меня на дуэль, и в мыслях такого не было. Но смотреть на то, как избивают маленькую женщину я не смог. Ну и порядочки на охоте. А ведь я в душе рад. Теперь у меня, как у настоящего дворянина, есть настоящие враги, не просто враги, а враги смертельные, сильные и богатые. Господь не оставит меня наедине с ними, ибо согласно воли Его, есть у меня и друзья, так же сильные, а некоторые и богатые. И не надо забывать о задании, всё только начинается. Жду войну, на два направления. Сначала разберусь с одним, потом со вторым».

Закончив писать, Карл убрал дневник, взял книгу, которую он никак не дочитает и , улегшись на диван под открытое окно, надутые ветерком занавески, под жужжание мух на улице, углубился в философский труд, чтение которого у него немного затянулось.

Проснулся Карл, от того, что его аккуратно теребили за плечо. Перед ним стоял Федор, с немного бледным лицом. Еще не проснувшись до конца, с раскрытой книгой на своём привлекательном носу, Карл разобрал бормотание Фёдора.

- Ваше благородие, к вам посетительница, такая настырная, что просочилась как вода у меня между рук. Велите впустить?

- Дядя Федор, - с спросонья ляпнул Карл, - она же уже просочилась, где она, осмотрев кабинет Карл никого, не увидел.

- Да туточки я Карлуша, - откуда-то из-за головы раздался тонкий женский голосок, больше похожий на детский ломающийся голос.

Наверно уже сто лет никто не звал Карла, - Карлушей. Обернувшись на голос он увидел, маленькую женщину, которую видел на приёме у императрицы.

- Что не узнал, рыцарь?

- Почему не узнал, узнал. Но вы бы дождались бы, пока я проснулся, встретил, угостил, комплиментов бы наговорил.

- Некогда Карлуша, некогда. Дела не ждут. А ты уважаемый, - обратилась женщина к Фёдору, - позволь нам остаться наедине, разговор у меня.

- Фёдор, принеси чего ни будь выпить даме с дороги, а мы пока поговорим.

Фёдор, покосился на женщину, - Сей момент господин барон, - и удалился из кабинета.

- Спасибо тебе Карлуша, за Степаниду, век мы за тебя молиться будем, не дал кошунству совершиться. - Начала свой монолог карлица Авдотья Буженинова. - Матушка, скажу тебе по секрету, очень довольна тобой, но виду не показывает, она хоть и царица наша, но тоже не всё может. Жди дорогого подарка от неё, она тебя уважает, приглянулся ты ей.

- Авдотья, ты на что намекаешь?

- Эх, молодежь, молодежь, всё то у вас не то на уме. Она переживает за тебя, и не только она, кстати, а кто я тебе не скажу, хи-хи. Я тебе тоже подарок принесла, от нас от шутов и шутих. Во дворце уже слухи пошли, ежели, кто нас обидит, барон на шпагу наколёт, хи-хи. Ты не думай, если мы шутихи, то и без ума? Наоборот, Карл, мы многое можем, и императрицу видим чаще, чем она себя в зеркале. Служба у нас такая, Карл.

- Ну да, были в истории шуты, которые правили странами, пока короли отдыхали.

- Молодец, Карл, зришь в корень. Мы тоже многое можем. Так вот, за то что ты заступился за Степаниду, предлагаю тебе помощь в твоём деле.

- В каком таком деле, Авдотьюшка, ты ничего не путаешь.

- Эх Карлуша, не только у стен уши имеются, у слуг тоже слух неплохой, вот только за мебель их держат, а зря.

- Ну, раз так, то слушай, что мне требуется.....

- То же мне, удивил, да эту задачку мы на раз решим, не переживай Карлуша, недели не пройдёт, всё у тебя будет на блюдечке.

- Это как ты так сможешь-то?

- А вот это Карл не твоя забота, сиди себе на своём диванчике, читай книжечки, а умные люди тебе помогут.

В этот момент в кабинет постучал Фёдор, держа в руке поднос с двумя бокалами вина и тарелкой с нарезанными фруктами. - Вот господин барон, угощайтесь.

- Спасибо дядя Федор, отдыхай.

Самому Фёдору понравилось, что господин барон назвал его второй раз дядей Фёдором, кому сказать не поверят, что хозяин, слугу «Дядей» кличет. Приятно, чёрт побери. - «Где ещё такого барина найдёшь. Питаемся за одним столом, а вот теперь и дядей обозвал, племянничек. Хороший он человек, только очень рискованный. Надо будет за его здоровье свечку поставить. Да он же Лютеранин, да и ладно, все под Богом ходим» - Думал Фёдор спускаясь по лестнице.

- Жди весточку Карлуша, либо я тебе устно расскажу, либо письмо пришлю. Хотя нет, наедине поведаю, не доверяю я письмам, могут перехватить, - отпивая вино, заговорила Авдотья. – Ладно, пора кончать разговоры, я и так задержалась у тебя, красавчик, хи-хи. Не провайжай, сама дойду.

Но перед тем как уйти, Авдотья своими маленькими ручками, порылась в складках своего богато отделанного платья, откуда из потаённого кармана, спрятанного во множестве складок парчи и шёлка, извлекла небольшую коробочку, которую поставила на краешек письменного стола. – Это моя маленькая благодарность за маленького человека. Береги его.

Дуновение ветра, и женщина исчезла за дверью, а на лестнице раздались звуки каблучков. С исчезновением женщины, никуда не исчез запах её духов, который ещё витал в воздухе, наполняя комнату приятными ароматами. Карл повёл своим утончённым носом и сразу определил, что он уже где-то чувствовал этот запах. Ошибиться он не мог, он же не курит, а по сему, хорошо чувствует и определяет, аромат духов. Это были духи императрицы, которые он вдыхал в шатре Её Величества.

«Вот тебе и номер, как всё получается-то. Вот не знал, что могу помощь от неё получить, сладилось бы. А она говорит, что не сложно. Всё то у женщин «не сложно» то, сложно для мужчин, и «сложно» то, что для мужчин пустяки. Женщины, загадка природы. Хм. Хороший вывод», - подумал о встрече Карл. Записывать в дневник он о посещении его дамой не стал, не тот случай, это другое.

Авдотья, подошла к калитке, где уже на посту стоял Фёдор, немного склонившись, он отворил калитку, - Приезжайте ещё барыня, - попрощался с женщиной Фёдор.

- Бывай дружок, может ещё и встретимся, меня ты не видел и не слышал.

- Нем как рыба.

За калиткой, невдалеке от дома стояла крытая черная карета. Как только Авдотья вышла на улицу, кучер несильно тронул кнутом лошадок и не торопясь подъехал к женщине, тут-же открылась дверь и Авдотья, протянула руки во внутрь кареты, где сильные руки подхватили её и буквально внесли, усадив на мягкие подушки.

- Ну как он? – спросила Степанида.

- Как, как. Молодец он, надо ему помочь, - ответила Авдотья.

- Я чем могу помочь, радость моя, - мужской голос влез в разговор двух шутих.

- Придёт время, милый, и ты поможешь. – Ответила Авдотья.

Присев на диван, Карл раскрыл коробочку, подаренную ему Авдотьей, и долго разглядывал маленькую благодарность от маленьких людей. Он даже боялся примерить его, так он был хорош, этот небольшой золотой мужской перстень с красным, прямоугольным рубином, в окружении небольших сапфиров. Прямо в цвет его гвардейской формы, сине красной. Перстень был похож на перстень рыцарей, что носили крестоносцы в крестовых походах, или на обратном пути. Кому как повезёт. «Да, умеют же женщины, быть благодарными созданиями. Всего-то, дурака на клинок насадил. Если так дело дальше пойдёт, у меня будет по три перстня на пальцах. Сколько там ещё бретеров в столице? Неведомо». – Думал барон Мюнхгаузен, взирая на действительно рыцарский перстень, старой работы, но не европейского мастера, а мастера с востока. Как он попал в Россию, никто не знает и не помнит, так же никто не знает как он попал в руки Авдотьи. И стоимость его не известна. Точнее известна цена, - один убитый на дуэли. Слава Богу, это не барон Мюнхгаузен.

Глава 10

10. Барон едет на войну!

Принц готовился к войне, и Русская армия готовилась к новой компании. В прошлом году Антон показал себя отличным офицером, не кланявшегося турецким пулям и ядрам при взятии Очакова. За что был представлен к ордену и повышен в званиях. В эту компанию, Антон, получив под своё командование сводный полк, состоящий из батальонов Семеновского и Преображенского лейб-гвардейских полков. Помимо этого, Антон Ульрих решил присовокупить к ним батальон кирасир, уже своего, любовно выпестованного, хоть до конца и не сформированного Брауншвейгского кирасирского полка. Пора своих бравых солдат обкатать под неприятельскими пушками, ибо муштрой и военной наукой во всём полку заведовал только один человек – вахмистр Таутфест. Андреас оказался единственным в его полку человеком, который имел опыт сразу нескольких Европейских войн, и слыл непререкаемым авторитетом, в деле подготовки личного состава. А личный состав, только радовался возможности до седьмого пота, в любую погоду и в любое время суток, выполнять упражнения как в конном строю, так по одному, проклиная сквозь зубы тот день, когда они подписали контракт на службу. Офицеры и нижние чины, когда ставили свою подпись в низу мелко исписанного контракта, не знали, что их муштрой будет заниматься вахмистр, лично определенный принцем Антоном, на столь трудное задание. Дисциплина и порядок, вот что ввёл в обиход вахмистр Таутфест. Тут вам не там, каждый талер, должен быть отработан потом и кровью.

Карл, как паж принца, должен был следовать с Алексом на военные действия, сопровождая Антона, где бы он ни находился. Антон сразу определил Карлу место посыльного при своем штабе. Должность не пыльная, как считал барон, сиди себе при штабе, да и посылай что-то и кого-то, и желательно куда подальше, пока он, барон Мюнхгаузен, будет заниматься военными действиями. Однако его ждало разочарование.

Как-то вечером, получив записку с предложением прибыть в полюбившийся ему всем сердцем трактир, он узнал о войне очень много того, о чём раньше и не знал. В заведении дядьки Дионисия, собрались его друзья, поужинать и поговорить за кружкой пива о войне. Собрались все его друзья Семёновцы, Андреас в новой форме Брауншвейгского кирасира, и к удивлению Карла, Семёновцы пришли в сопровождении штабс-капитана Сухонова.

- Здравие желаю, господин штабс-капитан, - и Карл приложил два пальца к треуголке.

- Здравствуйте Карл, наконец-то вы выучили устав, и отдали честь с покрытой головой, - улыбнулся в ответ Владислав Сухонов.

- Присоединяйтесь барон, присоединяйтесь, - загалдели друзья, перебивая друг друга, уступая ему место за столом.

- Карл, господа офицеры пьют вино, по старой гвардейской традиции, но у меня есть пиво для тебя, - предложил Дионисий промочить горло Карлу.

- Немецкого, наконец-то закупил, дядька Дионисий? - уточнил Карл.

- Так вышло Карл, что не судьба наверно тебе выпить пиво с твоей родины, я закупил ещё пару бочонков Ирландского пива, так что пока потерпи. – Уточнил Дионисий.

- Ну и ладно, - согласился Карл, - давай своего Ирландского, а немецкого я и дома напьюсь.

Ирландское пиво тоже понравилось Карлу, не хуже немецкого, а тёмное, так и вообще лучше всяких похвал. В Германии темное пиво немного было с горчинкой, а Ирландское пиво в России на оборот чуть отдавало карамелью. И ему как недавно отметившему восемнадцать лет, и имевшего все законные основания приложиться к пивной кружке, ирландское пиво, нравилось больше.

Алексей Бакулин, рассказал, что посыльный должность конечно не пыльная, только когда служишь зимой. «Вероятно из-за того, что зимой пыли то и нет», - подумал Карл. Да и не престижная это служба, среди офицеров, просто так при штабе ошиваться. Прапорщик Ершов, заверил его, что летом, в Бессарабии пыли даже больше чем в степи, а Герст ещё присовокупил, что помимо пыли и грязи, там можно и чуму схватить. На что штабс-капитан Сухонов, очень авторитетно заявил, что заболевания возможны, только если не следовать уставу и рекомендациям полкового доктора Чистякова. Да и вообще пора бы выпить за победу русского оружия, дальновидность командования и возможности обзавестись трофеями. Так что, следуя уже отработанному правилу, после кружки пива, последовала кружка вина. Это чтобы голова не болела по утру.

Пока основная армия собиралась в поход в Бессарабию, вместе с Минихом, Карлу предстояло решить одну непростую задачку. Как-то вечером, когда он занимался важным мужским делом под присмотром Андреаса, а точнее готовил оружие к войне, разбирая свой небольшой арсенал, - смазывая свою шпагу и проверяя на остроту саблю, подаренную капитаном Боргом, как трофеей, взятый на абордаже, в кабинет к Карлу заглянул Фёдор.

- Ваше благородие, к вам опять женщина с каретой пожаловали, - негромко, слегка прокашлявшись, доложил Фёдор.

- Так зови её, только карету на улице оставь, в доме карета, не поместиться.

- Карета, осталась на улице Карлуша, так что не стоит переживать за паркет, - раздался от двери знакомый женский голос. – Надеюсь, ты меня примешь на пару минуточек, спаситель императорского имущества?

- Я приму милую даму, а императорское имущество, я спасу в следующий раз.

Поняв, что предстоит разговор приватный, тактичный Андреас, сослался на дела и уведя с собой Фёдора, отправился пить чай с пряниками, так ему полюбившимися в России.

- Чем порадуешь, Авдотья?

- Как тебе подарочек Карлуша?

- Королевский подарочек, нечего сказать, надеюсь, твоя казна не пострадала?

- Не пострадала, дружок, не пострадала, но и ты держи в тайне дарителя, мало ли. Теперь по делу. Выяснили мои люди, про печаль твоего принца. Ты не подумай ничего лишнего, слуги то они тоже слух имеют и видят всё, только хозяева их за мебель держат, а они всё видят и слышат и на память не жалуется. Принцессу то околдовали, да не смотри ты на меня так, не в прямом смысле конечно, а наговорили на твоего принца напраслину, такую, что мало не покажется. Слушай Карлуша внимательно, и запоминай. Где-то около года назад, была у твоей Анны Леопольдовны служанка, вечером ей постель готовила, а утром горшки убирала. Так заболела она или ещё, какая беременность с ней случилась, но от двора её удалили. Вместо неё, прислали принцессе новую служанку, Таисию, все её Таськой зовут. Приглянулась она принцессе, стала не только ей постель готовить, но и разговоры с ней вести. Всё хорошо было, девки то молодые, нашли общий язык со временем. Вот со временем, стала эта Таська ей рассказывать слухи дворцовые. Вот однажды она ей и взболтнула, что принц то, её суженный любитель по барышням пройтись. Но это дело молодое, все так делают. Но потом, Таська наговорила на принца твоего Антона, якобы слухи ходят при дворе, что мужеложец Антон, пажи у него парни молодые, вот он с ними и якшается. Стала примеры приводить, на видаков ссылаться, как-бы всё по слухам. А когда те погибли на войне, принц чтобы не скучать выписал себе из Германии ещё одного пажа, тебя то есть, а потом и второго. Полный Содом и Гоморра. Но тут у них промашечка вышла. Ты-то парень видный и до баб охочий, об этом весь дворец судачит, так что тебя исключили из числа садомитов, но вот про второго пажа, Таська наговорила не мало.

- Что за бред, Алекс женатый человек, я его семью хорошо знаю. Вот я эту сучку высеку вожжами, за язык её бабский, - возмутился Карл.

- Не торопись Карлуша, всему своё время. Так вот слушай дальше и не перебивай старших барон, она и наговаривала принцессе, а та дурочка и поверила, уж очень убедительно Таська ей голову морочила. И охладела Анна к Антону твоему и лицо воротит от него. Но только не в Таське то дело. Она так принеси-подай, пошла вон. Является та Таська дальней родственницей твоего закадычного друга, догадайся кого. Ни в жизнь не угадаешь Карлуша. Она и есть родня, крестника твоего, которого ты на охоте своими кулачищами отходил. Васьки Кубанца, племяшка она. Хозяин его Волынский, попросил его найти девку, для дворовых слуг, вот он свою племяшку и пристроил. А беседы с ней вёл сам Волынский, он и учил её, что принцессе говорить. Даже денег Ваське выделил, пятьсот рублёв. Ты представляешь, такие деньги просто так не дают. А с кем Волынский в друзьях? То-то. Больше я ничего не знаю, но тебе и этого хватит.

- Да я Волынского на ремни порежу, вот ведь вражина, моего принца решил опозорить. Да я его на дуэль вызову, я ему по мордасам при всём честном народе надаю, не отвертится каналья.

- Не кипятись Карлуша, он и отвертится, и на дуэль вместо себя целый полк пришлёт, всех не переубиваешь. А в друзьях у него кто? Сам Эрнст Бирон. А у Бирона сыночек есть Петром кличут, уж не для него ли он так старается? Подумай над этим.

- Делааа. – Удивился Карл.

На следующее утро, Карл на службе обо всём поведал Антону. О том, что он выяснил, и кто за этим поклёпом стоит.

- Спасибо тебе Карл, ты большое дело сделал, держи всё при себе. Я сам доложу, кому следует, думаю, что мы решим и этот вопрос. За службу твою верную, проси что хочешь, в пределах разумного, конечно.

- Ваша светлость, а можно я в этой компании не буду посыльным при штабе. Мне в поле хочется, пороху понюхать, сабелькой помахать, на лошади поскакать. К тому же Алекс жена-тый, ему и при штабе будет удобно.

- Свободен корнет, я подумаю об этом позже, не обещаю ничего, конечно, но подумаю.

В этот же день, Антон был на аудиенции в доме Андрея Ивановича, где подробно всё рассказал ему о возможном заговоре против него. Пообещав разобраться, и выпроводив дорогого гостя, подложив очередную бумажечку в особую папочку, Ушаков уже через три часа докладывал императрице, что её план выдать замуж свою племянницу летит к черту, благодаря усилиям Волынского и его приятеля Бирона. Эти двое задумали расстроить планы Анны Иоанновны, а это уже пахнет заговором и изменой.

Вечером следующего дня, Анна Иоанновна, встретила со своим фаворитом Эрнстом Бироном в своей опочивальне, подальше от людских глаз.

- Скажи ка мне дружочек, не твоих ли рук дело, отваживать Анну от принца Антона? Ты что же, за моей спиной Петра своего хочешь ей в женихи пристроить?

Эрнст Бирон засопел, заворочался в постели императрицы, и понял, что его план стать регентом молодого, ещё не родившегося императора пошёл прахом, а по сему, он ответил. – Ну что ты, моя царица, и в мыслях не было, поклёп всё это и навет. Нет мне в том интересе.

- Ну, нет, так нет, - и Анна Иоанновна, лёжа на царской кровати, крепче прижалась к своему пока ещё любимому Эрнсту.

Утром следующего дня, выпроводив Эрнста на службу отечеству, сидя в своих покоях в лёгком пеньюаре, на любимом мягком Венском кресле, и попивая кофе из любимой ею изящной чашки, немецкого фарфора, императрица глядя на утреннее, в дымке солнце, приняла решение, от которого даже сама улыбнулась. А что, пусть Карлуша порадует, она же хотела его отблагодарить за зайца. Так тому и быть.

Карл догонял сводный полк, сидя в карете, которую получил в подарок одним ранним майским утром. Он немного задержался в столице, для улаживания разных дел, с разрешения

своего принца. И вот однажды находясь с Антоном во дворце, на приёме у Её величества, Карл был приглашён на императорский завтрак с участием Антона и ещё парочки генералов. Он чувствовал себя неудобно среди, заслуженных людей, но барон, вот уже почти полгода трётся во дворце, и если императрица пожелала, то барон отвечает «Есть», и должен исполнить высочайшее пожелание.

Так, за чашечкой кофе, под разговоры о предстоящей компании, в ходе которых Карл помалкивал, изображая кресло на котором сидел, дошла очередь у императрицы и до него.

- Что Карлуша, не боишься на войну идти, наверное, в первый раз? – Обратилась Анна Иоанновна к барону.

- Сказать, что не боюсь, ваше величество, значит противоречить истине, все боятся войны. Но признаться, что боюсь, тоже противоречить истине, война для меня пока неизвестна, я же в первый раз поеду. Но я же не один, я же в составе армии.

- Сократ в треуголке, да ты Карлуша философ, - улыбнулась Карлу императрица. – А на чём ты поедешь на войну?

- Как и все верхом на коне, на Графе, ваше величество.

- Ха-ха-ха, на подарке графини Лещинской. Нет, мой дорогой, ты поедешь на моём подарке.

Вот на этом подарке, карете, запряженной парочкой лошадей, и выдвинулся в поход барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен. Барон по высочайшему повелению ехал на войну в карете, пока вся армия двигалась пешком в сторону ставки Миниха в село Омельник, что в Полтавской губернии. За подарком императрицы, привязанный длинными кожаными вожжами, чтобы не глотать пыль, мерял российские версты подарок графини Лещинской. Откормленный на царской конюшне Граф, без сбруи и седла гордо шествовал за каретой, иногда выдавая громкое ржание при виде хорошенькой кобылки. В салоне кареты, помимо барона, свернувшись калачиком дрыхнул Хаймуля, наплевав на все невзгоды путешествия. Когда барон рассматривал путь до ставки по карте империи, его пробрал холодный пот. Расстояние от столицы, до ставки, составляло примерно, как от Балтики до Венеции, почти две Германии.

Карл не был эгоистом и скупердяем, в результате чего, его карета превратилась в маленький передвижной полковой лазарет, склад личных вещей офицеров и походный трактир, благо места, в императорском подарке было с лихвой. По просьбам товарищей, ему в дороге составил компанию полковой доктор, коллежский асессор доктор Чистяков Игорь Юрьевич. Делать в дороге было абсолютно нечего, помимо кормления волчонка и выгулке его на остановках, особенно первые сто вёрст. Вот барон и доктор, эти первые сто вёрст по дороге на Киев, помимо чесания животика разомлевшего Хаймули, имели полезные друг для друга беседы.

Коллежский асессор Чистяков, в свои тридцать с небольшим лет, был мужчина солидного вида. Даже сидя на мягкой подушке в карете, он казался чуть выше среднего роста, имел небольшой, согласно положению в обществе животик, прикрытый модным, коричневым камзолем. Высокий умный лоб, из-под которого на Карла смотрели умные серые глаза. Подбородок с черной модной бородкой, - эспаньолкой, украшавшей его краснощекое лицо, придавало ему ещё большей солидности и значимости. Под партикулярным париком, прятались когда-то черные, коротко стриженные волосы, отливали благородной сединой на висках. Когда терпеть жару в карете, уже было невозможно, доктор снимал свой парик, аккуратно прятал его от дорожной пыли в шелковый мешочек, после чего Карл лицезрел на голове доктора, небольшую, только начавшую расти зальсину. Ухоженный вид и пошитые в дорогих мастерских одежды, давали понять любому собеседнику, что перед ними столичный доктор с богатой клиентурой. Но как коллежский асессор попал в стройные ряды полка? Да всё очень просто, его неутомимый характер и жажда новых знаний особенно в медицине, привели его прямо в полк, где у него появилась обширная практика, которой позавидовал бы любой лекарь.

Как поведал коллежский ассессор, медицине он учился в славном городе Марбурге, где постигал науку за казенные деньги. При этом, будучи потомственным дворянином, он не кичился своим происхождением, перед своими товарищами из России, простых парней, которых за ум отправили за границу, постигать науки. В Марбурге, посещая лекции и анатомические театры, к концу образования он мог сам проводить не сложные операции, да и лечить широкий круг болезней. Уже побывав на Турецкой войне и столкнувшись с местными заболеваниями, в том числе и с чумой, доктор Чистяков выработал для полка инструкции, которые вбивались в головы всех солдат, во избежание заражения. Инструкции доводились унтер-офицерам, а те их доводили рядовым, а кто не понимал, с помощью дубинки вколачивали, что надо мыть руки перед едой, не пить из ручьев, иметь флягу с кипяченой водой, осматривать себя на предмет насекомых и истреблять их. Таким образом, потери в Семёновском полку от холеры и чумы были минимальные по всей армии.

Любознательный барон, имея в своём распоряжении такого ученого мужа, расспрашивал доктора о медицине, но в основном о лечении ран, переломов костей, о лечении простых болезней, об анатомии. Со стороны могло показаться, что барон совсем замучил доктора Чистякова своими вопросами. Но доктор Чистяков, с охотой рассказывал Карлу о своей науке, видя перед собой не праздно любопытствующего, а весьма достойного слушателя, который иногда делал пометки в своём дневнике. Карл же, в свою очередь, поведал Игорю Юрьевичу, что всегда интересовался медициной, и даже посещал лекции на медицинском факультете в Ганноверском университете. Так день за днём, час за часом, Карл постигал азы науки, которой доктор учился много лет. Колеса кареты накручивали миля за милей, по ещё не пыльной дороге, солдаты меряли Россию своим шагом, офицеры гарцевали на конях, армия шла воевать Турка. К концу путешествия, по мнению доктора, господин барон должен был как минимум, уметь определять с десятков болезней, лечить их простейшими способами, и быть ассистентом в операционной палатке, покоившейся на крыше кареты. Принятие родов доктор объяснил Карлу, как мог, ибо наглядного пособия у него с собой не было. Да и кричать, по деревням, из мимо проезжающей кареты, «рожают ли у вас бабы?», никто не станет. Не та обстановка.

В Пскове, Карл посетил знакомый ему дом, где он был принят, как близкий родственник, возвратившийся из дальних путешествий.

- Карл, мальчик мой, да тебя и не узнать, - смахнула слезу с глаз Натали Поддубная, - да ты возмужал, лицо то у тебя какое-то строгое стало. Как там в столицах? – Взмахнула руками Натали, намереваясь приобнять дорогого гостя. Но не тут то было.

Барон ещё не успел даже рта раскрыть, как тут же попал в медвежьи объятия Сергея Всеславовича, - Дай ка я на тебя посмотрю, милостивый государь. Наталья посмотри, подрасти парень, на много не подрос, а в плечах раздался, скоро форма лопнет по швам. Проходи скорее в дом, отдохни с дороги, да и сотрапезничаем, вместе, по-семейному. Сильвестр, - крикнул Сергей слугу, - как там баня с дороги, скоро ли будет готова.

- Так уже давно готова, ваше благородие, вы же с утра приказали готовить, мол, сон у вас был веший, гость дорогой приедет, - отвечивал Сильвестр.

- Сергей Всеславович, а я не один, - наконец-то дали возможность заговорить Карлу, - хлебосольные хозяева. – Со мной наш полковой доктор, коллежский ассессор Чистяков Игорь Юрьевич, приглядывает за мной, как бы чего не вышло, - представил доктора и одновременно пошутил Карл.

- Прекрасно, Карл, вот сразу же видно, что ты в столицах дурака не валяешь, с доктором путешествуешь, молодец, мой мальчик. – И, обратившись к стоящему за широкой спиной Карла доктору, Сергей представился, - поручик Поддубный Сергей, а это моя хозяйка, Поддубная Натали, милости просим в гости.

- Доктор Чистяков Игорь Юрьевич, - скромно представился доктор, но был тут же обнят, расцелован, и проведён в дом.

- Мы тут не в столицах, дорогой доктор, у нас всё проще будет, - подмигнул Сергей, очарованному простым гостеприимством доктору Чистякову.

Незабываемый вечер провёл Карл и Игорь Юрьевич, в доме Сергея Поддубного, после баньки, был накрыт стол, и во время ужина, Карл поведал о своём житье-бытье в столице. На что Сергей попрекнул Карла в устроенной дуэли, и прочих юношеских шалостях. – Карл, ты ещё слишком молод, чтобы вот так просто убивать людей. Разбойники то ладно, но на дуэли ты же мог его ранить так, что твой противник просто бы не смог продолжить фехтовать.

- Я то же так подумал вначале, Сергей Всеславович. Но выхода у меня не было, у меня был достойный противник, он бы меня не жалел. – Парировал Карл.

Сидя за столом, доктор Чистяков про себя подумал, - эх, господа, знали бы вы какие там пауки в банках грызутся. Карл ещё легко отделался, да и война увела его в поход от неприятностей в столице. Дожили, война спасение от возможной смерти в Санкт-Петербурге. О времена, о нравы.

Утром, первые петухи разбудили Хаймулю, а Хаймуля разбудил всех собак Пскова и стоящую на окраине города армию, своим волчьим воем. Полки раньше времени зашевелились, солдаты из караула смачно выругались, всё пришло в незапланированное движение. Только Карл смотрел сны, возлежа на перине, а до общего подъёма, было ещё два часа.

Двигаясь ускоренным маршем, полки прошли города Псков и Невель, и под радостные приветствия горожан, вошли в старинный город Смоленск, где предстояло отдохнуть пару дней. Армии необходимо проверить и пополнить фураж, подковать по необходимости лошадей, да и людям дать отдохнуть, перед дальнейшей дорогой.

Армия расположилась на постой за стеной города, офицеры как всегда делегировали свои обязанности фельдфебелям, а сами поспешили в места, где можно промочить горло с дальней дороги, поесть домашнего, точнее трактирного, что после полевых перекусов, будет считаться просто райской трапезой. Давно Смоленск, не видел такого нашествия, и всякий уважающий себя коммерсант не прочь был, поиметь с этого нашествия выгоду.

Не большой по столичным меркам городок, утопающий в зелени, окруженный высокой крепостной стеной, раскинулся тихими улицами и невысокими домами за стенами крепости. По обоим берегам, ещё не широкого Днепра, там, где раскинулся городской посад, народ гудел, как растревоженный улей. Мальчишки, наплевав на запреты родителей, мигом оказались рядом с начинавшим обустраиваться лагерем, живо интересуясь всеми военными железяками, до которых дотягивались их пристальные взгляды и шаловливые ручки. Солдаты, только были рады такому вниманию детворы, и подкручивая свои гвардейские усы, как могли, рассказывали зачем нужен штык и почему солдатский тесак, толще офицерской сабли. Девки на выданье, да и девушки постарше, интересовались совсем другими вопросами, не связанными с оружием, а скорее больше вопросами гражданского состояния солдат, строя в голове планы своей дальнейшей жизни в столице, недалеко от казарм суженного. В городе наступал вдовый день, вдовы и незамужние женщины готовились ко всевозможным изменениям в своей судьбе. Такой шанс редко выпадает в жизни. Выйти замуж за военного, гвардейца, а в крайнем случае оставить память о друге, сопящую во сне и орущую во все лёгкие, требуя мамкину сиську.

На многочисленных колокольнях города, раздавались праздничные перезвоны. Рядом с недостроенным Свято-Успенским собором, на склонах холма, был проведен торжественный молебен, в присутствии командования полка и губернатора. В самом центре города. Антон Ульрих был торжественно принят губернатором Александром Борисовичем Бутурлиным совместно с духовенством и почётными горожанами, затем, определен в лучший дом на постой, а потом приглашён со своими офицерами, на праздничный ужин в честь прибытия столь высокого гостя. Вот только надо отметить, что офицеры были приглашены в чинах не ниже командиров рот и батальонов, так что на ужине губернатор немного сэкономил.

Так как Карл и Алекс были в свите Антона Ульриха, то они просто были обязаны сопровождать своего принца на торжественный ужин. Но Карл отпросился у Антона от столь высокой чести, сославшись на Хаймулю, ведь подросшего волчонка и покормить надо, и выгулять, а то не дай Бог он опять завоюет среди ночи. На что, Антон присев рядом с волчонком, потрепал его между ушей, согласился, а этот маленький лесной житель, просто лизнул ему руку. – «Ну конечно, Карл, за животным надо следить, раз ты его приручил, вот теперь и отвечай за него. А вместо тебя я с собой возьму нашего полкового доктора, он мужчина видный, начитанный, в высшем обществе крутится, да и мало ли кому там плохо станет от обжорства, а у меня как раз, свой лекарь под рукой».

Таким образом, в результате перестановки, Игорь Юрьевич, составил компанию старшим офицерам и принцу, а Карл, с Хаймулей, идущим рядом, на самодельном поводке, составил компанию своим друзьям в одном из трактиров в центре города.

Сделав заказ, и в ожидании его выноса, друзья сдвинули по старой традиции столы, и расселись на скамье, глотали слюны от ароматов, идущих с кухни трактира, запивая эти ароматы, кто вином, а кто и пивом.

Когда офицерам подали еду, трактирщик, стоявший рядом, начал пристально всматриваться на лежащего у ног барона, Хаймулю. После чего, робко так намекнул, что заведение у него чистое и собак бы держать надо за дверью.

- Никакого урону, твоему заведению не будет любезный, - вальяжно отреагировал на замечание Карл.

- А это почему же, ваше благородие?

- А потому что это волк, а не пёс, зверь лесной и чистый, живёт у меня, практически член семьи. И лежать он будет там, где я ему укажу, а не там, где трактирщик разрешает. Уразумел?

- Уразумел, чего же тут не уразуметь-то.

Это был поворот в жизни Хайма, его назвали членом семьи и разрешили лежать у ног хозяина, грызть кости рядом с хозяином и с его друзьями, запахи которых он запомнил, ещё живя в городе.

Весть о том, что в трактире на Резницкой улице, остановились офицеры, разнеслась по всему околотку за считанные минуты. В редко посещаемый в это время трактир, расположенный недалеко от центра города, сразу потянулись горожане, пообщаться с военными, вспомнить свои подвиги, ведь половина мужского населения Смоленска, участвовала в походах царя Петра.

- Господа, думается мне, мы сейчас наедемся и напьёмся до отвала, и при этом не потратим ни копейки, - мечтательно предположил прапорщик Ершов.

- Пауль, с чего ты взял? Мы и сами можем напоить весь трактир, - возразил Карл, и поддакнувший ему в унисон Герст.

- Я сам Смоленский, господа, моё имение под Вязьмой находится, народ наш, Смоленский, простой и добрый, и за всегда готов своих солдатиков поить и кормить. – Уточнил Ершов.

- Пауль, а как же ты под Псковым оказался, когда мы встретились, ты же из дому ехал в полк? – Не понял Карл.

- Так же короче было, напрямки быстрее, а не огородами, да дорогами, через пол России. – Закрыв вопрос, Павел.

- Это хорошая традиция, поить и кормить своих зольдатен. Иначе они сами придут, как ландскнехты, всё сожрут, всё выпьют и всех ограбят. А мы тут немного экономить будем и откладывать на потом. – Поделился своим мнением, экономный Андреас, большой знаток солдатских привычек в Европе.

В этот момент, к Бакулину, подошёл мужчина, солидного купеческого вида, и прокашлявшись обратился к нему как к самому старшему, - Ваше благородие, не сочтите за невежливость, примите благосклонно наше уважение от купечества слободы, и отведайте чем бог

послал, выпейте что душе угодно, а об оплате не беспокойтесь, мы своих защитников прокормим. Чай не обеднеем.

Только Алексей собрался было открыть рот, чтобы ответить благодарностью, за столь патриотичный жест купечества, как с соседнего стола, поднялся крепкий мужчина, с пышной бородой, одетый не броско, но во всё чистое и новое, и прочистив голос покашливанием забасил, - а мы, ремесленный люд, что в стороне стоять будем? Чего это купцы на нашей слободе распоряжаются? Мы конечно больших барышей не имеем, но слава тебе Господи, - мужчина рьяно перекрестился, - деньги имеем. Так что господа офицеры, гуляйте, не стесняйтесь, пейте что хотите, ешьте от пуза, и пёсика вашего накормим.

Экономные как все немцы, Карл и Андреас, только потёрли руки от удовольствия, предвкушая пир горой. Однако, строгий голос штабс-капитана Сухонова, по должности не попавшего на приём, строго произнёс, - Карл! Тут вам не там, как у Дионисия, не возмущайте спокойствие. Всё должно быть чинно и благородно.

- А я тут не причём, ваше благородие, это Хаймуля кушать хочет, а я могу и потерпеть. – Карл показал глазами на волчонка, который уже вытянул свой нос, в сторону кухни, а из пасти потекла слюна.

- Короче, Карл, не напевайся.

- Так точно, господин штабс-капитан.

- Дисциплинка, едрить-колотить, ужо и напиться солдатику не дают, куда матушка Россия катиться, - раздалось из дальнего угла трактира.

По заведённой ещё в Изборске традиции, после пиршества в трактире, Карл проснулся не в палатке военного лагеря, а на перине в комнате для гостей, на втором этаже трактира. Рядом с ним возлежала русоволосая девушка, на вид примерно двадцати лет, с длинными волосами, пахнущими ромашкой и лавандой, раскинутыми по подушке. Бесстыдно закинув на Карла теплые руку и ногу, девушка посапывала Карлу в щёку, а её пухлые губки очень соблазнительно слегка раскрыты для возможного поцелуя. Чем Карл и воспользовался, просто инстинктивно. Давно уже у него не было романтических свиданий с дамами, да и вообще, как он умудрился оказаться тут, в кровати? Куда смотрел штабс-капитан? И вообще, как этот произошло? Напрягая память, он вспомнил, как вечером, благодаря жителям Смоленска, соблюдая дисциплину и порядок, он с друзьями вроде, как и не выпил лишнего, а на оборот, офицеры больше налегали на изумительно вкусную еду. Ну и выпивали, конечно, но в меру. Под присмотром же были. В какой-то момент, появились девушки, которых друзья разобрали себе, и Карл тоже не терялся, выбрал себе в подружки, самую сочную и грудастую. Лично сам барон спел девушкам пару немецких песен, под одобрительный взгляд Андреаса, чем полностью покорила их сердца.

Карл взглянул, на оголённую грудь подружки, - «аппетитная», - подумал барон. Будучи человеком культурным и тактичным, в этот вечер, штабс-капитан, поняв куда идут дела, просто допил свою кружку вина, и показав кулачище, своим подопечным, вставая из-за стола, приказал, - что бы к обеду были в лагере, трезвее папы Римского.

«Как же её зовут? Вот допился, не помню имени моей принцессы, то ли Фёкла, то ли Дарья, а может Катерина? Да что я буду себе голову то ломать. Буду её называть моя принцессочка. Богат и велик Русский язык! Всегда можно найти нужное и полезное слово».

- Моя принцессочка, просыпайся пора вставать, мне на службу надо. У меня же командир очень строгий.

- Карлуша, милый, давай ещё полежим, а то в церквах ещё колокола не звонили на заутреню.

- Ну, раз не звонили, то давай полежим.

«Чего просто так лежать в потолок смотреть? Пока время есть можно и делом заняться».

- Моя принцессочка, ком цу мир, - и Карл повернулся к своей принцессочке, притянув её к себе за талию.

- Ох и шалун ты Карлуша, - прошептала в ухо Карлу девушка, прижавшись своим бюстом к широкой груди барона.

Хаймуля, только посмотрел на это безобразие своими узкими серыми, волчьими глазами, зевнул и положил голову на лапы поближе к вчерашней косточке, которую он притащил с собой в комнату, не до конца обглоданной. Куда Карл, туда и он. Вдруг что случится, но не в этот раз.

Через три дня, полки свернули лагерь, и пополнив свои ряды губернатором Бутурлиным в сопровождении сводной ротой Смоленского гарнизона, продолжили свой путь на войну. Так как Анна Иоанновна, больших пополнений Миниху не обещала, то даже рота земского воинства, уже плюс к боеспособности армии.

Немного изменив порядок движения, в основном, чтобы не застоялся Граф, и не ожирел от разносолов Хайман, Карл пересел на коня, а его место в карете занимали по очереди его друзья, слушая лекции доктора Чистякова, о чуме, холере, дизентерии и других лихоманках, сопровождающих любую армию в походе. После таких бесед, штабс-капитан Сухонов, отдал строжайшее распоряжение нижним чинам своей роты, не пить сырую воду под страхом наказания палками, а пить только кипячёную, и только из колодцев и родников.

Карл, в свою очередь составлял компанию то одному офицеру, то другому, то с Антоном прокатиться в его карете, изображая из себя заботливого пажа. При этом, везде брал с собой Хаймулю, спуская его с привязи, который носился по полям и лесам вдоль колонны, иногда неся в зубах зайца или тетерева пойманного по дороге, себе на обед. На одной из стоянок, Хаймуля завалился рядом с Антоном, и тут же получил от принца косточку с мясом, и проворно её сгрыз под восхищенные взгляды свиты и губернатора.

- Ну и что мне турецкий паша со своими янычарами, - немного выпив вина, начал рассуждать Антон, - я вот волка кормлю с рук, косточками его угощаю, а он у меня в ногах возлежит. Побьём мы Турка, во истину побьём, да Александр Борисович, - обратился Антон к Смоленскому губернатору.

- Непременно побьём супостата, ваша светлость, с такими-то волками, мы всей Турции горло перегрызём. – Ответил Смоленский губернатор.

На одной из стоянок, после ужина, Антон вызвал Карла на разговор в свою палатку.

- Друг мой, скоро мы дойдём до ставки Миниха, а оттуда армия начнёт свое движение к неприятелю. Всякая уважающая себя армия, Карл, должна иметь разведку. Вот я и принял решение составить лёгкий отряд, для проведения разведки по ходу движения сводного полка. У нас в кирасирском полку, есть ещё не сформированные эскадроны, вот на основе полка и будет этот отряд. И я тебя делегирую в этот отряд. Отряд будет подчиняться непосредственно мне, а командовать в отряде будет Андреас, он самый опытный среди нас.

- А не будет ли урону чести, что офицерами будет командовать вахмистр?

- Не будет Карл, Андреас моим приказом, пожалован фендриком. А по окончании компании получит офицерское звание. Так что в этом плане всё в порядке.

- А кто ещё будет в нашем отряде?

- Главнокомандующий обещал казаков выделить, гусар наверное местных дадут, так что отряд будет сабель на тридцать. Да и вообще это отряд из добровольцев, ну кроме тебя конечно. Ты отправляешься в отряд по моему приказу, ты же не хотел посыльным быть при штабе? Вот тебе и моё решение, посыльным будет Алекс, а ты будешь мне неприятеля искать.

- Благодарю вас, ваша светлость, прямо мою мечту исполнили.

- Не благодари Карл, пора тебе становиться взрослым и серьёзным мужчиной, а то на уме у тебя выпить, закусить, геройство, да дуэли. Хорошо, что ещё к табаку не пристрастился, и с дисциплиной у тебя не очень. Разболтался ты без старого Фрица, пользуешься моим хорошим отношением к тебе. Я в тайне надеюсь, что военный коллектив сделает из тебя человека Карл, а Андреас научит тебя родину любить, хе-хе. Свободен. А ты Хаймуля, можешь ещё полежать.

Отряд вольных всадников, собирался не один день. Андрей Герст, первым напросился в строй к Андреасу, и был принят, но не потому, что они не одну чарку вместе выпили, а потому, что Андрей неплохо держался в седле, и умел рубить саблей на скаку. Карл был записан в отряд по приказу принца, а Ершов был откомандирован штабс-капитаном, потому что в прошлогоднюю компанию он уже покомандовал строем, а в эту пусть развивается в седле. Будущему командиру, надо уметь делать всё.

Андреас, по своей немецкой дисциплинированности, взялся за тренировки отряда, ежовыми рукавицами. Никому из молодых спуску не было. Сам Андреас, просыпаясь до рассвета, поднимал своих людей и первым делом отправлял их проверять лошадей, сбрую, подковы, почистить, помыть, покормить-напоить, оседлать и быть готовыми к тренировкам. Карл, конечно-же занимался с Графом, а вот Павел, обзавёлся Графиней, которая вспомнила его и была не против, что бы он восседал на ней. Остальные члены отряда были из эскадрона Андреаса, и к строгому немецкому порядку были привычны с детства, ибо были родом из Германии и Пруссии. Так что Карл нашёл с ними общий язык, очень быстро, а Павел, подтянул свои знания немецкого языка, в том числе и его неприличные в обществе формы.

До ставки Миниха оставалось несколько переходов, а полк растянулся почти на версту, поднимая пыль из-под колёс телег, сапог личного состава и копыт конницы. Отряд конных разведчиков, разъездами по всем сторонам по ходу движения, рыскал по полям и лесам в поисках врага. Но как такового врага нигде не было видно, но вот тренировки от этого проще не становились. Андреас гонял в хвост и в гриву своих подчиненных, при этом приговаривая, - «тяжело на тренировке, легко будет в бою. Пуля дура, палаш молодец, учитесь пока я жив, а то турки из вас кебаб сделают». И отряд тренировался до кровавых мозолей на седалище и ногах, до посиневших плеч от прикладов мушкетонов, до отбитых пальцев от курков пистолетов. Пороху Андреас не жалел.

Отряд Андреаса пополнялся новыми людьми. К нему были направлены несколько местных гусар из Малороссийского гусарского полка, недавно сформированного, со своим оружием и в непонятной форме, которую видели только Андреас и Карл, там, у себя в Германии. Гусары были местными, дети зажиточных казаков, переехавших, в малороссийские города, кто из Польши, а кто и из станиц, со своими конями и оружием. Но Андреасу было на это глубоко плевать, командовал отрядом он, и ему нужны были как в Баварской армии, опытные и дисциплинированные солдаты, и без шляхетского гонора.

Прибыл так же десяток казаков с Дона. Бородатые мужики, с кольцами в ушах и с пиками у седла. Возглавлял десяток донских казаков, самый крепкий казак, которого звали очень просто - Кольцо. Он сам так представился Андреасу, - Урядник Кольцо, ваше благородие. А имени у него Андреас не спрашивал, может так у казаков и положено, откуда ему знать.

Вот урядник Кольцо, помимо того, что с лошадьми он управлялся как герцогский конюх, так он ещё и владел саблей лучше всех в отряде. А сабля у него была не простая, а польская, длинная, свистевшая при рубки лозы. Гусары с завистью взирали на его оружие, оно было не куплено, оно было добыто в бою, такие сабли не продаются, и гусары это знали точно. Казаки же, уважали, этого только на вид увальня, высокого, широкоплечего, с небольшим животиком, с сильными ручищами. Он был стрижен наголо, но его рыже-русовая борода торчала во все стороны. Кольцо даже и не думал её как-то подстригать, просто погладит рукой, вставит в угол рта трубку, и под трубкой расправит почти пожелтевшую с левой стороны бороду. Вот и весь уход. Но самая отличительная черта, помимо сломанного носа, у этого матёрого казака была золотая серьга в левом ухе, в виде полумесяца. Практически у всех казаков были серьги в ушах, но только у Кольца она была золотая. Сами казаки не обращали внимания на эту серьгу, а вот Карл заинтересовался, и однажды он спросил: - Кольцо, а где ты себе такую серьгу раздобыл?

- Как где, да за зипуном в Персию ходил, там и разжился, - даже не удивившись ответил Кольцо.

- В Персию! Кольцо, расскажи а-а, как там В Персии?

- Да как-как, богато люди живут, торгуют со всем светом, богатства наживают, казакам на радость, хех.

- Кольцо, ты лучше расскажи, какое ты себе богатство привез из Персии, - подначил казака, один из его товарищей.

- А ты зубы то не скалил, а то не ровён час, и без языка остаться, - огрызнулся Кольцо.

- Кольцо ну расскажи пожалуйста, интересно же про твой зипун и богатство, - пристал Карл к казаку.

- Да что тут рассказывать-то. В прибрежном городе, мы пошли по домам, в одном доме смотрю два мужика на улицу ковёр тащут, ну я им по шее надавал, ковёр отобрал и себе на хребтину закинул. Ковер толстый, тяжелый, но ничего я сдюжил, всё таки они там, наверное барахла много завернули. Вот я и притащил его на палубу нашей чайки, всё же в одну кучу, хабар-то, потом делить будем. А ковёр зашевелился, все от страху сабли повытаскивали, но что-то у меня в нутре торкнуло. Говрю им - «Постойте братцы, могёт там человек спрятан».

- А дальше? – поторопил собеседника Карл.

- А что дальше, баба там была. Молодая. Жалко мне её стало, вроде ничего красивая, ну атаман и предложил, - «раз ты её притащил, то и забирай её себе. Один хрен, жинка тебе треба». Вот я её в курень и привёз, обженился, а у неё всего две серьги было, одну она мне отдала, сказала, что негоже, такому казаку без золота ходить, а вторую при себе оставила.

- А как её зовут,- поинтересовался Карл

- Марией я её окрестил, а так её Мариам звали, но это по-ихнему, по-басурмански.

Вот так и сколачивался отряд. Дальновидный Андреас, поручил воспитание барона и его Хаймули, именно этому казаку. Кольцо, осмотрев внешний вид подопечного, недолго думая, поинтересовался у Карла, есть ли у него другая одежда, а то в степи и в лесу Карл выглядит как пугало в своём синем кафтане с красно-белой отделкой.

Конечно Карлу было жалко свой форменный кафтан, который его выделял во всей армии, но делать было нечего, жить то охота, и Карл достал из своего багажа свой охотничий костюм.

- Вот теперь добре, барин, тяперича, ты на человека похож. Да, тряпку на лицо намотай и нос прикрой.

- Урядник, тебе что, мой нос не нравится, - слегка заволновался Карл.

- Эх ты, вашбродь, это чтобы тебе пылью, нос и рот не забило, а на длину твоего носа мне чихать, у меня у самого он на бекрень и ничего живу и радуюсь.

- Кольцо, я не это имел в виду, - пошёл на попятную Карл, понимая, что мог обидеть казака. – И вообще Кольцо, зови меня просто Карл, а то эти твои благородия и вашбродия, пока произнесёшь, меня три раза шлёпнут.

- Добре Карл, хватит стоять без дела, вон Хайман с Герстом сейчас заснут.

И Кольцо погнал своих подопечных на очередной круг, для джигитовки, стрельбы и рубки лозы. Андреас был полностью удовлетворен своим новым помощником, на которого он свалил обучение и заботу о Карле, Андрее и Хаймале.

Глава 11

11. Хайман идёт в атаку.

Если кто-то думает, что армия, это строгий порядок и дисциплина, то он будет абсолютно прав, но одновременно, он глубоко заблуждается, особенно, когда Императорская армия встаёт большим лагерем на поле в пойме реки Ингул. Если бы турецкий шпион, решил бы пересчитать количество войск, то вероятно, у него бы получилась армия, по численности равная монгольской орде, или вообще бы ничего не получилось, что-либо сосчитать. В лагере было движение, и не просто движение, а хаотичное движение. Одни подразделения перемещались в одну сторону лагеря, другие в обратную. Сверкая штыками, колонны то соединялись, то расходились в разные стороны. Кавалерия, со свистом, гиканьем, и русской матерщиной, небольшими отрядами рассекала этот человеческий поток. Основные возгласы, стоявшие над лагерем, были - «куда прешь?, пошёл вон, вольно и отставить». Над полем стоял шум-гам, крики вестовых и посыльных, ищущие подразделения, для передачи приказов. Над всем этим воинством стелилась завеса из пыли, дыма и отборных ругательств, известных только в русской армии. Только к вечеру, более или менее разобравшись с местом ночлега, роты и батальоны отходили ко сну, разбредаясь по своим палаткам и выставляя караулы. Как говорится война войной, а распорядок надо соблюдать и караульную службу нести. Всё строго по уставу и в соответствии с приказами, порой противоречащих, друг другу. И если бы турецкий шпион, решил бы подсчитать количество палаток в лагере, то точно, количество палаток утром не совпало бы с количеством палаток вечером. Всю ночь, к лагерю подходили батальоны и полки со всей России.

Россия по стечению исторических обстоятельств, имея колоссальные размеры, от моря до моря, бесконечные дороги и тракты, и неповоротливый административный механизм, не смогла собрать армию сразу в одном месте. Полки из разных городов стягивались к ставке по мере возможности. Так и сводный полк Антона Ульриха, на всех парах двигался к ставке, но всё равно не успевал. Главнокомандующий Миних, сначала гневался, потом ругался, а потом вообще стал нецензурно выражаться на родном ему немецком языке. Не дождавшись всех полков, посланных на усиление армии, Миних, плюнул в сердцах и покинул берега Омельника, где намечалась полная комплектация армии, и двинулся на запад.

Дождавшись, когда вся армия подтянет свои хвосты, от Омельника, Миних разбил лагерь на берегу Ингула, и приказал провести разведку местности силами иррегулярной кавалерии, не оттягиваясь далеко от ставки. Так как, только у Антона Ульриха был подготовлен специальный отряд всадников, то этот приказ Миних отдал принцу.

- Я слышал у тебя сформирован какой-то интересный отряд конной разведки, - обратился командующий армией Миних к Антону Ульриху.

- Так точно, ваша светлость, почти пятьдесят головорезов, собранных из моих кирасир, казаков, гусар и офицеров добровольцев из Семёновского полка, а так же один горлогрыз, породы волчьей.

- А-а, доложили мне, что твой паж волчонка с собой взял, который весь полк раньше петухов поднял, хех. А сам то, Карл, в этом отряде?

- Так точно, пристал ко мне как репей, отпустите меня в поле, да отпустите меня в поле, вот я его с Хаймулей и отправил, пусть пороху понюхает. К тому же он парень умный, умеет фехтовать, стрелять, а вот с дисциплиной у него как-то не очень. Вот пусть в отряде ума и наберется.

- Ну, дай то Бог, если выживет, конечно, то будет из него толковый офицер с опытом. Кстати, а кто такой Хаймуля, о котором вы мне поведали принц?

- Так его волчонка зовут Хайман, ну Хаймуля.

- Интересно. Вот и мы тогда будем этот отряд «Волчьим» звать.

- А почему «Волчьим»?

- Для секретности принц, для секретности.

Палатки конного отряда «Волков», были разбиты на краю армейского лагеря, там же где и маркитантские телеги, сопровождавшие армию. Появился табор маркитантов ниоткуда, на одном из переходов, просто пристроился в хвосте колонны одного из полков и так сопровождал армию, торгуя вином и пивом, вполне сносной едой и различной мелочью, столь необходимой любому солдату.

Между палатками отряда «Волков» и палатками Семёновского полка, поставил свою палатку доктор Чистяков, приготовившись к поступлению больных и увечных. Армия ещё не начала боевые действия, а первые пациенты уже потянулись к лекарю с различными болячками. Доктор подошёл к обустройству полкового лазарета, со всей своей педантичностью, на основе его немаленького опыта. Старые унтер офицеры, служившие при лазарете, обнесли палатки кольями с натянутой веревкой. Поставили палатки для раненых, и по требованию доктора, обустроили заведение первой необходимости, а по простому - сортир.

У костра «Волков», где на треноге висел котёл с кипевшим кулешом, шёл неторопливый разговор, о том о сём, в основном о женщинах и трофеях. Рассевшись, кто как смог, кто на чурбаках, кто возлежал на пополах, соратники готовились вкусно поесть, после чего заняться ратными делами.

- Кольцо, а Кольцо, а что это у нас за еда такая интересная готовится. Вроде и не суп, и вроде и не каша? – Поинтересовался Карл.

- Так что тут интересного, еда как еда, наша, древняя, казачья. Что под руку попало то в котел. Ещё предки наши кулеш готовили. Простая немудреная солдатская еда, очень сытная и вкусная, ежели с салцем. – Отвечал казак Кольцо, помешивая булькающую субстанцию, деревянным черпаком.

Конечно, фуражиры выделили отряду и крупу и мясо. Да вот только мясо была солонина, которую надо долго отмачивать в воде. По этому случаю, неутомимый Карл, собрал команду охотников и под руководством самого опытного охотника – Хаймули, в ближайшем лесу, были пойманы пару зайцев. Вот эти зайцы, дружно варились в котле, на зависть всему полку. Хаймуля, уже отгрыз свою десятину от зайцев, но всё равно ждал ещё и кулеша, как полноправный член отряда, вносимый свой скромный вклад в победу русского оружия. Рядом с Хаймулей, полулежали на пополах казаки, гусары и пришедший в гости к отряду Павел фон Шумлянский. Оказывается, чтобы рота морской пехоты флота не простаивала в Кронштадте, её скорым маршем, отправили на юг России, в действующую армию. Вот тут в ставке, Карл и повстречал своего знакомого по Балтийскому морю, пригласив его на кружку вина с зайчатинной, не уточнив при этом, что зайчатина в котле только варится.

Павел поведал Карлу, что добрались они без особых приключений, не считая разбитых сапог. На корабле то бегать некуда, а тут переходы по пятьдесят вёрст в день. Вот и пришлось его роте двигаться в лаптях по дорогам матушки России в черной форме моряков. Вызывая в сердцах встречающихся людей сочувствие и уважение одновременно. Не часто на просторах страны встретишь флотский отряд в лаптях. Матросики, всю дорогу вспоминали встречу с Андреасом на фрегате, поминая его добрым словом за науку. Воевать то они будут на земле, а не на борту корабля. Теперь его рота была приписана к сводному полку принца Антона Ульриха, а друзья оказались однополчанами.

Со следующего утра, был первый боевой выход отряда, который провёл разведку в радиусе двадцати вёрст от лагеря. Андреас, после раннего скромного завтрака, пока вся армия только-только просыпалась, построил отряд, и разделив его на пять десятков, озвучил боевой приказ на день. Первые четыре десятка были отправлены на все четыре стороны света, искать неприятеля и проводить разведку. Пятый десяток остался в резерве, охранять лагерь и готовить еду. Андреас, действуя строго по военной науке, сразу определил, что в отряде должен быть

резерв. «Армия без резерва, это не армия. Отряд без резерва, это банда самоубийц. Резерв, без работы по хозяйству, - вооружённые разбойники» - Выдал утром на построении, старую Баварскую военную мудрость, Андреас.

Казак Кольцо получил, направление на север, там, где стояли леса, малороссийские деревни и сады, протекали безымянные реки и не широкие ручьи. Определив порядок следования, ранним утром десяток из казаков и части гусар, с Карлом в хвосте колонны, по пылил на разведку. В ходе разведывательного рейда, отряд целый день рыскал по полям и лесам в поисках следов неприятеля. Местные жители, охотно рассказывали, что турок они не видели, но вот западнее, вроде как, вроде кто-то видел, что где-то, были разьезды янычар, но сюда они не совались. Хаймуля сопровождал отряд чуть в стороне, совсем не уставая, от постоянного движения. Карл присматривал за своим питомцем, ему нравился бег волка, лёгкий, стелящийся над землёй, создавалось ощущение, что он плывёт, вытянув своё серое тело, а не бежит, так, как бегают собаки. Ближе к обеду, отряд расположился на обед, выбрав себе место на лесной поляне, поросшей невысокой травой, окружённой молоденькими ёлками и осинами. Карл, как заботливый хозяин, захватил с собой поесть и для Хаймули – наструганное полосками вяленое мясо. Хаймуля, конечно для приличия пожевал эту безвкусную человеческую еду, скривив свой мокрый нос.

«Ешь, чего дают, Хаймулечка, где я тут тебе разносолы, среди леса раздобуду». Посмотрев в умные волчьи глаза, и погладив его между ушей, обрисовал положение с едой Карл.

Выражение на лице волка изменилось, и Карлу показалось, что он ухмыльнулся, растянув свою улыбку, показав Карлу белые клыки. После чего развернулся и не торопясь исчез, в лесной чаще. Отряд, после почти пяти часового поиска, остановился на привал на краю хвойного леса. Разведчики собрали небольшой костерок, выпили из фляги воды и продолжили отдыхать, покуривая трубки и ведя разговоры, обо всём. Десяток собрался разношерстный, все говорили на русском языке, только гусары знали ещё польский язык и несколько местных наречий, что помогало общаться с местными жителями. После перекура, обязательно проверяли лошадей, поили их в ручье, обнаруженном недалеко от поляны, занимались простыми солдатскими делами, осматривали оружие и подсыпали пороху на полки пистолетов, ожидая окончания привала. Лошади уже привыкли к Хаймуле, и не реагировали на его появление, как на дикого зверя. Только Граф, наострил уши и всхрапнул, в тот момент, когда вернулся Хайман, неся в зубах жирного глухаря.

- Вот это у нас и добытчик, - присвистнул Кольцо, - глухаря приволок. Кому скажешь, не поверят, что волк людей кормит.

- Да, он у меня такой, заботливый волк, всё о людях, да о людях думает, - улыбнулся Карл, поглаживая волка по голове.

- Да Карл, с таким волком не пропадешь, разве что готовить не умеет, - в свою очередь высказался Мелихов Андрий, молодой казак из станицы Кольца.

Мелихов был молодым и весёлым казаком, с широкой доброй улыбкой и чуть вздернутым конопатым носом. Однако, под строгим взглядом Кольца, сразу примолк, пытаясь не нарываться на Кольцово замечание, и конопатки на носу и под глазами сразу исчезли под расплывшимся на лице румянцем. Субординацию, между разведчиками, в отряде никто не соблюдал, дисциплина была как таковая, да и то, только при начальстве. Главный - принц Антон, командир - Андреас, да десятники. Обращались друг к другу по именам, кроме Андреаса. Его уважительно называли – господин фендрик. Не смотря на то, что и Карл имел звание корнета, все его звали Карлом, потому что в русской армии, корнет гвардии герцога, это практически ничто, по сравнению с корнетом в русской кавалерии.

Отдохнув на привале, и пожарив глухаря на углях и быстро, его поделив на одиннадцать персон, в том числе и на Хаймана, отряд продолжил свой путь в поисках турецкой армии, или хотя бы разьездов.

Возвращаясь в лагерь каждый вечер из поиска, Кольцо докладывал командиру, об обстановке на маршруте, и по данным своих разведчиков, Андреас скрупулезно составлял отчёты, а те в свою очередь ложились на стол командующему. Миних, имея данные от разведчиков, приказал двигаться армии вперед. Армия ответила «Есть» и двинулась вперед, по землям Речи Посполитой, пересекая леса и поля, форсируя реки. А впереди армии, всю ночь и день, двигались казачьи разъезды и отряд «Волков» в поисках врага.

Вечером отряды возвращались в лагерь, для того, что бы уже ранним утром следующего дня, опять выдвинуться в разведку, но уже на северо-западном направлении в сторону реки Буг. В тот обычный день, в разведку должны были пойти все четыре десятка, в том числе и десяток казака Кольцо, но всеором на запад широким фронтом. Миниху нужна информация о противнике. На штабном совещании, Антон Ульрих получил приказ усилить разведку на западном направлении силами своего отряда «Волков», дабы представить главнокомандующему точную картину.

Как всегда, ранним летним утром, когда над землёй стелился невысокий туман, а солнце только намеревалось показаться на востоке, сорок всадников, разъехались всеором от военного лагеря в западном направлении. Ноги лошадей тут же промокли от утренней росы, а Хаймуля исчез в тумане, сразу же, как только десяток Кольца поскакал на северо-запад. Отряд, проскакав более часа, то рысью, то галопом, и перешёл на шаг, дав возможность немного отдохнуть лошадам. Кольцо отправил своих всадников во все стороны, на поиск неприятеля. Карл, оказавшийся на правом фланге, направил Графа на север осматривать порученные ему для осмотра окрестности. Внезапно, у ног коня объявился Хайман, пропадавший, неизвестно где всю дорогу.

- Что, волчара, боишься в лесу потеряться, - обратился с хитрецей на лице Карл, к своему четвероногому другу.

Хайман, по своей волчьей природе ответить Карлу не мог, и гавкать он не умел, а вот строить гримасы он умел просто как человек. То улыбнётся, то нос сморщит, когда ему что-то не нравилось, а иногда и зубы покажет, зарычит негромко, что означало, что ему ну совсем что-то не по духу. В этот раз, Хаймуля повернулся к Карлу и показал ему свою волчью ухмылку, как бы показывая, что в лесу он практически дома, а заблудиться проще ему – Карлу.

- Ну ладно, ладно, не издевайся, - понял выражение волка Карл.

Проехав редкий лиственный лес насквозь, Карл выехал на неширокое поле, за которым стояла ещё роща, с редкими деревьями, а за ней виднелись поля, с подрастающей кукурузой.

- Ну что Хаймуля проверим, что там за поле такое, кукурузное, может, какого рябчика поднимешь?

Хаймуля ничего не ответив, встал в стойку потянул носом и побежал впереди Графа в рощу, а потом и скрылся в невысоких зарослях кукурузы. Карл, не отставая, от друга, дал шенкелей Графу и помчался рысью за своим волком. Вломившись с хрустом в посадки кукурузы, подминая её и ломая стебли конём, Карл с высоты своего роста, осматривал поле. Перейдя на шаг в густых зарослях кукурузы, Граф осторожно двигался по полю, при этом умудрялся срывать и грызть молодые початки.

Так, шествуя не торопясь, Граф, как корабль на море двигался в направлении, куда убежал Хайман. Вдруг, практически одновременно, чудесный нос барона и ноздри коня, почувствовали, запах дыма от костра. Привстав на стременах, Карл втянул в себя воздух и определил, что, кто-то, где-то невдалеке, готовит обед. Учитывая, что нос у барона различает запахи не хуже собаки, он слегка натянув поводья, направил коня в сторону, откуда ветер доносил запахи. Внезапно, перед ним выпрыгнул из зарослей кукурузы Хайман и зарычал, крутясь перед Графом не давая ему пройти вперед, перекрывая путь.

Хаймуля, пригнулся к земле на передние лапы и, оскалив зубы тревожно, но не громко, зарычал.

- Так, так, так, дружище, спасибо за предупреждение, сейчас проверю, кто там так поздно завтракает.

Карл слез с коня, достал свои пистолеты, проверил наличие пороха на полках, взвёл курки и, пригнувшись, пошёл за Хайманом, приказав коню стоять на месте. Волчонок, изгибая своё тело, просачивался между стеблей, постоянно оглядывался на хозяина, проверяя, не отстал ли кормилец. Так, фланируя между стеблей, стараясь не ломать стебли, осторожно ставя ногу на уже сухую землю, волчонок вывел карла на край поля, где за лесопосадкой расположился на завтрак турецкий разъезд, человек в семь. Турки, одетые кто во что горазд, в цветастые халаты, или в кожаных безрукавках, одетые на голое тело, никого не опасаясь, разогревали на костре лепёшки, и куски мяса, нанизав их на веточки. При этом они вели разговоры между собой, смеялись своим шуткам, цокали языками, поглаживали бороды и все, поголовно курили трубки, выдыхая целые клубы табачного дыма. Турецкий командир, как определил барон, сидел на седле, курил самую изящную трубку с длинным чубуком, и посматривал на своих людей с высоко. А те в свою очередь, кланялись ему, уважительно называли «бек» и подавали ему лепёшки с мясом. Стреноженные, турецкие лошади паслись в стороне под присмотром одного из турок, сидевшего на корточках и задумчиво смотревшего вдаль, о чём-то мечтавая. Оружие турки имели при себе, только сабли и пистолеты, короткие ружья стояли за спиной «бека» в пирамиде, подвязанные для устойчивости кукурузным стеблем.

«Шайзе, да это же янычары, то ли на перекуре, то ли на перекусе. Надо сообщить Кольцу, а может пострелять их, поднять шум, да и ускакать к нашим, за помощью, а наши наверняка услышат стрельбу». Но Карл уже в душе принял решение. Не для того, он так долго готовился к войне, что бы при первой встрече с врагом отступать.- «Барон Мюнхгаузен никогда не отступает, клянусь своей треуголкой».

Осторожно отойдя от турецкого достархана, Карл тихонько, практически на цыпочках, вернулся на поле под защиту кукурузы, нашёл коня по характерному лошадиному хрусту, и в один взмах сел в седло. Успокоив начавшего нервничать коня, натянул на своё лицо пылевой шейный платок, и поехал шагом к туркам. Когда до турецкого костра оставалось, метров двадцать, Карл, пришпорил коня и послал Графа в галоп. Конь взял с места в карьер, двигаясь широкими прыжками, подминая под себя стебли, а его наездник, привстав на стремянах, держа в руках пистолеты, с быстротой молнии выскочили на опушку рощи, с охотничьим диким криком – Ийяяя, прямо на опешивших янычар. Увидев, как из кустов вылетает большой вороной конь с седоком без лица, но в треуголке, турки в ступоре уставились на диковинного наездника. Сжимая бока Графа и бросив поводья, Карл с расстояния десятка метров, выстрелил с правой руки, прямо в «бека», не глядя на результат выстрела, отмечая боковым зрением разлетевшуюся кровавую плоть. С левой руки Карл выстрелил в самого большого и злобного турка, потянувшегося за саблей. Бросив пистолеты в кобуры, и быстро выхватив свою саблю, барон направил Графа на опешивших турок, сбивая их с ног могучим конским ударом. Чуть свесившись вправо, Карл, несколько раз взмахнул саблей, разрубая шеи и головы янычар. Граф крутился с Карлом, сбивая противника то передними копытами, то лягаясь задними. Оказалось, что конь, был обучен кавалерийскому бою, и сейчас с удовольствием показывал своему седоку, на что способен боевой конь, - подарок графини. Буквально за несколько мгновений, бой был закончен. Двое лежали убитыми с дырками от пуль, двоих Карл зарубил саблей, и ещё двоих янычар, Граф просто сбил с ног и втоптал в землю, сломав им кости, своими тяжелыми копытами. Осматривая побоище, барон заглотнул слюну в пересохшем рту, осмотрел местность и вдруг увидел, как охранявший лошадей турок, пытается убежать, бросив своё оружие.

- Хайман, фас! – Дал команду волку, Карл, одновременно вытаскивая из-за пояса подарочный пистолет, оружие ближнего боя и последнего шанса.

Хайман, глядя на убежавшего турка, чуть присел на лапах, вытянулся как серая молния, и как стрела из арбалета сорвался с места, и буквально за несколько мгновений добежал до

турка, и прыгнув ему на спину и сбил того с ног. Карл немного испугался за судьбу врага, ибо ещё не совсем подросший волк уперся в спину турка, своими сильными лапами и, пуская слюну, рычал над шеей несчастного, который уже успел обмочиться и, судя по всему, читал сам себе отходную молитву.

- Отпусти его дружище, лучше за лошадьми присмотри, чтобы они не разбежались, такой трофей я упустить не могу.

Хаймуля, гордо прошествовал к лошадям и, обегая их со всех сторон, собрал в маленький табун.

Обратный путь, к месту сбора своего десятка, Карл провёл, пытаясь удержать лошадей, не привыкших к волчьему обществу в одном караване. Связав их за поводья с хвостами, нагрузив на них ружья, пистолеты и сабли, ругаясь на непонимающих русский и немецкий языки, турецких лошадей, барон вёл через лес свой трофейный караван.

Командир десятка Кольцо, ждал своих подчинённых, на лесной поляне, откуда его отряд ускакал на разведку. Примерно через час, стали возвращаться казаки и гусары, докладывая, о результатах разведки. Главное, турки были обнаружены и турки двигались в сторону русской армии. «Значит, скоро будет генеральное сражение», - такие выводы делал в голове старый служака. Внезапно, в той стороне, куда ускакал Карл, послышались выстрелы, а потом наступила тишина.

- Так братцы, по коням, прокатимся немного, поможем Карлу, - дал приказ Кольцо, и отряд выдвинулся рысью на помощь барону.

Далеко отряд отъехать не успел, когда из-за деревьев рощи, перед полем, в лучах уже вечернего солнца, появилась лошадь с турком, который при первом осмотре оказался связан и привязан к стременам. Весь отряд взялся за ружья, целясь в одного единственного турка. Впереди турка, бежал, улыбаясь во всю свою волчью пасть, Хайман.

- Ааатставить, - дал громко команду Кольцо, и сам опустил свой кавалерийский пистолет.

Позже, поглощая свой законный ужин, сидя на попоне в своей палатке, барона пробрала мелкая дрожь, от осознания, того, что вот так, за несколько мгновений он уничтожил шесть человек. К дрожи в конечностях, добавился и холодный пот, пробившего всё тело молодого человека.

- Что Карл, трясун пробрал? После сегодняшнего дела? – С сочувствием поинтересовался Герст.

- Как вспомню, Андрей, так сразу в дрожь бросает. Представляешь, я даже ничего не почувствовал, только ошмётки кровавые полетели, да рука чуть побаливает в запястье.

- Ну, братец, по первой всегда так, хорошо, что утро не вывернуло.

- Так, это у меня не впервой. Впервой самому, в одиночку, вот так на шестерых.

- Карл, ты же всё-таки офицер, и война, это твоя работа, тебе за неё жалование платят. Так что считай это тренировкой перед настоящим делом. Поешь перед сном как следует, выпей дружище немного побольше, чем обычно вина, да и спать ложись. Вон к Хайману под бочок. – И Андрей погладил по пушистому пузику, лежавшего на месте Карла, Хаймана.

В это время, турецкая армия, готовилась дать генеральное сражение русской армии. Имея численное превосходство, турки в своём лагере, точили ятаганы, в том числе и на самого барона Мюнхгаузена.

Ранним утром, в конце июня, в то время, когда Карл, по заведённой в Санкт-Петербурге привычке, попивал утренний трофейный кофе, перемолотый из запасов зерен, уничтоженных им же турок, уже без особой брезгливости к трофеям, по лагерю разнёсся барабанная дробь, и резкие звуки полковых горнов и крики полковых вестовых - «Тревога, в ружьё...». Чинно поставив недопитую кружку на землю, поближе к кофейнику, вытащив из-за воротника салфетку и бросив её в палатку, размяв, приседая ноги и руки, господин барон вооружился пистолетами, повесил свою саблю на бок и закинул свой штуцер за спину. Барон готов к бою.

Андреас, прибывший взмыленным от палатки принца, приказал всем оседлать коней и ждать приказов, на окраине полевого лагеря. Известно с древних времен, что слухи на войне, распространяются со скоростью пули. Вот и в этот раз, пока Андреас, седлал своего коня, разведчики уже знали, что утром турки напали на караулы левого фланга, но силами второй дивизии были отбиты, так как, благодаря, разведки Андреаса, знали о приближении турок и были готовы «во все оружие».

Звук боя, нарастал с каждой минутой, загремели пушки центральной части, загремели барабаны, ведя своим перестуком батальоны в атаку. На одном из участков, послышалась ругань рукопашной и вой турецкой пехоты. Разведчики смотрели на поле боя, привстав в стременах, пытаясь разглядеть в дыму сражения, чья берет. К отряду подскочил посыльный от кирасирского эскадрона, и сводный отряд разведчиков двинулся рысью за ним, на помощь бригадиру Шипову, на которого напали турки.

Отряд, перейдя на галоп, вышел за пределы редутов на открытое поле, и ведомый своим командиром, поскакал на помощь русским солдатам, ведущих практически уже рукопашный бой, с превосходящими их по численности, турецкими отрядами. А вдогонку отряду, послышался леденящий турецкую кровь, громкий волчий вой. Это Хайман внёс свою посильную лепту, в натиск отряда. Артиллеристы бригады, все, кто ещё оставался в строю, уже не успевали перезаряжать свои пушки, вытащив тесаки и взяв в руки банники, под руководством высокого и молодого офицера, они бились в кровавой рукопашной, не допуская захвата своих орудий. «Братцы, стоим на смерть, не пускать их на позицию» - Подавал команды молодой офицер, рубя саблём нападавших турок. «Ляжем все, но не пустим, вашбродь», неслось в ответ. «Жми ребятки, жми басурман», - подбадривал своих комендоров, офицер.

Вот в этот кровавый бой и влетел на всём скаку, разделённый надвое, отряд Андреаса, ударив турок одной частью во фланг, обойдя позиции пушкарей справа. И понеслась сеча, кровавая и беспощадная. С левого фланга, позиции, кирасиры Антона Ульриха, сомкнув ряды рубили палашами турок, пробиваясь к центру турецкого воинства. А турки и не думали отступать, огрызаясь ружейными выстрелами, и выпустив навстречу кирасирам, в поддержку турецкой пехоты свою лёгкую конницу. В центральную часть позиции, вторая часть отряда Андреаса, ведомая Кольцом, попала, перепрыгнув лошадьми через габионы, - корзины с землёй и камнями, за которыми держали оборону пушкари. Карл, определив себе небольшой участок, выстрелил с двух рук в толпу нападающих янычар, вероятно даже попал в кого-то. Крепко сидя в седле, сильно сжимая бока Графа, и немного поддав каблуками в бока, послал коня брать препятствие. Привстав в стременах, во время прыжка Графа, через габион, прижался к мощной шее коня, а затем Карл откинулся назад, как только Граф перелетел корзины, и передние ноги коня ударили копытами о землю. В этот же момент, в момент приземления коня, перед элегантною носом барона, стальной молнией пролетел ятаган янычара, пытавшегося подловить Карла при выходе из прыжка лошади через препятствие. Не успев испугаться, барон правой рукой, прямо от своей ноги нанёс неизвестно кому удар снизу вверх, рассекая турецкую плоть. Тут же, раздался дикий крик боли врага, потонувший в общем грохоте боя. Звук войны, звук битвы, в которой бился барон, состоял из криков боли раненых и предсмертных хрипов людей, рубящих друг друга остро заточенным оружием, колющих штыками в мягкие податливые животы, отсекающие конечности и разрубающие пополам головы в чалмах. Люди, обезумев от боли, в желании выжить любой ценой, или взять с собой врага, грызли горло врагу зубами, вырывая плоть и обливаясь теплой кровью, так и умирали в объятиях с врагом. Выстрелы, всадников Андреаса, посеяли смятение в турецком отряде, но не повернули его вспять, ведь перед турецкими янычарами, была практически пядь земли, отделяющих их от очень дорогого трофея. Карл, встав в стременах, как учил его поручик Павленков, как тренировал Кольцо, и как учил его с детства старый вояка Фриц и, свешиваясь то с правого бока, то с левого, разгоряченного боем коня, принялся рубить по чалмам, лысым загорелым голо-

вам, подставленным рукам, отбивая ятаганы, кривые сабли и каким-то образом, оказавшиеся в руках турок пики, с конскими хвостами. Граф не отставал от хозяина, пробивая себе дорогу грудью, вставая на дыбы и молотя врагов копытами и расплёскивая на них, срывающуюся с губ пену. В самый разгар сечи, над полем боя раздался за спиной барона очередной волчий вой, долгий, протяжный и очень громкий. Турки вздрогнули, и с криками «Урус Шайтан», предали панике и отступлению, сменяя своих командиров, смело руководящих боем, согласно древней османской науке, стоя позади своих отрядов.

Сквозь звон металла, крики людей и ржание лошадей, послышалось знаменитое русское - «Урааааа!!!», «Геть, басурман» и ядрёные русские словца. Произошёл перелом битвы, турки по своей старой традиции, не выдержав лобового удара, пустились на утёк.

Заразившись победным кличем, русская конница, развернувшись широким крылом, погнала турок к своему лагерю, рубя их направо и налево, - супостатов. Что их жалеть-то.

Однако, не дав развернуться своим разведчикам, Андреас, повернул своих, в сторону тыла, с криками, - «Турки наш обоз берут» и весь отряд прекратил преследовать турок, отдав их на растерзание кирасир и запорожских казаков. Развернувшись на восток, отряд проскакал около мили и обнаружил вагенбург, составленный из телег обоза, вокруг которого, кружились конные янычары в надежде разорвать телеги, и поживится русским провиантом. К отряду разведчиков с левого фланга присоединились кавалеристы ведомые Бироном, создавая массовость атаки, пугая неприятеля.

Впереди отряда, летел Хайман, лошади в галопе догоняли волка и ему пришлось лавировать между лошадей, но когда отряд доскакал до телег, он первым вскочил на телегу с мешками и бочками и опять как в тот раз, завыл, высоко задрав свою морду, удивив своим появлением солдат обозников. Они-то не знали в отличии от всей армии, что у разведчиков живёт боевой волк. Отряд врубился в кружащую вокруг телег турецкую конницу, не дав тем, поживится припасами. Со свистом рубанув саблями воздух, разведка попыталась навязать туркам сабельный бой, но враги, вероятно зная, о победе, пытались, таким образом, хоть как-то нивелировать победу русских, но и тут им пришлось отступать. Что-то туркам резко расхотелось вступать в сабельный бой, с отрядом с ног до головы облитый кровью, со сверкающими глазами всадников, почувствовавших вкус победы и готовых довести дело до логического конца. Янычары прыснули в разные стороны, настегивая своих лошадей плетками и с криками, не приняв боя, на всех возможных лошадиных скоростях поскакали в сторону турецкого лагеря.

Бирон подскакав к остановившимся возле телег разведчикам, узнав в окровавленном Андреасе командира, подъехал к нему на коне и, похлопав сидевшего в седле уставшего Андреаса по плечу, радостно произнёс, - Молодец, хорошая работа.

- Рад стараться, ваша светлость, - Ответил Андреас, подняв Бирона в «Светлости» из «Высокоблагородия», чем ему и потрафил. А Бирон недобро стрельнул глазами в сторону, где находился Мюнхгаузен

- Какой пёсик у вас боевой, - обратился начальник обоза, полковник Данилов, к уставшему Андреасу, сидевшего перед старшим по званию в седле.

- Это не пёсик гер полковник, это настоящий вольф, правда, ещё щенок.

- Ваш пёсик волк? Вы, наверное, шутите?

- Да, ваше благородие, это настоящий волк, а вот и его хозяин, барон Мюнхгаузен, тот, который весь в крови, он как раз ему что-то вкусенькое даёт, он у нас сегодня два раза отряд в атаку водил.

- Смелый у вас барон, а почему он вас в атаку водил?

- Гер полковник, барон никого в атаку не водил, Хайман нас в атаку позвал.

- А кто такой Хайман? Он немец из вашего отряда? – Не унимался любопытный полковник.

- Хайман, это и есть наш волк, зовут его так, ваше благородие, - разъяснил удивлённому полковнику Андреас.

Поцокав языком, полковник Данилов, отойдя в сторону, позвал к себе фельдфебеля и тихо ему на ухо отдал распоряжение: - Вечером, прояви уважение, от меня лично, бочонком вина и окороком в этот отряд. Скажешь для Хаймана, они поймут.

- А не жирно им будет, вашблагородь?

- Дурень, ты Архипыч, час назад могли мы с тобой и без обоза остаться, али без башки, но Бог берёт, так что не жмотись.

Телеги расцеплялись, выстраивались в колонну, солдаты успокаивали лошадей, обратно впрягая их в телеги, обоз в сопровождении отряда Андреаса, выдвинулся в сторону русского лагеря, поднимая пыль по дороге, обозначая свое положение на местности. Отряд Андреаса, ещё раз убедившись в безопасности обоза, направил своих лошадей в лагерь, начинавшего праздновать победу, правда с отпевания погибших на поле боя солдат и офицеров, разложенных рядком, вдоль уже почти выкопанной братской могилы.

Братскую могилу, разместили у подножья невысокой и плоской возвышенности, растянувшийся, чуть ли не на пол версты, примыкавшей к левому флангу лагеря, являющейся природным препятствием для турок, и опорным пунктом армии, в случае нападения. Хоть хоронят православных на третий день, но в таких условиях, когда в любом колодце ждёт холера или чума, доктор Чистяков настоял на немедленном захоронении погибших, чтобы не подцепить солдатам какую-либо заразу. Учитывая опыт прошлогодней кампании, Миних распорядился провести отпевание как можно быстрее, построив почётный караул вдоль траншеи.

Всадники, возвратившиеся в лагерь, не доезжая до похоронной процессии, слезли с лошадей, и, проходя мимо, сняли головные уборы, крестились, каждый на свой лад, православные справа налево, а лютеране и католики с лева на право. Похороны с воинскими почестями, почётным караулом и суровыми лицами командования, обратная сторона медали - «победы». Вечером, отряд распряг своих коней, принялся зализывать раны. Убитых в отряде не было, но ранены были практически все. Самая тяжелая рана была у Мелихова. Ему полоснули в стычке по ноге, разрубив его сапог, но, слава Богу, станичники держали под присмотром своего новика, и быстро организовали ему эвакуацию за габиионы, передав в руки санитаров.

Доктор Чистяков, вспотев от напряжения, чистил и зашивал раны, ампутировал то, что уже невозможно было спасти, накладывал на поломанные конечности лубки, в общем занимался тем, чему он долго учился в своих университетах.

Когда Мелихова вернули в палатку с перевязанной ногой, он за одно, передал Карлу записку от доктора, написанную на клочке бумаги, и на немецком языке.

Развернув бумажку, Карл прочитал: - «Карл, выручай, много дел. Помоги своим, обработай раны, перевяжи, вспомни всё, чему я тебя учил, потом разберусь. Твой доктор».

- Ты её читал станичник? – Поинтересовался Карл у Мелихова.

- Нет Карл не читал, я неграмотный ешшо в немецком, - улыбнулся своей широкой казацкой улыбкой Андрий.

- Господа раненные, увечные и покушанные, прошу всех ко мне. С разрешения доктора я сегодня буду вас обрабатывать и перевязывать. – Крикнул по лагерю клич барон.

- Первым делом, необходимо обеззаразить рану, - приговаривал Карл, поливая раны и царапины, на телах и конечностях своих сослуживцев, так хорошо ему знакомым самогоном. – Если вам немного больно, от моих манипуляций, - блеснул медицинской терминологией Карл, - то неплохо принять стаканчик обезболивающего эликсира, - протягивая стакан с самогоном страждущим, - продолжал колдовать с ранами новоиспечённый доктор. - А теперь, надо рану прочистить, кипяченой водой и убрать из неё всякую дрянь, - с этими словами Карл, промыл рану кипяченой водой и осторожно прочищал от остатков одежды, земли и травы, с помощью, прокаленной на огне, а потом охлажденной иголкой. Далее ещё раз промывал самого-

ном и накладывал тугую повязку. Кому было необходимо, при наличии глубокой раны, он её зашивал, вспоминая дорожные лекции доктора. Работы было не много, и через два часа, Карл закончил свой первый в жизни медицинский приём.

- Карл, да у тебя самого, кафтан кровью пропитался, - указали на кровавые пятна Герст и Кольцо.

- А это чужая кровь, мне ещё сегодня стираться у маркитанток. – Ответил беззаботно барон Мюнхгаузен.

- Да нет, братец, скидавай свои лохмотья, вон дырка и вона дырка, - ткнул пальцем в кровавые пятна Кольцо.

Раздевшись, Карл предстал перед сослуживцами, с ранами на своем молодом и мускулистом теле. Лёгкий порез на левом бедре, один порез на спине и один порез на правом боку. Всего три отметины за один кровавый бой. Хорошо отделался господин барон.

- Ну а теперяча и я покажу, как мы в походах раны врачевали. Надеюсь, выдюжишь казачью воровку. – Принялся за дело Кольцо.

- Попробую, конечно, но только позволь мне самому, раны поливать, - попытался помочь сам себе Карл.

- Не дотянешься, места уж больно неудобные.

Кольцо положил Карла на кафтан, и обильно полил самогоном все его раны. Раны были чистые, но с запёкшейся кровью. Карлу пришлось терпеть, шипя сквозь зубы и покрывая своего командира различными ругательствами. Кольцо, промывал Карлу не только раны, но и вокруг них. После чего, вышел из палатки и вскоре вернулся, держа в руках большие зеленые листья, обильно растущие вокруг палаток. Прополоскав эти листики в самогонке, и немного потеряв их пальцами, он приложил листки на раны и забинтовал остатками материи, выданной доктором Чистяковым из недр лазарета. – Всё Карлуша, через три дня будешь как новенький.

- Ты часом не колдун, Кольцо? Что это за травы такие. - Поинтересовался Карл.

- Травы как травы, подорожник это. Мы им с детства раны лечим. Порежешь чего, сорвал подорожник, потерябил его в руках, плюнул, приложил, а по утру, и раны нет. – Объяснил Карлу азы деревенской медицины Кольцо.

А присутствующие станичники, подтвердили этот рабочий народный рецепт, поддакиванием и покачиванием головы.

- Солдатики, есть что постирать, поди все в крови басурманской. Зашьём, заштопаем будет ваша одежда новая с иголки. – Пошли по лагерю маркитантки с корзинами, обеспечивая себя работой на ночь. – Всего копейка, постирать заштопать, погладить, утром будет всё готово.

- Поди сюды, красотка, есть тут что постирать, - откликнулся Кольцо.

Красотка, вошла в палатку, чуть пригнувшись, и увидев в одних панталонах молодого и красивого как Аполлон, Карла, слегка зарделась, притворно прикрыв глаза ладошкой. «А кто тут у нас такой молодой и красивый, весь пораненный? Прям Геракл». – Со смешками произнесла маркитантка, назвав единственного, кого она знала из Античных богов Олимпа.

- Хватит мне тут парня смущать, вон его одежда, собирай, утром принесёшь, вот тебе копейка, да погладь за одно, он же у нас всё-таки офицер. – Выдал девушке из своих запасов копейку, Кольцо.

- Если господа военные, захотят ещё чего, то у нас всё есть, даже для таких молоденьких офицеров, - Выходя из палатки и повернувшись через плечо, сделала намёк сударыня прачка.

Карл лежал на своём матрасе, укрытый своим старым синим кафтаном и и пытался почесать свои раны. Видя мучения хозяина, Хаймуля, прилёг под бок к Карлу, согревая его своим теплым и лохматым телом. Почёсывая волчье пузико, Карл постепенно закрывал глаза, а потом и вовсе заснул, не смотря на храп Герста, да и вообще на шум военного лагеря. Армия, согласно уставу, отходила ко сну. Усиленные караулы и секреты тайно окружили лагерь, готовые в любой момент поднять тревогу.

Карлу снились, тела русских солдат, готовые к погребению, батюшка с кадилом поющий какой-то псалом. Потом ему снилась сеча, но он был в рыцарских доспехах, на коне, но без пистолетов. А вот турки, были всамделишнее, сегодняшние, с огнестрельным оружием, они всё время пытались его застрелить, а он рубил их мечом, длинным и блестящим, но турки не кончались, их становилось всё больше и больше. Карл кричал, пытался конём задавить их строй, но ничего не получалось, ему стало досадно, что он вот так просто умрёт, окруженный врагами. В разгар боя к нему на помощь прискакал Хайман, и принялся кусать и грызть врагов. Карл обрадовался, радостно закричал и Проснулся.

Рядом с ним сидел Герст и Хайман и смотрели на него оба, во все глаза.

- Вы чего уставились то?

- Карл ты кричал во сне, то «ура», то ругался на немецком, вон и Хаймулю разбудил.

- А на русском я не ругался?

- Нет, на русском ты не ругался.

- Сон мне приснился, но если я на русском не ругался, то будем считать, что сон не был страшным.

Хаймуля посмотрел на Карла и, сделав серьёзную морду, собрав на своём уже лобастом лбу морщины, внимательно разглядывал Карла, смотря ему прямо в глаза.

- А ты мне приснился дружище, - к удивлению Андрея, карл обратился к волку.

Хайман изменил свою волчью гримасу, на другую, - подняв уголки своей пасти, растянув их в подобие улыбки, ухмыльнулся одними глазами, и зевнул, очень широко раскрыв свою пасть, показывая в свете свечи, своё чёрное, ребристое нёбо. Потом бесцеремонно, улегся на топчан, подвинувшись немного в сторону, уступая место своему товарищу. После такого боя, они теперь боевые товарищи, только в разных природных ипостасях.